

A book cover featuring a man and a woman. The man, on the left, has dark, wavy hair and a beard, wearing a black leather jacket over a white t-shirt. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and is wearing a white top. The background is dark with blue and white light effects. The title is written in large, stylized letters at the bottom.

ЭЛИНА ВИТИНА

Друг
МОЕГО БРАТА

Элина Витина

Друг моего брата

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69138388

Аннотация

– Одевайся, – он не глядя бросает мне одежду, – И чтобы я больше здесь тебя не видел!

Я заглядываю ему в глаза, силясь увидеть там хоть какие-то эмоции. Но все что я вижу – это все то же ледяное презрение, унижающее меня холодом до самых костей.

Четыре года назад Глеб Урицкий разрушил мою жизнь, растоптал репутацию и что ещё хуже – разбил мое сердце. Я твёрдо намерена держаться подальше от него и его самодовольной ухмылки, вот только это оказывается не так просто...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	47
Глава 9	52
Глава 10	58
Глава 11	68
Глава 12	73
Глава 13	78
Глава 14	85
Глава 15	90
Глава 16	98
Глава 17	105
Глава 18	111
Глава 19	123
Глава 20	128
Глава 21	136
Глава 22	144
Глава 23	148

Глава 24	156
Глава 25	160
Глава 26	166
Глава 27	174
Глава 28	178
Глава 29	183
Глава 30	197
Глава 31	202
Глава 32	209
Глава 33	214
Глава 34	222
Глава 35	227
Глава 36	240
Глава 37	245
Глава 38	253
Глава 39	262
Глава 40	266
Глава 41	276
Глава 42	281
Глава 43	287
Глава 44	293
Глава 45	299
Глава 46	305
Глава 47	312
Глава 48	317
Глава 49	322

Глава 50	331
Глава 51	337
Глава 52	343
Глава 53	348
Глава 54	353
Глава 55	359
Глава 56	364
Глава 57	377
Глава 58	384
Глава 59	392
Глава 60	398
Глава 61	404
Глава 62	410
Эпилог	414

Элина Витина

Друг моего брата

Глава 1

Глубокий вдох, выдох... я захожу в родительский дом. Несмотря на то, что я предупредила о своем визите, отец и Алина, его жена, решили не дожидаться и сели ужинать без меня. Впрочем, я не особо расстроилась, мне сейчас кусок в горло точно не полезет. “Хотя, им тоже вряд ли захочется продолжать трапезу после увиденного”, – злорадно подумала я.

Имитировать слезы, к счастью, не было нужды. Они все равно не имели никакого эффекта на отца. Поэтому я дала волю своим реальным эмоциям – злости и обиде.

Отец при виде меня оторвался от стейка и, поприветствовав, жестом указал на свободный стул.

– Что-то случилось? – участливо поинтересовалась мачеха.

– Случилось! Кирилл Русеев со мной случился! – гневно парировала я и бросила на стол несколько фотографий.

Отец лишь скользнул по ним взглядом, Алина же внимательно изучала изображения.

– Это не ты, я так понимаю, – медленно протянула она.

Мне очень хотелось съязвить, но я сдержалась. Да, на фотографиях определенно была не я, несмотря на то, что там фигурировал мой полуголый жених. На нем, спиной (спасибо и на этом) к камере восседала такая же полуголая девица. Спутать нас было довольно сложно хотя бы потому, что ее спину прикрывала россыпь белокурых кудрей, тогда как мои волосы были прямыми и почти черными. А еще на ее поясице красовалась татуировка то ли в виде бабочки, то ли в виде мотылька... в любом случае, я бы себе такую пошлость никогда не позволила.

– Полина, – со вздохом начала мачеха, – мы с тобой уже обсуждали это. – Она бросила быстрый взгляд на моего отца, но он не спешил спасать ее от неловкого разговора. – Мужчины... особенно сильные мира сего... им сложно быть в многогамных отношениях. Да, иногда у них бывают слабости, но они всегда возвращаются домой... к таким как мы с тобой. Причем, возвращаются не с пустыми руками, – захихикала она.

Не могу назвать наши с ней отношения теплыми, но врагами мы точно не были. Поэтому сейчас ее слова вызвали во мне только жалость. Может, она и готова терпеть многочисленные измены мужа в обмен на бриллианты или новое авто, но я для себя такую жизнь не хочу.

– Да, я помню наш разговор. Но если я не ошибаюсь, ты

тогда имела ввиду умных мужчин, тех которые, как бы так сказать, не особо палятся.

Отец при этих словах немного поморщился. Да-да, воспитанные девочки слово “палятся” не говорят. Если и есть что-то, что имело значение для Леонида Воронцова, так это репутация и воспитание. Но в данной ситуации, его отношение к “что же скажут люди” было мне только на руку.

– Проблема в том, – я специально сделала многозначительную паузу, – что данные фотографии сегодня оказались на обозрении всего университета. Ну, по крайней мере, 68 человек с нашего потока нашли их в своих столах на первой лекции. Полный масштаб катастрофы мне сложно представить, но смею предположить что к концу дня, мало кто остался в неведении похождения Кирилла.

Это, наконец, привлекло внимание отца. Он в злости отбросил приборы и они с громким звоном стукнулись о его бокал, тем самым опрокинув его. Красное вино растеклось по столу и я как зачарованная следила за пятном, гадая упадут ли капли на светлый ковёр или нет.

– Щенок, – гневно процедил отец. – Быдло, оно и есть быдло, что ни говори. Он что, не понимает, что компрометирует не только себя, но и нашу семью?! Я сейчас же позволю его отцу, от этого сосунка и мокрого места не останется.

Добро пожаловать в лицемерный мир “сильных мира се-

го”, как выразилась Алина. Вы можете спокойно изменять своим женщинам направо и налево, и никто вам слова не скажет. Но стоит вам “спалиться”, как на вас выльется гнев всех “порядочных семьянинов” вокруг.

– Я не знаю как мне теперь идти в университет, – призналась я. – Сегодня я сбежала как только увидела эти фото, но я же не могу прятаться вечно. Может, мне перевестись на заочку? Ну или хотя бы на самостоятельное обучение пока вся эта шумиха не утихнет?

– Тебе? Ты Воронцова! А Воронцовы не прячутся! Пойдешь в университет с гордо поднятой головой, как и всегда. Шавки вокруг всегда будут тявкать, какое нам до них дело?

Уж чего-чего, а чувства собственного достоинства отцу не занимать. Это, пожалуй, единственная черта, которую я бы хотела от него перенять. Но, к сожалению, не сложилось, поэтому любопытные и насмешливые взгляды я всегда переносила с трудом. А когда и научилась не обращать на них внимания, то отнюдь не оттого, что считала себя лучше других. Просто в определенный момент, орган, отвечающий за мнение посторонних не выдержал нагрузки и сгорел к чертовой матери, а мне стало наплевать на то, что там обо мне думают другие. Все-таки, невозможно, всю жизнь прожить тревожась о мнении окружающих. У меня, к сожалению, в этом деле опыт большой.

Задерживаться у них дальше смысла не было. Я была

уверена, что после звонка отца, Кирилл не будет пытаться оправдаться и донимать меня. Пусть наши родители разбираются между собой, все-таки, это у них на нашу пару были огромные планы. Хотя... поначалу и у нас были. Было бы неправдой сказать, что это родители свели нас вместе. Начали мы встречаться по обоюдному согласию и, не побоюсь этого слова, симпатии, а вот потом уже родители увидели в этом шанс надежно объединить свои компании и возложили на нас большие надежды.

Дело в том, что отец очень гордился своей родословной и так называемыми, “старыми деньгами”. Семья Кирилла, наоборот, переехала сюда из провинции и хоть была очень богатой, но не могла похвастаться “голубой кровью”. Как только мы начали встречаться, родители стали обсуждать строительство нового завода на юге страны, закрепив тем самым их компании лидерами в отрасли. Так что наш брак по идее должен был одним ударом убить двух зайцев: поправить небольшие проблемы в бизнесе моего отца и “продвинуть” семью Русеевых вверх по социальной лестнице.

К сожалению, о том в какую ловушку я угодила, я поняла слишком поздно. Изначально отношения с Кириллом были для меня глотком свежего воздуха. В школе последние годы со мной никто не общался, кроме одного-единственного друга, Алекса Булавина, но и он, поступив в университет

на год раньше меня, оставил меня в выпускной классе совсем одну. Обиднее всего, что виной моему одиночеству были мой собственный брат Максим и его лучший друг Глеб Урицкий. Эти двое меня настолько ненавидели, что практически создали “клуб ненавистников Полины” и сплели такую паутину из лжи и сплетен, что в стороне не остался никто. Самым печальным было то, что они сами всем сердцем верили в свою ложь и не пожелали дать мне возможность рассказать свою версию событий.

Но это было четыре года назад, сейчас нас абсолютно ничего не связывает и даже общее прошлое, кажется, просто стерто из памяти. Я для них ничто, пустое место. Они для меня... они просто НЕ для меня.

Глава 2

На следующий день в университете Кирилл, действительно, даже не пытался со мной заговорить. Чего нельзя сказать о других. Радует только, что в центре всеобщего внимания я оказалась не одна. Я слышала глумливые шуточки в сторону Русеева и видела неоднозначные взгляды в сторону нашей однокурсницы Яны. Несмотря на то что сегодня одна пришла с идеально прямыми волосами, все догадывались кому принадлежат кудри наездницы Русеева на фото.

Мне бы ее самообладание! Она ходила с высоко поднятой головой и даже состроила довольно злобный оскал, когда мы с ней встретились взглядами.

– Ты как? – поинтересовался Алекс, вручая мне шоколадный батончик из автомата. Учитывая всеобщее настроение и интерес к моей персоне, я отказалась идти в кафетерий и он решил составить мне компанию, но пропустить прием пищи Булавин не был готов, поэтому его обед представлял собой страшный сон диетолога и мечту любого подростка одновременно: чипсы, кола, шоколадные батончики, зефир и вафли.

– Я... свободно, – честно ответила я, с сомнением глядя на его выбор.

Хоть я и не посвящала друга в подробности отношений

с Кириллом, но я знала, что он догадывался что у нас было не все гладко. Его неприязнь к Русееву я всегда ощущала на физическом уровне, Кирилл, кстати, тоже. Он как-то пытался выяснить чем так не угодил моему другу, даже намекал на то, что Алекс тайно питает ко мне чувства и всё это результат его ревности. Я же всегда отшучивалась и уводила разговор в другую сторону. Эх, знала бы я три года назад, что у моего друга просто очень хорошее чутье на говнюков...

Поэтому Булавин даже не пытался изобразить дружеское сочувствие, знал, что я бы ему просто не поверила. Но и показывать бурную радость, надо отдать ему должное, не стал. За это я была ему особенно благодарна, учитывая любопытные взгляды вокруг, его веселье вряд ли бы осталось незамеченным и вызвало ненужные вопросы.

Мы хаотично перемещались по первому этажу в поисках свободной аудитории, чтобы перекусить, но вместо этого наткнулись на группу второкурсников, которые тут же начали глумливо улюлюкать и предложили свои кандидатуры на вакантную должность, которую оставил Кирилл. Я только закатила глаза и уже собиралась продолжить наши поиски, когда один из них громогласно рассмеялся и заявил:

– Вообще, от нормальных баб мужики не гуляют, так что если Русеев предпочитал пялить кого-то на стороне, то вполне можно предположить, что с ней что-то не так, – кивнул он в мою сторону.

Алекс дернулся к нему, но я его остановила, окинув эту компанию своим самым надменным взглядом:

– Единственное что со мной не так – это то что я изначально умудрилась вляпаться в отношения с мудаком, но не переживайте, второй раз я эту ошибку не повторю, поэтому у вас нет шанса.

Я резко развернулась, намереваясь гордо покинуть эту компанию, но так и застыла на месте. Алекс грязно выругался, заметив причину моего ступора.

Черт побери! Со всеми этими событиями, у меня абсолютно вылетело из головы, что стажировка пятикурсников подходит к концу и они возвращаются к учебе.

Несмотря на то, что мы учились в одном университете с моим братом и его лучшим другом (и моим лучшим врагом по совместительству) Глебом, первые два курса мне удавалось игнорировать их соседство потому что факультет международных отношений, студенткой которого я являюсь, находился в другом корпусе. Но с третьего курса мы перешли в главный корпус, и в течение всего года наши пары будут проходить здесь, на законной территории юридического факультета. И если моей первой реакцией была бурная радость – наконец-то мы с Алексом будем видеться чаще, потому что он тоже будущий юрист, то потом до меня дошло, что есть еще два студента юрфака, встречи с которыми мне вряд ли удастся избежать.

Тот факт, что практически весь сентябрь пятикурсники провели на стажировке, позволил мне расслабиться и на время забыть об их неминуемом возвращении. Именно поэтому я сейчас застыла посреди холла и пыталась вспомнить куда и зачем я направлялась, до того как увидела Урицкого. Глаза мельком пробежались по его силуэту в надежде, что он за эти годы отрастил козлиную бородку или хотя бы полысел, но нет... удача сегодня явно не на моей стороне, потому что Глеб стал еще красивее. Раньше он всегда коротко стригся, сейчас же волосы немного отросли и он вполне мог сниматься в рекламе мужского шампуня, причем определенно премиального, а не того, который одновременно и гель для душа, и кондиционер и стиральный порошок при желании. Ушла подростковая неслаженность, вот только глаза остались прежними – такой глубокий и такой холодный синий взгляд. Когда-то я была готова слагать стихи его глазам и, каюсь, даже докатилась до того, чтобы сравнить их с сапфирами и чистейшими водами Байкала. К счастью, даже в четырнадцать лет у меня хватило ума держать свои поэтические изыски при себе. Сейчас же, первое что приходит в голову при виде его взгляда – это лед. Хотя... может это потому, что смотрит он на меня.

– Я смотрю, ничего в этой жизни не меняется, – насмешливо произнес он вместо приветствия. – Годы идут, а твоя

потребность быть в центре внимания никуда не делась.

– Могу сказать то же самое о твоей потребности делать поспешные выводы. Но кого это волнует, да? Мы с тобой вряд ли изменимся, поэтому предлагаю сделать вид, что мы не знакомы. Если мне не изменяет память, в прошлом это у тебя отлично получалось.

И не дожидаясь ответа, пропитанного ядом, в этом у меня сомнений не было, я подхватила Алекса под руку и поспешила на второй этаж, где скоро должна была начаться лекция. Аппетит, не особо присутствующий до этого, сейчас испарился окончательно, поэтому я вернула шоколадный батончик другу и направилась в аудиторию.

– Эй, – замешкался Булавин, – хочешь я пойду с тобой? Сяду рядом и буду гневно глазеть на любого, кто посмотрит в твою сторону?

– Да, это определенно остановит интерес окружающих. Всё нормально, честно.

– На правах друга, смею заметить, что ты не выглядишь как будто все нормально.

– К этому, – я махнула рукой в сторону аудитории и студентов внутри, – я была готова. Даже аффирмационную мантру утром перед зеркалом прочла десять раз. А вот к Урицкому... к нему я явно не была готова. К нему я никогда не готова.

– Боюсь спросить что за мантру ты там читала, – поинтересовался друг.

– Ну так... все как обычно: все вокруг идиоты, я одна умница и красавица и все в таком духе, – мне уже сложнее было сдерживать улыбку.

– Отличная мантра, – заметил он. – Надо взять на вооружение. Перед зеркалом стоять обязательно или можно прям вот так, на лекции сидеть и аффирмировать?

– Можно и на лекции, но тогда лучше не вслух.

– Не, если не вслух, то вся прелесть теряется, – посетовал Алекс и помахав мне на прощание, пошел к своей аудитории.

Остаток дня прошел более менее спокойно, несмотря на то, что даже преподаватели, казалось, были в курсе событий и с любопытством посматривали в мою сторону. Кирилл, к счастью, на общую лекцию для всего потока не явился. С одной стороны, меня раздражало, что он этим вроде как бросил меня на амбразуру всеобщего внимания, но с другой – радовало тем, что хотя бы о его внимании мне не нужно было беспокоиться. Хотя, с возвращением Урицкого, список людей, встречи с которыми придется избегать в коридорах университета, пополнился на одного.

Возвращение Глеба означало и то, что скоро должен вернуться мой брат. Беда не приходит одна, как говорится. Я была настолько сфокусирована на ситуации с Кириллом, что скорый приезд братца просто выпал из головы. Что ж, надо пользоваться возможностью, пока его еще нет.

Заскочив домой за экипом, я отправилась на трек.

Глава 3

Наверное, любовь к мотоциклам и скорости была у нас с братом в крови. Единственная наша общая черта, судя по всему. “Жаль, что он об этом не знает”, – подумала я с усмешкой. К тому моменту как Макс с Глебом увлеклись мотоциклами, мы уже не общались. Но я все равно жадно слушала его рассказы о скорости и разных моделях мотоциклов, в те редкие вечера, когда вся семья собиралась за ужином. Сначала я просто гуглила услышанные названия, чтобы понимать о чем речь, потом втянулась и поняла, что хочу знать больше.

Найти инструктора было легко, а вот открыть категорию для управления мототранспортом, мне так и не удалось. Отец даже слушать об этом не желал, хотя против вождения автомобиля совсем не возражал и даже подарил новенькую “ауди” на восемнадцатилетие. Мотоциклы же он считал исключительно “мужской забавой”, о чем мне и заявил стоило мне заикнуться о них.

Иногда я думаю, что может эти слова меня и подтолкнули к тому, чтобы сесть на байк во что бы то ни стало... Лучше так, чем думать, что своей страстью к скорости я обязана брату, или еще хуже – Глебу.

Я знала, что Максим арендовал бокс на треке, и нагло

этим воспользовалась, выкрав у него дубликат карты-ключа. Раньше мне постоянно приходилось выведывать у мачехи расписание поездок брата. К счастью, Макс не мог подолгу находиться на одном месте и постоянно куда-то уезжал, хотя бы просто на пару дней, а я только радовалась этим отлучкам, потому что могла приезжать на трек и пользоваться его собственностью. Когда летом он получил место на стажировку в Риге, я наверняка, обрадовалась больше него, потому что это давало мне безлимитный доступ к его мотоциклу.

Вот и сейчас, загнав машину в бокс, я переоделась, надела шлем и нежно погладила хромированный бок байка.

Когда я впервые рискнула им воспользоваться, была уверена, что он догадается, что кто-то был здесь в его отсутствие, хотя бы просто по пробегу на хронометре. Но годы шли, а брат все так же ничего не подозревал и поэтому я продолжала приходить сюда снова и снова.

Выкатив мотоцикл, я оглядела трек. Сегодня будний день, поэтому на мое счастье, было немногочисленно. Вдалеке виднелись два мотоцикла, я засмотрелась на то как они идут почти бок о бок и догадалась что у них гонка. Всегда хотела поучаствовать, но боялась, что так я точно привлеку к себе внимание и брату донесут, что на его байке гоняет какая-то девица.

Даже наблюдая за гонками по телевизору, у меня всегда учащался пульс и поднимался уровень адреналина. Я могла

только представлять какой эффект на меня бы произвело реальное участие. “Возможно когда-нибудь, в следующей жизни” – подумала я и поняла, что опять как будто откладываю саму жизнь на потом, а ведь только недавно, размышляя о своей, вновь свободной жизни, пообещала начать, наконец, жить и более того, получать от этой самой жизни удовольствие!

Я завела мотор и байк с громким ревом бросился вперед. Несмотря на шлем, я легко дышала полной грудью. За рулем мотоцикла я всегда чувствовала особый кайф, может потому что я держала ситуацию под контролем, тогда как в обычной жизни у меня было слишком много ограничений.

Поглощенная своими мыслями и эйфорией от скорости, я не сразу замечаю, что меня нагоняет другой мотоцикл. Я сбрасываю скорость перед поворотом и второй байк начинает мне сигналить и машет рукой в сторону зоны безопасности, мимо которой я как раз проезжала. Эта зона предназначена для съезда с трассы в случае неисправности транспорта. С моим же мотоциклом все отлично, поэтому я не вижу смысла идти на поводу у незнакомого пилота. Но он не спешит отставать, практически поравнялся со мной.

– Хочешь устроить гонку? – спрашиваю я, прекрасно понимая, что никто меня не слышит. – Что ж, я только за.

Очень хочется добавить что-то вроде “глотай пыль, чувак”, но даже в разговоре с самой собой я не могу заставить себя произнести такую банальщину. Вместо этого правой рукой еще сильнее сдвливаю рычаг газа. Спидометр показывает 240 км/ч, мой рекорд на этом байке – 250 км, но я и не думаю останавливаться. Впереди довольно крутой поворот и хорошо бы до него оторваться от незваного соперника. Легче сказать, чем сделать. Мы идем практически вровень. По идее, уже сейчас нам нужно сбрасывать скорость чтобы войти в поворот плавно, но я упрямо жду, чтобы второй пилот сделал это первым. А он, судя по всему, не планирует легко отступать.

Надо же было мне умудриться в свою первую в жизни гонку нарваться на какого-то камикадзе. Он что, действительно собирается войти в поворот на такой скорости? К счастью, его здравый смысл побеждает и он все-таки сбавляет скорость. Мой здравый смысл вроде как тоже понимает, что надо бы тормозить, но одновременно с этим приходит осознание, что времени для маневра у меня не остается и поэтому вспомнив все, чему меня учил инструктор, я практически горизонтально укладываю мотоцикл и вхожу-таки в поворот. Очень хочется остановить байк, снять шлем и самой себе дать нехилую затрещину за такой глупый поступок, но вовремя вспоминаю, что наша так называемая гонка еще не закончена. Теперь, конечно, у меня все шансы победить. Опасным маневром я выиграла всего несколько секунд, но

в мотогонке счет обычно идет как раз на секунды, а то и на их доли.

Сердце бешено колотится, уровень адреналина в крови зашкаливает и я, наконец, понимаю как много упустила в жизни отказывая себе в участии в гонках.

К финишу я прихожу первая, и мысленно считаю: один, два, три, четыре, пять, шесть и мой соперник тормозит рядом со мной. Я поднимаю визор, собираясь поблагодарить пилота за гонку, как видела это у других.

На особо дружеское приветствие я не рассчитываю, все-таки проигрывать никто не любит, но злобный оскал соперника вводит меня в ступор. Хотя, думаю, тут его проигрыш не причем. Этот человек просто не умеет смотреть на меня по-другому.

Урицкий! Черт бы его побрал! Как я умудрилась ввязаться в гонку с ним?! И тут до меня с опозданием доходит, что изначально ни в какую гонку он меня не приглашал. Он хотел привлечь мое внимание и сигналил потому что узнал байк моего брата и, зная, что тот все еще не вернулся, пытался выяснить кто на нем гоняет.

Кажется, у меня большие проблемы. Очень большие проблемы! Но я взрослая девочка, поэтому и проблемы буду решать по-взрослому. В какой-нибудь другой раз и какие-ни-

будь другие проблемы. А сейчас, пока Урицкий слезал с байка, я порадовалась, что не успела заглушить мотор и резко дернулась с места.

Глава 4

Загнав мотоцикл в бокс, я нажала на кнопку закрытия ворот, но они, как назло, ползли вниз предательски медленно. Урицкому даже не пришлось делать фирменный подкат как в популярных боевиках, когда герой буквально закатывается в узкую щель между опускающимися воротами и полом. Нет, он спокойно припарковал свой байк, заглушил мотор и вошел в гараж лишь чуть-чуть пригнув голову.

– Что за хрень, Полина?

Внутри все сжалось от мысли, что через несколько секунд ворота окончательно опустятся и мы с ним останемся вдвоем в закрытом пространстве. В очень ограниченном пространстве. Мне не то что бежать, мне даже отступать особо некуда. Здесь едва хватало места для моей машины и мотоцикла брата.

– Давай ты меня избавишь от лекции, что чужие вещи брать не хорошо, а я пообещаю, что больше так не буду и мы на этом мирно разойдемся, а?

– Ты о чем, нахрен, думала когда входила в тот поворот? Тебе жить надоело?

И только мое черное-черное сердечко начало оттаивать от мысли, что он заботится о моем здравии, как он добавил:

– Я думал, что попытки суицида ты оставила в прошлом.

Это был удар ниже пояса, но я вспомнила все отцовские уроки из разряда “держи лицо в любой ситуации” и попыталась изобразить ухмылку.

– Я думала, что тебя я тоже оставила в прошлом. Но вот ты опять здесь, второй раз за день, прошу заметить. Так что еще спорный вопрос кто больше разочарован.

– Хватит ёрничать. И давно ты, интересно, тут ошиваешься в отсутствие Макса?

– Если я отвечу, что сегодня был мой первый раз и вообще, я до этого никогда не приближалась к мотоциклам, ты мне поверишь? – я выдала ему свою самую невинную улыбку.

Улыбка, как я в принципе и предполагала, на него не подействовала. Он продолжал хищно приближаться ко мне, а я невольно сделала шаг назад и поняла, что отступать мне, по большому счету, некуда, зад упирался в горячий бок байка.

– Я думаю, тебе больше стоит переживать о том во что поверит твой брат... а еще лучше, во что поверит твой отец, когда я ему расскажу как ты проводишь свое свободное время.

– Вау, как низко ты пал. Ты сейчас, действительно, запугиваешь меня папочкой? Я уже не школьница, Глеб.

– Я вижу, – взгляд Урицкого прошелся по всему моему телу, обтянутому в кожаную экипировку. Он громко сглотнул и даже едва заметно помотал головой, как будто не со-

глашался со своими собственными мыслями.

– В школе у тебя были другие развлечения, насколько я помню. Хотя по уровню драмы, твое экстремальное вождение вполне вписывается в общую канву. Одно непонятно, почему так мало зрителей?

– Не хотела тебя смущать, подумала что ты будешь чувствовать себя неловко, что продул гонку девчонке. В следующий раз обязательно соберем побольше зрителей. Только назови дату.

– Секундочку, только уточню у твоего отца его расписание. Уверен, он захочет себе место в первом ряду.

– Я так понимаю, мой отец – это твой единственный козырь? Рассказывай кому угодно, все равно Макс скоро вернется и дорога на трек мне заказана. Кнопка открытия ворот у тебя справа, будь хорошим мальчиком, нажми ее и выметайся отсюда. Мне надо переодеться.

– Серьезно? Так быстро сдаешься? Даже не попытаешься меня уговорить сохранить это в секрете?

– Насколько я помню, ты и секреты не особо сочетаешься. Не удивлюсь если завтра об этом, – я махнула рукой в сторону мотоцикла, – узнает весь универ. Но как я уже сказала, мы больше не в школе. Второй раз разрушить мою жизнь у тебя не получится.

– Разрушить твою жизнь... Я уже и забыл как ты любишь все драматизировать. Смею напомнить, что в плане разру-

шения равных тебе нет. Я всего лишь рассказал всем почему ты пропустила месяц учебы. Твои друзья волновались, переживали, было бы бесчеловечно оставить их в неведении.

– Правду? – я лишь с горечью усмехнулась. – Ты им рассказал свою правду, Глеб. Моя правда осталась при мне. Смысл пытаться донести ее до посторонних людей если даже вы с Максом отказались меня выслушать. Так что сделай нам обоим одолжение, нажми эту чертову кнопку и вали отсюда.

Гневно раздувая ноздри и продолжая сверлить меня насмешливым взглядом, он с шумом выпустил воздух из легких:

– Окей, я готов. Давай сделаем вид, что меня не было там четыре года назад и я ничего не видел своими глазами. Расскажи же мне, что там такое на самом деле произошло.

– Нет уж. Четыре года назад ты мне не дал шанса ничего объяснить, сейчас же мне абсолютно наплевать что ты обо мне думаешь.

И так как он не сделал ни малейшего движения в сторону выхода, я решила сама нажать кнопку открытия ворот. Адреналин все еще кипел в крови, я боялась что если останусь с ним в закрытом пространстве еще хоть минуту, то выскажу все что копилось внутри все эти годы или еще хуже, захочу размазать его гадкую ухмылку по смазливой физиономии.

– В этом вся ты, – взорвался Урицкий и преградил мой путь к подъемному механизму своей рукой. – Главное, по-

больше драмы. Повзрослей, Полина.

Кажется, он еще что-то говорил, но я лишь смотрела на его руку, которая лежала аккурат на моей груди. Кожаную куртку я успела расстегнуть до этого и теперь сквозь тонкий топ отчетливо ощущала исходящий от него жар. Заметив, что я не отвечаю, он проследил за моим взглядом и, кажется, только сейчас заметил как “удачно” приземлилась его ладонь. Но убирать ее он почему-то не спешил.

– Убери руку, Урицкий, – гневно процедила я.

– Ты точно этого хочешь? – поинтересовался он, а я заметила как дернулась мышца в его шее.

Я собиралась ответить что-то вроде “разумеется, придурок”, но поняла что во рту пересохло настолько, что я не в силах выдавить из себя ни слова. Легкие до отказа наполнились запахом мяты с примесью кожаного экипа. Я шумно выдохнула и облизала пересохшие губы, в то время как Глеб жадно следил за каждым моим движением. Он развернул меня к себе, положив вторую руку мне на талию.

– Были времена, когда ты бы душу продала за то чтобы мои руки оказались на тебе.

– Но их сменили времена, когда я бы душу продала за то чтобы больше никогда тебя не видеть, – еле слышно сказала я. Но руки его сбросить не попыталась. Чертов адреналин! Если верить умникам, его действие уже должно закончиться, тогда что за хрень со мной происходит? Почему сердце

продолжает бешено колотиться и я как будто до сих пор чувствую вибрацию мотоцикла внизу живота?

– В таком случае, закрой глаза, – прошептал он у самого моего уха и поцеловал.

Глава 5

Лет пять назад, мечтая об этом моменте, я представляла наш первый поцелуй нежным и невинным. Тогда я и сама была такой.

Но сейчас в этом поцелуе не было ни капли нежности. Его язык раскрыл мои, не особо сопротивляющиеся губы, и ворвался в них словно ураган.

Я попыталась оторвать его руки от своего тела, но вместо этого лишь вцепилась в них мертвой хваткой и прижалась к нему еще сильнее. Легкие наполнились запахом кожи и мяты и все благоразумные мысли улетучились, как будто мой мозг понял, что за телом ему не угнаться и решил не принимать участия в происходящем безумии.

Нет, Глеб не сменил гнев на милость. Он все так же меня ненавидел, и если четыре года назад он вымещал зло на моей душе, сейчас пришел черед моего тела. Хотя еще вопрос кого он сейчас ненавидит больше – меня или себя за то как он реагирует на меня.

Его руки жадно ощупывали все мои изгибы, как будто он боялся, что я вот-вот опомнюсь и найду в себе силы оттолкнуть его от себя. Пальцы скользнули по моему животу, забираясь под шелковый топ. А я сделала то, о чем так давно

мечтала – запустила руки в его густые волосы, одновременно притягивая его к себе за шею. Мне мало, мне надо ощутить его еще ближе. Я буквально захлебываюсь этим поцелуем, но останавливаться не планирую. Даже в таком затуманенном состоянии я понимаю, что то что между нами сейчас происходит – это разовая акция и больше никогда не повторится, поэтому я хочу чтобы каждая клеточка моего тела запомнила все происходящее.

Не знаю сколько по времени продолжалось это безумие, но в какой-то момент моя куртка оказалась на полу и он высвободил мою грудь из топа. Его руки, кажется, одновременно везде и нигде. Как только они касаются нового участка моего тела, оно тут же раскаляется и тает от прикосновения, но стоит его горячим ладоням переместиться ниже или выше, кожа в том месте покрывается мурашками требуя его внимания опять. Это сродни пытки, хотя ничего другого от Урицкого ждать и не стоило. Одна радость, судя по всему, он на мои прикосновения реагирует точно так же.

Где-то в недрах сознания у меня мелькает коварная мысль развернуться и уйти, оставить его дико возбужденного и невероятно злого, но я понимаю, что собственное тело меня не послушается если я прикажу ему остановиться.

Поэтому окончательно прощаюсь со своим здравым смыслом и тянусь к пуговице его кожаных штанов.

Я слышу гортанный стон, когда он понимает мои намерения. Он что, действительно думал, что мы оставим все на уровне PG-13? Хотя скорее всего, он как и я не думал ни о чем. Как бы то ни было, останавливать меня он не спешит, только лишь замирает на секунду, глядя на меня широко раскрытыми глазами и я замечаю, что его зрачки увеличились до невероятных размеров, чернота сменила привычную холодную синеву. И понимая, что это я на него так влияю, я сама возбуждаюсь еще больше.

Мои штаны оказываются в куче скомканной одежды на полу и он легонько подталкивает меня к байку. Я кладу руки на все еще горячий хром, а Глеб в этот момент избавляется от очередной детали моего гардероба, опуская нежное кружево к щиколоткам. Из одежды на мне осталась лишь полоска топа в районе талии, но я ничуть не смущаюсь своей наготы, а наоборот, выгибаю спину и чуть расставляю ноги.

Я слышу звук разрывающейся фольги и радуюсь тому, что Урицкий, в отличии от меня, голову потерял не окончательно и вспомнил об этой важной детали.

Это моя последняя осознанная мысль, потому что буквально через мгновение я уже не способна думать ни о чем, кроме Глеба и того что он со мной делает.

Моей главной ошибкой было посмотреть в его глаза, надо было просто молча одеться и сделать вид, что произошедшее

имеет для меня такое же значение, как и для него, а именно – никакое. Но я зачем-то поймала его взгляд и увидела в нем не только сожаление (ему я как раз-таки не удивилась, сама понимала что мы совершили ужасную ошибку). Но было в его взгляде что-то кроме сожаления. . . презрение, которое он никогда особо не скрывал, вновь вернулось на смену страсти. Такое впечатление, что он не может дождаться добраться до души и смыть с себя всю грязь.

– Одевайся, – он не глядя бросает мне одежду, – Так и быть, будем считать, что тебе удалось меня уговорить: твои проделки на треке останутся между нами. Как и все остальное, разумеется. Но если я еще раз увижу тебя здесь, пеняй на себя, по заднице тебя будет шлепать уже твой отец, а не я.

Я заглядываю ему в глаза, силясь увидеть там хоть какие-то эмоции. Но все что я вижу – это все то же ледяное презрение, пронизывающее меня холодом до самых костей.

Сколько раз я себе обещала, что этот мужчина больше никогда не заставит меня плакать, и вот я стою перед ним, пропитанная насквозь его запахом, на грани слез. Для него это просто игра, очередной способ меня унижить и растоптать остатки моей гордости.

Чтобы хоть как-то стереть презрительную ухмылку с его физиономии, я вытащила из кармана телефон и начала быстро водить пальцем по экрану.

– Дорогой брат, – произношу я, подняв на секунду глаза на Глеба. – Довожу до твоего сведения, что только что твой

лучший друг, а также соучредитель вашего клуба «все ненавидят Полину», поимел меня прямо у твоего мотоцикла. В его защиту могу сказать, что он защищал честь вышеуказанного транспортного средства, коим я воспользовалась (прошу заметить не в первый раз) без спроса. В своё оправдание могу сказать, что довольно сложно попросить разрешения у того, с кем не общаешься уже четыре года. Без уважения, твоя сестра!

Одно мгновение, и Урицкий оказывается рядом со мной, вырывая из рук телефон. Испуг сменяется недоумением, когда он понимает, что мой мобильный даже не разблокирован.

– Расслабься, Урицкий, – теперь моя очередь усмехаться, – у меня нет его номера, так что при всем желании я бы не смогла написать Максиму. Но на будущее... шантажировать меня – очень плохая идея.

Глава 6

Все выходные я пыталась убедить себя, что ничего ужасного не произошло, но выходило, надо признаться, довольно паршиво. В этот раз даже аффирмации не особо помогали. Глеб и раньше считал меня манипулятивной дрянью, теперь плюсом к этому я, наверняка, стала еще и легкомысленной.

И если в пятницу мне каким-то чудом удалось “удержать лицо” и не показать ему какую боль причинили его слова, то как только я оказалась дома, плотину из старых и новых чувств прорвало и я прорыдала весь вечер.

Поздравляю, Полина... ты достигла самого дна, ниже падать уже просто некуда!

О чем я только думала? Ладно, тут не только моя вина, но если в своих мыслях у меня был хоть какой-то шанс разобраться, то о чем думал Урицкий я, наверное, не узнаю никогда.

Гонка, адреналин, перепалка, старые обиды и накал страстей, ничего удивительного, что нас так накрыло и мы набросились друг на друга.

Но вот как нам теперь смотреть друг на друга в универе? Что, если мы встретимся в коридоре? Боже, а ведь наверняка встретимся. И в кафетерии тоже... Как мне вести себя с ним? И самое главное, как выдержать лед его взгляда??

Ни для кого не секрет, что я еще в четырнадцать запала на лучшего друга брата. Правда, потом Глеб приложил все усилия, чтобы от моей большой и чистой любви не осталось ни следа. Но, видимо, чисто на физическом уровне мое тело все еще помнило подростковые фантазии, и поэтому у меня сторели все предохранители, стоило ему только ко мне прикоснуться.

К счастью, его презрительная ухмылка в конце стала гарантом того, что подобное больше не повторится. Так что стоит просто забыть об этом как о страшном сне. Об очень приятном, но очень страшном сне.

Урицкий, конечно, мудака редкостный, но о произошедшем будет помалкивать, а если сильно повезет, то мы вернемся к нашему любимому стилю общения – полному игнору. Как-то же мы прожили предыдущие четыре года.

В общем, я всеми силами себя успокаивала и настраивала на лучшее. Но в понедельник, увидев переполох в холле университета, я сразу приготовилась к худшему.

Обычно в это время все уже расходятся по аудиториям, до первой пары оставалось меньше двух минут, но сейчас все что-то активно обсуждали и идти на занятия не спешили. Первой моей мыслью было, что в пятницу Урицкий каким-то образом умудрился сделать компрометирующие фото, но я ее тут же отмела. Для этого надо было заблаговременно приготовить камеру в боксе, а он вряд ли заранее предполагал

чем закончится его поездка на трек. Да и студенты смотрят на меня без особого интереса, не так как несколько дней назад, когда все увидели фото Кирилла и Яны. Поэтому я выдохнула и подошла к кучке однокурсников.

– Обрадуйте меня и скажите, что Потапов отменил семинар. – Попросила я вместо приветствия. Несмотря на то, что я практически все выходные провела дома, времени на подготовку к семинару я так и не нашла, а этот преподаватель славился своей любовью к неожиданным тестам и импровизированным контрольным.

– Пока нет, но вполне возможно, что отменит, если уважаемые органы попросят, – ответил мой одноклассник Игорь и кивнул в сторону мужчины в форме.

– Что уже произошло? – удивилась я.

– Девчонка с пятого курса пропала. Марина Селиванова, вроде.

Имя показалось мне знакомым, но я не смогла сразу вспомнить о ком речь.

Полицейские о чем-то разговаривали с двумя пятикурсницами, наверное, друзьями пропавшей студентки, а остальные любопытно поглядывали в их сторону.

Прозвенел звонок и студенты начали не спеша расходиться по аудиториям. Стало ясно, что пары никто отменять не будет, по крайней мере у нас.

В кафетерии на большой перемене все обсуждали пропав-

шую девушку. Алекс уже сидел за столиком со своими одноклассниками и помахал мне рукой, предлагая присоединиться. За предыдущий месяц я успела познакомиться практически со всеми, его друзьями и теперь пыталась судорожно вспомнить их имена на случай если нам придется общаться.

– Слышала, что произошло? – поинтересовался друг.

Я кивнула, отпивая свой кофе: – Есть подробности?

– Никто ничего не знает, – ответил один из парней, Богдан. Он как всегда с усердием выводил какие-то узоры в своем блокноте. – Она ж на стажировке была, вроде там не появлялась уже несколько дней, но начальство не било тревогу, что со студентов возьмешь? А потом родственники опомнились, она не местная, снимала квартиру, жила одна. Юлька Пивнова, ее одноклассница говорит, что звонила ей на днях, телефон был отключен и та так и не перезвонила. Но вроде они не прям близко дружат. Короче, понятно, что ничего не понятно.

– Да загуляла где-то, – отмахнулась Алиса. – Пятый курс, блин, достала ее эта учеба за пять лет, а еще с этими стажировками вконец охренели. Там вкалываешь целый день за спасибо.

Она явно говорила о наболевшем. Алекс мне как-то говорил, что Алису в универ запихнули родители, чтобы дочь получила серьезную профессию, хотя никакой тяги к юриспруденции у нее не наблюдалось. Она вроде как профессионально занималась танцами и хотела продолжать в том же

духе, но отец был категорически против и пригрозил лишить наследства если ослушается. Видимо, комфорт она все-таки любила больше танцев, поэтому покорно посещала универ, но усилий к учебе не прикладывала и всем своим видом показывала что она здесь не по своей воле, чем вызывала раздражение у большинства преподавателей.

– Юля говорила, что у нее мужик какой-то крутой завелся, – вспомнил Богдан.

– О, а это уже интереснее, – подхватила Алена, рыжая красотка модельной внешности, и вдруг закричала. – Пивнова, привет! Иди к нам.

К нашему столику подошла симпатичная блондинка, Богдан уступил ей свой стул, а сам отправился на поиски свободного.

– Господи, я уже устала повторять, что ничего не знаю, – вздохнула она, хотя было заметно, что ей нравится всеобщее внимание. – Мы раньше в общежитии вместе жили, но она уже два года как съехала на хату. Вон, у Егора лучше спросите, – кивнула она в сторону незнакомого парня в очереди за едой. – Он как Пьеро за Маринкой таскался, домашку постоянно делал за нее, в надежде на взаимность. Но, видать, порода не та...

– Говорят у нее мужик крутой был, – сказала Алена.

– Мужика я не видела, врать не буду. Но шмотки у нее дорогие появились, да.

– Значит точно мужик! – сделала вывод Алена.

– Так может ей за стажировку хорошо платили, – предположил Алекс. Конечно, многие компании платили студентам минималку, но были и те, кто не скупился. Конечно, при условии, что студенты показывали себя с хорошей стороны.

– Может и платили, – пожалала плечами Юлька. – Мне откуда знать. Это ты у своего Кирилла спроси, – вдруг кивнула она на меня и тут же исправилась. – В смысле, не у своего уже, да...

– А он здесь причем? – удивилась я. Неужели он мне не только с Яной изменял?

– Ну она ж в его фирме была на практике. Точнее, в фирме его отца, но как-то же она туда попала..., – она сделала многозначительную паузу. – Так что может он и в курсе.

История с пропавшей девушкой, конечно, вызывала у меня любопытство, но не до такой степени, чтобы я добровольно искала встречи с бывшим. Тем более, их связь вызывала у меня большие сомнения.

– Я, кстати, в пятницу видела как он Янку отшил, – вдруг сказала Алена. Я хоть и попыталась изобразить равнодушие, но думаю, вряд ли у меня это хорошо получилось. – Она вроде пыталась с ним поговорить, схватила его за руку в коридоре, но он ее оттолкнул и сказал, чтобы она больше к нему не подходила.

– Видимо, не оценил слив фоток, – засмеялась Юля.

– Думаешь, это она фотки сделала? – удивился Богдан.

– Ну а кто, блин, папарацци? Русеев у нас, конечно, парень видный, но не до такой же степени, чтобы за ним толпы журналистов бегали и интересовались кого он в койку тащит.

– Логично, – согласился Богдан и покосился в мою сторону, видимо переживая, не задевает ли меня их разговор.

– Все окей, – поспешила я его успокоить. – Мне, по большому счету наплевать, кто там кого отшил. Главное, чтобы эти двое от меня держались подальше.

Глава 7

Остаток дня прошел довольно спокойно, полицейские уехали, но студенты, конечно, все еще продолжали строить версии по поводу пропажи девушки. А же чувствовала себя очень плохим человеком, потому что в глубине души радовалась, что теперь всем есть что обсудить, кроме фоток моего бывшего жениха и обо мне, казалось, все забыли. Так что, я и сама попыталась выбросить эту ситуацию из головы.

Каково же было мое удивление, когда на следующий день я увидела Яну с Кириллом вместе. Может, Алена что-то напутала, когда подумала, что они ссорятся? Они стояли в коридоре и увидев меня, Яна притворно-приветливо помахала мне рукой.

– Я сегодня иду знакомиться с родителями Кирилла. – похвасталась она. – Попросила бы у тебя пару советов как им понравиться, но судя по тому, что не долго они горевали о вашем расставании, вряд ли твои советы были бы мне полезны.

Я перевела вопросительный взгляд на Кирилла:

– Серьезно? Мне казалось Эдуард Дмитриевич знает цену... так сказать дамам, которых вы водите в «проститутушную».

– Проститутошная? Это ещё что такое? – Яна тоже уставилась на своего горе-любовника.

Кирилл предпочёл ответить мне, что в душе меня порадовало, хоть и не хотелось это признавать.

– Папа хочет встретиться с Яной, обсудить кое-какие детали. Это скорее деловая встреча, ты знаешь отца.

Его отца я действительно знала, но это никак не объясняло его интерес к Яне, а скорее, наоборот, удивляло. Впрочем, это уже не мои проблемы. Если вдруг несостоявшийся свекр заинтересовался личной жизнью своего отпрыска, остаётся только порадоваться, что меня в этой самой жизни уже нет.

– Привет передавай, – сказала я вместо прощания и поспешила удалиться, услышав напоследок, что Яна опять повторила свой вопрос.

Понятия не имею как он ей объяснит что такое эта самая «проститутошная», но хотелось бы посмотреть на её реакцию если он всё-таки расскажет правду. Термин, кстати, придумала я. Когда Кириллу исполнилось 18, отец торжественно вручил ему дубликат ключей от квартиры на улице Высоцкого и поведал, что использует это место уже давно для интимных встреч. Не с супругой, разумеется.

Для меня, кстати, гораздо большим шоком явился тот факт, что мой будущий свекор спит со своей ассистенткой, чем то, что он чего-то подобного ожидает и от сына. Хотя, на

всякий случай сделала себе пометку на будущее найти для Кирилла секретаршу пенсионного возраста и желательно с огромной бородавкой на носу.

У Кирилла же хватило ума не только поделиться этой информацией со мной, но и показать мне роскошные хоромы, в которых кроме огромной кровати, особо не на что было любоваться. Хотя нет, было... Над этой самой кроватью висела огромная картина с женским силуэтом. Автор поскупился на детали лица, зато щедро прорисовал груди, промежность и почему-то синие чулки. Помню, мы еще с ним долго обсуждали данный шедевр. На обличительных фото, к счастью, картина была видна не полностью, а то фокус с Русеева и Яны быстро бы сместился в сторону этого сомнительного произведения искусства.

Кирилл, видимо, наивно думал, что наша любовь будет вечной и ему никогда не приспичит использовать это место по назначению. Меня же он туда притащил дабы похвастаться, не иначе.

К его великому разочарованию, я даже близко не хотела подходить к этой кровати, несмотря на то что он уверял меня, что домработница меняет постельное белье каждый день. По моему мнению, было много других способов разнообразить нашу сексуальную жизнь, о чем я ему и сообщила. Поэтому «проститутушную», как я её окрестила, мы покинули довольно спешно, торопясь опробовать один из тех самых

способов.

А вот Яна, видимо, не стала воротить нос от той квартиры. Хотя, может она была не в курсе, что отец и сын используют ее по очереди. Впрочем, вряд ли бы ее это остановило.

Именно поэтому меня так удивило, что отец Кирилла пригласил его новую пассию на знакомство. Я, конечно, не ожидала, что он, действительно, начнет “горевать о нашем расставании” как выразилась Яна, но и спешить со знакомством смысла не видела. Разве что я чего-то не знала о ней и ее семья тоже может повлиять на его бизнес. Но эту мысль я сразу отмела. Яна была из вполне обычной семьи, в деньгах они вроде не нуждались, по крайней мере всегда блистала дизайнерскими шмотками и ездила на вполне приличной тачке. Но Русеевская фирма процветала и позариться они могли разве что на именитую фамилию, как в моем случае, но опять-таки, это не Янин вариант.

В общем, как ни силилась, я не могла понять зачем Кирилл тащит свою любовницу в родительский дом. “Может, она беременна?”, – вдруг подумала я. Это предположение показалось мне весьма логичным, хоть и сомнительным. Кирилл всегда был осторожным в этом плане, по крайней мере со мной, так что вряд ли он бы спал с любовницей не позаботившись о предохранении. Но осечки всегда случаются. Что ж, если это действительно так, то удачи молодым родителям.

Глава 8

К сожалению, на встрече с Яной мои неприятности не закончились. В конце дня я умудрилась столкнуться и с Урицким.

Я как раз направлялась к выходу, когда услышала, что меня зовет Диана, местная, да и не только местная, звезда. Еще в прошлом году она заняла одно из первых мест в популярном тв-шоу со своей авторской песней и сейчас совмещала учебу с постоянными концертами. Вроде как, до большой сцены она еще не доросла, но я слышала, что ночные клубы вполне охотно приглашают ее на выступления и она пользуется бешеной популярностью у публики. У меня не было сомнений, что через годик-другой, о ней заговорит вся страна. Говорят, что она уже работает с продюсером над своим первым клипом.

Сейчас же она мило улыбалась Урицкому, представляя нас:

– Знакомьтесь, Полина, Глеб.

– К сожалению, мы уже знакомы, – прервала я ее.

И пока она пыталась понять шучу ли я о своих сожалениях, Урицкий решил пояснить, не забыв добавить притворной радости в голос.

– Полли – младшая сестричка Макса Воронцова.

Я сжала зубы, услышав это прозвище. Так он меня назы-

вал в детстве. Сначала мне это жутко нравилось, заставляло чувствовать себя особенной, а потом бесило, потому что Полли у меня ассоциировалась с маленькой девочкой, и как бы мне ни было стыдно признавать это, был период в моей жизни, когда мне хотелось чтобы Урицкий разглядел во мне женщину... серьезную, четырнадцатилетнюю женщину. Я мысленно закатила глаза, вспоминая себя пять лет назад.

– Точно! – воскликнула Диана. – Блин, до меня только сейчас дошло, что у вас одинаковая фамилия. Я просто вас никогда вместе не видела, поэтому как-то не сопоставила факт родства, – хихинула она.

– Мы его не особо афишируем, – поспешила я ее успокоить. – Так что ты хотела?

Всем своим видом я пыталась показать, что мое внимание принадлежит безраздельно ей и ее спутник меня ни капельки не интересуется. Я не решалась встретиться взглядом с Глебом, сама не понимая чего я боялась больше: увидеть в его глазах напоминание о том что между нами произошло несколько дней назад, или не увидеть ничего кроме его фирменной самодовольной насмешки...

Но перед глазами, как назло, будто мелькали кадры из порнофильма. Такое впечатление, что я оказалась внутри детского калейдоскопа, только вместо ярких звёздочек и цветочков – фрагменты голых частей тела. Всеми силами пытаюсь отмахнуться от этой картинки как от назойливой мухи и поэтому до меня не сразу доходит, что развратные сюже-

ты не плод моего больного воображения, а вполне реальные воспоминания того, что произошло на треке. Я тут же почувствовала как щеки вспыхнули огнем и где-то внизу живота стало приятно тянуть. Только этого мне еще не хватало!

Урицкий же был верен себе – холодный взгляд, ленивая усмешка и полное, абсолютное равнодушие. Вот уж у кого точно нет проблем с “забудем что между нами произошло”.

– Помнишь платье, в котором ты была на дне рождения у Алекса? Одолжишь на выступление? Плииииз! – Я, наконец, сфокусировала свое внимание на Диане и даже попыталась улыбнуться. Все что угодно, лишь бы не показать как меня задевает тотальный игнор ее собеседника.

Глеб удивленно вскинул брови:

– У тебя что, лимит по карте превышен? С каких это пор тебе нужно одалживать шмотки?

Диана в деньгах, действительно, абсолютно не нуждалась. У нее были довольно богатые родители и многие, кстати, именно с их деньгами и связывали ее успех на том шоу.

– Такое платье я нигде не куплю. Полина же сама его сшила. Я вроде объяснила дизайнеру что я хочу, даже фотки твои в инсте нашла, но когда вчера увидела ее платье, я чуть не разрыдалась. Я в нем как мешок с картошкой.

Теперь Урицкий перевел удивленный взгляд на меня:

– С каких это пор ты открыла в себе талант швеи?

– С тех пор как пришлось пропустить полгода учебы в де-

сятом классе – ответила я. – У меня было очень много свободного времени, смею напомнить.

– И ты проводила его в обнимку со швейной машинкой?

– У всех свои развлечения, – пожала я плечами. – Кто-то шьет, кто-то машет кулаками налево и направо. Все мы разные. – И не дожидаясь его ответа, я развернулась к Диане.

– На когда тебе нужно платье?

– Выступление в субботу. Но желательно заранее, конечно.

– Окей, завтра привезу. Дождись меня на парковке перед парами.

– Спасибо! – она на секунду прильнула к моей щеке, – Ты меня просто спасла! Проси что хочешь взамен.

– Я подумаю, – кивнула я и буквально полетела в сторону выхода, чтобы как можно быстрее оказаться подальше от Глеба.

Шить я действительно любила и несмотря на то, что могла позволить себе любые брендовые шмотки, предпочитала создавать свою одежду сама. Хотя, на дизайнерскую одежду у меня все равно уходила львиная доля средств, которые отец перечислял на карту каждый месяц.

В моем окружении платьем от именитого дизайнера особо никого не удивишь, а вот придумывать дизайны самой мне очень нравилось. Помню, как еще в детстве я любила рисовать и шить платья для кукол и мама шутила, что я стану

знаменитым дизайнером. Отец же даже в шутку не мог предположить такое для своей дочери и поэтому уже тогда твердил, что мне нужна нормальная профессия. Странное убеждение, если учесть, что всего через несколько лет пределом его мечтаний стало удачно сосватать меня Русеевым и поправить дела своей фирмы за мой счет.

Пусть теперь Максима пытается удачно женить, с меня, пожалуй, хватит.

Я вдруг подумала, что абсолютно ничего не знаю о личной жизни брата. Интересно, у него есть девушка? С родителями он точно никого не знакомил, Алина бы мне рассказала. Но в этом возрасте парни редко приводят девушек домой. Почему-то от этих мыслей мне стало очень грустно. Я давно смирилась, что мы с братом стали чужими людьми, но иногда все еще накатывало.

Глава 9

На следующий день Диана встретила меня на парковке, я передала ей чехол с платьем, и убрал его в свое авто, она опять спросила:

– Проси что хочешь! Я твоя должница.

Первым порывом было ответить, что мне ничего не надо, но потом, вспомнив как мило они вчера ворковали с Глебом, меня осенило.

– Отшей Урицкого, а?

Я даже не боялась показаться ревнивой бабищей, лишь бы насолить врагу.

– Куда отшить? – не поняла Диана. – Если ты о том, о чем я думаю, то между нами ничего нет.

– Серьезно? Я видела, как ты на него вчера смотрела.

– Ну так то я смотрела. Ему на это пофиг, он привык, что на него все так смотрят.

– А он что, держит целибат и всех игнорит?

– Ага, конечно! – усмехнулась она. – Урицкий и целибат в одном предложении это очень смешно. Хрен его знает с кем он сейчас спит. Обычно о его интрижках люди узнают только после того как обиженная девица пытается выяснять с ним отношения. Помнишь как в прошлом году ему Вдовина тачку поцарапала?

Я удивленно посмотрела на Диану, чувствуя, как брови

непроизвольно ползут вверх и она спохватилась.

– А, вы ж в другом корпусе были. Ну, короче, никто и не подозревал, что они встречались. Вдовина такая загадочная ходила, вроде намекает, что мужик у нее есть, а кто не говорит. Мы тогда еще подумали, что урод какой-то, поэтому и прячет. А оказывается, она Глеба охмурила. Не знаю на что она рассчитывала, он вроде никогда и не скрывал, что не ищет серьезных отношений, но ты ж нас, баб, знаешь, всегда хочется верить что ты особенная и именно тебе улыбнется фортуна. Так что, если у него кто-то и есть, то узнаешь ты это только после того как она ему надоест и девица решит прилюдно устроить скандал.

– Да он же только со стажировки вернулся. Вряд ли он успел за эти несколько дней найти очередную жертву. – Про то что этой жертвой чуть не стала я сама, я, конечно же, решила не упоминать. – Соблазни его. А потом отшей.

– погоди! Что-то я не догоняю. Тебе какой в этом толк? Я подумала, что ты сама в него втюрилась, вот и хочешь, чтобы я его отшила. Ну, типа приревновала вчера. А на кой черт мне его тогда соблазнять?

– Я?? В Урицкого? – оскорбилась я, обрадовавшись, что Диана не знала о моей школьной влюбленности в него. – Честно говоря, сама не знаю зачем мне это. Мы с ним, как бы это сказать, не ладим. Считай, что это давние счеты. Увидела вчера его самодовольную улыбку и подумала, что неплохо было бы стереть ее с его физиономии. Но раз ты считаешь,

что он тебе не по зубам, то все ок, не переживай о платье. Оно твое в любом случае.

– Что значит не по зубам? – спросила Диана с азартом. – Думаешь, мне не удастся его соблазнить? Да запросто!

– Ты, главное, отшить его не забудь, – напомнила я. – А то получится, что я вместо того чтобы насолить давнему врагу, уложу к нему в постель такую красотку.

Я даже не удержалась и подмигнула девушке, насколько бы шаблонно это не выглядело.

– Не переживай, – заверила она меня. – Спать с Урицким я не собираюсь, мне мое душевное спокойствие дорого, а с такими как он о нем можно просто забыть.

На этом мы распрощались и отправились на пары.

Да, я знаю, что поступила довольно подло специально усомнившись в способностях Дианы. Но уж очень мне хотелось, чтобы хоть кто-то мог отказать Урицкому, если уж я сама в этом деле так налажала.

Правда, мое веселье длилось недолго. Я вдруг вспомнила сколько книг читала с подобным сюжетом, когда герои начинают фейковые отношения, а потом они перерастают в любовь всей жизни. Будет смешно, если у Дианы с Глебом получится такая же история, еще и позовут меня своих детей крестить.

Заметив как неприятно сжалось сердце от этой мысли, я поняла, что нет, нихрена не смешно это будет. По крайней

мере не мне.

Пора бы себе напомнить за что я его так ненавижу.

Неизвестно куда бы меня привели мысли, если бы я действительно решила погрузиться в неприятные воспоминания, но по дороге к своей аудитории я встретила Кирилла и Яну. В этот раз идиллией и не пахло, они бурно спорили о чем-то.

Что-то я совсем запуталась в динамике их отношений, то они ссорятся, то мило воркуют и вроде как строят совместные планы на будущее, а теперь опять что-то не поделили. Яна пыталась уйти, но Русеев схватил ее за руку и продолжал говорить. Яна вырвала свое запястье, злобно прошипела: “Сами с ментами разбирайтесь, нехрен меня сюда впутывать” и пролетела мимо меня словно фурия. Кирилл злобно зыркнул в мою сторону, будто я была виновата во всех его проблемах и вошел в нашу аудиторию. Отлично, теперь все подумают, что он пребывает в таком скверном настроении из-за меня.

Всю пару я возвращалась мыслями к их разговору, но как ни силилась, не могла представить что там такого должно было произойти, чтобы вмешалась полиция. По идее, Русевы-старшие вчера знакомились с новой пассией сына, они что, столового серебра после ее ухода не досчитались?

Кирилл постоянно косился в мою сторону, как будто я была виновницей всех его бед. Захаров, наш преподаватель, тоже заметил, что тот в мыслях пребывает очень далеко от темы внешней политики и задал ему несколько вопросов по только что озвученной теме. Русеев, разумеется, ответить не смог, чем заслужил ехидный комментарий от преподавателя и смешки от одноклассников. Мне кажется, даже сидя через ряд от него, я слышала как он стиснул зубы до скрежета.

Кирилл никогда не любил Захарова, о чем не раз говорил вслух. Евгений Львович был довольно молодым и симпатичным преподавателем, чем заслужил популярность у женской половины факультета. Бывшенького же это почему-то очень сильно бесило. Видать, разглядел в нем конкурента.

После пары Захаров попросил меня задержаться, я хоть и удивилась, но виду не подала. Фотографии Кирилла и Яны мы обнаружили в столах именно на его лекции на прошлой неделе, поэтому сомнений в том, что он в курсе ситуации, у меня не было. Надеюсь, он не будет мне сейчас выражать соболезнования и сочувствовать...

Я неспешно складывала свои вещи в сумку, дожидаясь, когда аудитория опустеет и только потом направилась к преподавательскому столу.

Захаров прочистил горло, как будто не зная с чего начать и все-таки решился:

– Полина, я в курсе, что произошло между вами и господином Русеевым. Если вы считаете, что вам будет некомфортно продолжать работать с ним в паре над проектом, я готов сделать для вас исключение и дать возможность поменять партнеров.

– О, – только и сказала я. У меня совсем вылетело из головы, что к концу семестра мы должны были подготовить контрольную. Задание подразумевало работу в парах и, конечно, мы с Кириллом выбрали друг друга в качестве партнеров. – Спасибо!

– Вы можете предложить кому-нибудь из своих одногруппников поменяться партнерами.

– Я не уверена, что кто-то согласится, – по крайней мере, я в этом сильно сомневалась. – Все уже, скорее всего, начали работу, и начинать все сначала из-за меня вряд ли будут. – О том, что многие просто заплатили за то чтобы отличники со старших курсов сделали данные контрольные за них, я разумеется, решила не говорить.

– Давайте договоримся так, вы попробуете найти себе нового партнера, а если не получится, то я лично помогу вам с некоторыми заданиями.

– Спасибо, – моя благодарность была вполне искренней. – Это отличная идея.

Глава 10

В столовой на большой перемене я пыталась рассказать Алексу о ссоре Яны и Кириллы, но он как будто ушел в астрал, медленно потягивал свой кофе и с загадочной улыбкой пялился в лист перед собой. Я не выдержала и заглянула через его плечо, чтобы узнать что же там такого интересного: перед ним лежала страница с тестом по криминалистике, у четырех заданий из 15 стояли минусы и красивым каллиграфическим почерком подробно были расписаны ошибки, но итоговая оценка все равно была пятерка.

Я сразу вспомнила что друг рассказывал про своего преподавателя: криминалистику у них вел довольно дотошный профессор, Олег Валентинович Луговой, он только три года назад пришел в наш универ и в первый же год пытался завалить половину выпускников юридического. Но, конечно, тут же выяснилось, что родители этих выпускников являются “хорошими друзьями” и по совместительству спонсорами факультета и заваливать их никак нельзя. Был бы это какой другой предмет, родители бы, возможно сами напрягали своих отпрысков, но криминалистика, по их мнению в семейном бизнесе не особо нужна, а то что большую часть наших выпускников уже ждали рабочие места в компаниях родителей, сомнений не было.

Чтобы избежать повторения скандала, группы юристов быстро переформировали и всех, так сказать, приближенных, запихнули в одну, которую тут же в народе окрестили “илитой”, именно через “и”, да. Не знаю как наше управление раньше до такого не додумалось. Теперь преподаватели непрофильных предметов “илиту” не трогали и все жили дружно и счастливо.

К счастью, такое новшество ограничилось только юрфаком. Булавин, конечно, вошел в число “счастливиц” и несмотря на то что особо не наглел, на ненужные предметы часто забивал. Он считал, что криминалистика нужна тем, кто хочет связать свою жизнь с правоохранительными органами и так как у него таких намерений не было, то можно было немного расслабиться.

Я легонько толкнула его в бок, чтобы в очередной раз привлечь к себе внимание:

– Эй, Земля вызывает Булавина! Хватит гипнотизировать свой тест.

– О да! – подхватил Богдан. – На паре он гипнотизировал ассистентку, теперь не может глаз отвести от ее почерка.

– Ассистентку? – удивилась я. – Кто-нибудь мне объяснит что здесь происходит?

Алекс, наконец, расплылся в улыбке, словно чеширский кот и снизошел до ответа:

– Дарья помогает Луговому с тестами. Она вроде диплом

у него пишет.

– О, – только и сказала я. Дарья Савельева была почти легендой в нашем университете, отличница, комсомолка, спортсменка и просто красавица – это все про нее. Ладно, насчет комсомолки и спортсменки я, может, погорячилась, но в том что она отличница и красавица сомнений не было. Как и в том, что Алекс уже давно запал на нее.

– Я так понимаю, это она проверяла ваши тесты?

– Да, – подтвердил Богдан. – Луговой на нас уже давно забил, ставит оценки чисто для галочки, даже не читает ни хрена. А сегодня все получили такую красоту, – он кивнул в сторону теста. – У девки явно стальные яйца. Видела бы ты Алису! Она начала возмущаться и намекать на проблемы, но препод свалил все на Дарью. Ну, Алиса к ней пристала, мол вы дамочка, что, неместная? Не в курсе что мы типа элита и все такое. А та ей: да в курсе, в курсе, только по этой причине у вас стоит пятерка, а не ноль. Не обращайтесь внимания на исправления, мне нужны были практические примеры для раздела “о самых глупых ошибках студентов” в моей дипломной работе. И Алиса такая “это еще что такое”? А Дарья ей: “Дипломная работа – это один из видов выпускной квалификационной работы, вы разве не знали?”. Короче, это было шедеврально.

– Блин, кто бы знал, что Дарья способна так троллить, – восхитилась я.

Боковым зрением я увидела, что Диана направляется к нашему столу, она плюхнулась на стул рядом с Алексом и вместо приветствия спросила:

– Вы же придете в субботу? У меня выступление.

Первым моим рефлексом было найти отговорку потому что ночные клубы я не особо любила, но подумав, я решила, что мне сейчас не помешает развеяться, поэтому заверила ее, что непременно приду. Булавин хоть и удивился, но вслух ничего сказал, а Диане пообещал, что та может на него рассчитывать и, залпом допив свой кофе, пошел готовиться к семинару.

Девушка делилась подробностями предстоящего выступления, рассказывала что-то о новых работах и вдруг неожиданно закричала:

– Глебати, иди сюда, дело есть! – Я даже не сразу поняла, что она так назвала Урицкого, а когда поняла, было уже поздно, потому что он уселся на место Алекса, прямо рядом со мной. – Ты ведь придешь на мое выступление?

Она мило ему улыбнулась, положила свою руку на его и нежно заглянула в глаза.

Еще утром я сама попросила ее об этом, практически вынудила попробовать соблазнить Глеба, а сейчас почему-то противно смотреть на ее заигрывания, как-будто я пришла на плохой спектакль и мне самой стыдно за актеров. Но Урицкий, судя по всему, совсем не против такого внимания

и руку со стола убирать не спешил.

Богдан спрашивает у него что-то про Дарью и из разговора я понимаю, что они с ней одноклассники. Глеб громко гортанно смеется, когда Богдан пересказывает ему разговор Дарьи и Алисы. А я почему-то вспоминаю, каким тихим был его голос в пятницу, когда он попросил меня закрыть глаза. От этих мыслей жар разливается по телу, особенно слева, с той стороны, где сидит Урицкий. Стулья у нашего стола сдвинуты довольно плотно и наши плечи практически касаются. Я подумываю встать и уйти, но не могу сходу придумать причину и не желая уступать Урицкому, остаюсь на своем месте.

Диана заливисто смеется над чьей-то шуткой, я понимаю, что потеряла нить разговора и надо срочно выходить из этого странного состояния транса, в котором я очутилась как только Урицкий присоединился к нашей компании. Я даже умудряюсь обсудить с Богданом его планы на стажировку в следующем году, расслабляюсь, убеждая себя что мужчине слева нет никакого дела до меня, он довольно мило беседует с Дианой. И тут горячая ладонь аккуратно ложится на мое колено. Я замолкаю посреди разговора, но видя недоуменный взгляд Богдана, нахожу в себе силы продолжить обсуждение. Краем глаза я вижу, что внимание Урицкого всецело обращено на Диану, их руки на столе уже не касаются, но они оба активно обсуждают какого-то преподавателя.

Очень хочется заглянуть под стол и убедиться, что у ме-

ня не галлюцинации и его рука на моей ноге, действительно, присутствует. Но я сдерживаюсь и решаю, что тоже могу играть в эту игру.

Я громко смеюсь над очередной шуткой Богдана, шучу сама, в общем, всем своим видом даю понять, что ничего особенного не происходит, в то же время бесстыже наслаждаюсь скольжением его руки под моим платьем.

Урицкий, видимо, расценивает отсутствие какой-либо реакции как поощрение к действию и поэтому перемещает свою ладонь немного выше. Я продолжаю разговор о стажировке, но краем глаза слежу за Урицким, ожидая когда его рука поднимется еще на пару сантиметров. Он делает глоток своего напитка и тут же очень громко втягивает ртом воздух, только чудом не поперхнувшись.

Я удовлетворенно улыбаюсь: самодовольный идиот нащупал кружево моих чулок. Некоторое время его рука так и остается на одном месте, только лишь пальцы двигаются вдоль кружевной кромки, словно пытаюсь на ощупь изучить узор.

Но через мгновение моему злорадству приходит конец, его рука перемещается еще выше и теперь касается моего голого тела. Дыхание сбивается и я невпопад отвечаю на вопрос Богдана. Не выдерживаю и смотрю влево, но Глеб –

невозмутимый монумент напускного спокойствия и равнодушия.

У меня же от его прикосновений плавятся внутренности и тело продирает лихорадочный озноб. Перед глазами снова всплывают яркие картинки с прошлой пятницы, грудь тяжелеет от фантомных прикосновений его губ и бедра будто прокалывают сотни раскаленных игл. Скольжение его пальцев отзывается во мне сладострастным восторгом и неприкрытым желанием, кожа начинает болезненно ныть и мне приходится до боли прикусить нижнюю губу, чтобы не раствориться в этих ощущениях окончательно.

Я понимаю, что еще одно движение и его пальцы дотронутся до моего нижнего белья. Я одновременно желаю этого и боюсь, потому что не хочу чтобы он понял как мое тело реагирует на него. Его рука ползет вверх и... Я резко встаю, с шумом отодвигая свой стул.

– Боже! Я совсем забыла о времени! – громко восклицаю, даже не заботясь придумать нормальную отговорку.

Урицкий порывается встать – то ли чтобы пропустить меня, то ли чтобы отправиться за мной, но бросает едва заметный взгляд под стол и остается на месте. Я бегу к выходу, словно действительно вспомнила, что забыла утром выключить утюг и лишь на пороге до меня доходит почему он остался на месте – его тело реагирует на меня точно так же, как мое на него. От этой мысли мои губы расплываются в

удовлетворенной улыбке.

Я зашла в уборную и взглянула на себя в зеркало: на обычно бледном лице румянец, будто я была на морозе, хотя судя по учащенному дыханию, скорее бежала марафон. Чертов Урицкий! Почему он на меня так влияет? Хотя, может это недостаток секса? Как никак я осталась без парня... но тут же вспомнила, что ещё и недели не прошло после нашей встречи на треке. С Кириллом у нас бывали и побольше перерывы, но что-то не припомню чтобы я от его руки на своей коленке так заводилась.

Можно было бы продолжать врать себе, что ничего особенного не происходит, а можно было признать что несмотря на четыре года, пропитанных ненавистью, какая-то тяга к Урицкому у меня осталась. И оставалось только молиться, чтобы эта тяга была на чисто физическом уровне!

Кое-как умывшись холодной водой, хотя скорее, протерев лицо холодной водой, чтобы не размазать макияж, я поспешила на пары. И почти врезалась в своего брата. Ладно я, мои мысли все еще были заняты Урицким, но Максим-то куда смотрел?

– Эй... привет, – тихо сказал он.

Вау, какой прогресс. Чем я, интересно, заслужила такое внимание. За все четыре года он ни разу не пытался со мной заговорить. Хотя нет, один раз было дело... Бабуля после

смерти завещала мне свое состояние, отца брата с носом. У нас с ней были очень сложные отношения и последние годы мы не общались, поэтому еще в конторе я нотариуса сказала, что мне от нее ничего не надо, но не смогла сразу отказаться от наследства потому что старая гримза оставила условие получения мною своих богатств после 21 года. Без понятия чем она руководствовалась, жила последние лет десять в Испании, а там совершеннолетие наступает в 18, как и у нас. Впрочем, это уже не имеет значения.

Это было в прошлом году, я тогда только-только отвоевала право съехать от отца и после нотариуса заехала забрать оставшиеся вещи. Каково же было мое удивление когда Макс последовал за мной в мою комнату с намерением выяснить отношения. Я тогда захлопнула перед ним дверь, не желая выслушивать очередные претензии.

С бабкой я не общалась и понятия не имела что ею двигало когда она решила оставить все свои немалые деньги мне. Может, наконец, перед смертью, раскаялась. Хотя, очень я в этом сомневаюсь.

Скорее, хотела насолить сыну, а Максим попал под раздачу заодно. Не знаю чего они так распереживались, можно подумать, у самих денег мало. Отцовская фирма, может, и переживала небольшой кризис, но до банкротства было далеко. Ну и как бы, то что фирма перейдет по наследству именно брату, а не мне, тоже было само собой разумеющимся фак-

том. Но тем не менее, оба были в бешенстве от ее завещания. Отец тоже пытался со мной поговорить о моей “дурацкой затее” отказаться от денег, но ни он, ни я не были в настроении это обсуждать и решили отложить разговор ближе к моему 21 дню рождения.

Так что сейчас я очень удивилась, что Максим решил поздороваться, Но тут же вспомнила, что мы находимся в университете и он просто не хочет, чтобы его друзья узнали о том, что он не общается с собственной сестрой.

В любом случае, ответное “привет” от меня он так не дождался, я только кивнула в его сторону и поспешила на пару.

Глава 11

Накануне вечером Алекс завалился ко мне в гости с бутылкой шампанского и предложил, наконец, отметить мою свободу. Бутылка шампанского плавно перетекла в три, мы успели посмотреть два фильма, обсудить Кирилла, Яну и Дарью (про Урицкого я ему все-таки не рискнула рассказать) и заснули только ближе к двум часам ночи.

Утром мы оба проснулись с ужасной головной болью и первой мыслью было прогулять пары. Но у Булавина был важный практикум и исключительно из солидарности, я тоже нашла в себе силы отправиться на занятия. Ни он, ни я после выпитого алкоголя не рискнули садиться за руль, поэтому вызвали такси.

В холле универа мы сразу привлекли внимание: во-первых, мы оба надели солнечные очки, чтобы хоть как-то скрыть последствия вчерашней ночи, и несмотря на отсутствие солнца в помещении, снять их не рискнули. И так как друг ночевал у меня, то и очки, соответственно ему пришлось одалживать мои. Я как раз перебирала свои завалы в поисках модели унисекс, когда подъехало такси и Алекс, бросив мне ленивое “забей” схватил первую попавшуюся пару, и конечно, ею оказались винтажные рэй бэн в розовой

оправе; второй странной деталью в его образе была бутылка с водой, тоже моя, разумеется: на ней красовалась Ариэль. Что поделать, одноразовые пластиковые бутылки я не покупала, а многоразовых у меня были всего две: одна розовая, которую я наполнила водой для себя, вторая голубая с рисунком русалки. Если добавить к этому наш общий помятый вид и вчерашние шмотки Булавина, неудивительно, что мы привлекали внимание.

Алекс салютовал своим приятелям бутылкой с красноволосой принцессой и направился напрямиком к кофейному аппарату, я хотела последовать за ним, но мой путь преградил Кирилл.

– Привет, можно с тобой поговорить?

– А нужно? – устало поинтересовалась я. Я и в лучшие-то дни не была готова к разговору с ним, тем более, к прилюдному выяснению отношений, что уж говорить о сегодняшнем дне, когда у меня трещала голова и во рту была настоящая засуха.

– К сожалению, надо, – вздохнул он.

Алекс, заметив мое отсутствие и причину оногo, злобно рыкнул:

– Русеев, отвали, а?

Кирилл закатил глаза, но ничего ему не ответил.

– Все окей, – поспешила я заверить друга. – Я быстро. – И уже Кириллу сказала: – Ну, так что ты хотел?

– Вы с ним спите? – поинтересовался бывший.

– О Господи, – теперь настала моя очередь закатывать глаза. – Только не говори, что ты хотел поговорить о моей личной жизни.

– Недолго ты страдала без меня.

– Я тебе так скажу, я без тебя вообще не страдала, – завила его я. – Но это не значит, что я сплю с Алексом. Ты прекрасно знаешь, что мы просто друзья. Так что переходи к делу или катись отсюда.

Кирилл нахмурился, будто я его матом послала, но, к счастью, тему решил не развивать.

– Отец хочет с тобой встретиться.

– Что? – глупо переспросила я.

– Ты слышала, – упрямо сказал он. – Давай после пар съездим к нему в офис. Я так понимаю, ты сегодня без тачки, как раз отвезу тебя потом домой.

– Кирилл, что за глупости? Зачем мне встречаться с Эдуардом Дмитриевичем? Я не вернусь к тебе, мне кажется, ты это уже понял, так объясни это своему отцу, пожалуйста.

– Никто не будет тебя упрашивать вернуться, успокойся. У него есть пару вопросов к тебе.

– И он не может задать их по телефону?

– Видимо, не может, раз просит приехать. Слушай, давай не будем создавать проблемы на ровном месте. Считай, что это просто деловая встреча.

– Деловая встреча? – удивилась я, вспомнив, что пару

дней назад он то же самое говорил о встрече его отца с Яной. – Если мне не изменяет память, то ты недавно свою любовницу водил к отцу деловую встречу. Откуда у него такой интерес к твоей личной жизни?

– Яна мне не любовница.

– Вот как? Вы перевели свои отношения на официальный уровень? Как вас теперь называть – жених и невеста?

– Брось кривляться. Ты прекрасно знаешь, что я имел ввиду. Между нами ничего нет.

Тут я уже не смогла сдержать смех:

– Серьезно? То есть те фотографии – это просто фотешоп?

Кирилл опять поморщился, было ясно, что от этого разговора он получает столько же удовольствия, как и я.

– Фотографии – это ошибка. Яна – это ошибка. Но это уже не имеет значения, ведь так?

– Так, – подтвердила я.

– Пожалуйста, встретиться с моим отцом. Это действительно важно. Я буду ждать на парковке после пар.

И не дожидаясь моего ответа, он, наконец, ушел.

– Что это было? – поинтересовался Булавин, протягивая мне стаканчик с кофе.

– Понятия не имею, – честно ответила я. – Его отец хочет встретиться со мной.

– Вот это поворот. Есть идеи нахрена?

Идей у меня не было, но даже если бы и были, я бы не успела поделиться ими с другом, ибо прозвенел звонок и мы направились в разные стороны.

Глава 12

Направляясь в кафетерий на большой перемене, я все еще терялась в догадках по поводу предстоящей встречи с несостоявшимся свекром.

Что ещё ему от меня надо? Даже когда мы с Кириллом были вместе, наши встречи сводились к общим семейно-деловым торжествам. В браке с его сыном я не состояла, то есть делить нам абсолютно нечего. Разве что он хочет потребовать вернуть все подарки за эти три года. Честно признаться, такая мелочность меня бы очень удивила, несмотря на то, что Кирилл был довольно щедрым парнем. Может, он мне в порыве большой любви подарил какое-нибудь старинное украшение прабабушки, которое предназначалось исключительно для будущей супруги?

– Будем делать ставки? – прочитав мои мысли, поинтересовался Алекс, в руках он держал два огромных стакана кофе, один из которых протянул мне. – Я ставлю на то, что он будет умолять тебя взять его сыночка обратно. У них, как никак, были огромные планы на вашу пару. Думаю, встреча с Яной очень поспособствовала его любви к тебе.

– Точно! Они осознали какой бриллиант потеряли и теперь будут всячески заманивать меня обратно, – засмеялась я. – Я даже представить не могу зачем он хотел познакомить-

ся с Яной. Неужели Кирилл серьезно планировал разделить с ней дальнейшую жизнь?

– Зная их семейные пристрастия, возможно они хотят разделить непосредственно Яну, – заржал Алекс. – А что, квартира у них одна на двоих есть, почему бы не завести и одну любовницу? По-моему, в этом одни плюсы. Надо только тщательно составить расписание...

– О Боже, за что ты так со мной?? Ты же знаешь мою бурную фантазию, я не хочу чтобы эта картина стояла у меня перед глазами целый день. Хотя не удивлюсь если расписание у них все же есть, как-то же они должны избегать друг друга.

– Точно! – Воодушевился мой друг, – готов поспорить, что у них на телефонах есть общий доступ в календарь...

Алекс продолжал развивать тему, но я его уже не слышала, потому что вдруг поняла что-то важное. Бумажный стаканчик с кофе вылетел из моих рук и с глухим звуком приземлился на пол. В этот момент я почему-то подумала, что по закону жанра, стакан должен был быть стеклянным, чтобы по моим ногам разлетелась не только горячая жидкость, но и острые осколки.

Алекс начал суетиться у моих ног, пытаюсь промокнуть капли на моих туфлях, кажется, он даже несколько раз спросил все ли в порядке. Но я все еще пребывала в ступоре, вывести из которого меня смог только нарочито громкий голос

Урицкого.

– Мотор! Камера! Снято! Великолепная актерская игра! Впрочем, как и всегда! – в глазах насмешка, а в голосе фальшивое восхищение.

Теперь уже точно все взгляды устремились на меня, особенно когда этот клоун захлопал в ладоши для пущего эффекта. Студенты с интересом разглядывали мое лицо, Булавина у моих ног, лужу... Но мне, в кои-то веки, было совсем не до них. Даже насмешливый взгляд Глеба лишь мельком кольнул в самое сердце и тут же уступил место более важным мыслям, которые я все еще пыталась сформировать в слова. Я схватила руку Алекса и, игнорируя его многочисленные вопросы, потащила его из кафетерия.

Найдя свободную аудиторию, я затащила туда друга и хлопнув дверь, прижалась к ней спиной.

– Эй, что на тебя нашло? – кажется, Алекс начал всерьез волноваться о моем психическом здоровье.

– Что если... – я все еще пыталась оформить вихрь мыслей в одно членораздельное предложение, – что если отец Кирилла имеет отношение к пропавшей девушке?

Алекс явно не был готов к такому повороту. Он, словно рыба, несколько раз открыл и закрыл рот, видимо, пытаясь проследить за ходом моих мыслей, но так и не смог, а только спросил:

– Это как?

– Помнишь, Юля или как там эту девушку звали, говорила, что Марина Селиванова стажировалась в фирме Русеева-старшего? Мы же знаем, что он не гнушался связью с ассистентками и подруги говорили, что у нее какой-то богатый любовник был.

– Должен заметить, есть логика в твоих словах, но причем здесь ты? Нахрена ему с тобой встречаться?

– Если они встречались в той же “проститутушной” где и Кирилл с Яной, то возможно он опасается, что тот, кто сделал фото его сына, запечатлел и его с любовницей. И теперь боится, что об этом узнают в полиции. Может, поэтому Яна тогда сказала чтобы они с ментами сами разбирались. Вот тебе и причина почему Кирилл повел ее знакомить с отцом, не для того чтобы официально представить свою новую девушку, а чтобы выяснить она ли распространила те фото и есть ли на них кто-то еще.

– Вау, – судя по выражению лица Алекса, он сейчас он сожалел о выпитом накануне. – Так, погоди... хорошо, Яна решила, что если о ее связи с Русеевым узнает общественность, то вы с ним расстанетесь и он будет всецело принадлежать ей, что, как мы знаем, ни хрена не сбылось. Но нахрена ей делать еще фото других пользователей хаты, так сказать? Хотя, если она заранее установила камеру, то на нее вполне мог попасть и папаша... Ладно, это мы выяснили. Но причем здесь ты?

– Притом, что Яна фото не делала. – Сказала я со вздо-

хом. – В чем она, подозреваю, и убедила Русеевых во время их встречи.

– В смысле не делала? – Алекс помотал головой, будто надеялся, что от этого его мозг заработает куда продуктивнее. – Погоди! Твою мать, Воронцова... только не говори мне..., я тебя обожаю! Фото сделала ты, да?

Глава 13

“Я сломала своего лучшего друга”, – подумала я, потому что Алекс начал смеяться и не мог остановиться уже пару минут.

– Это не смешно, придурок – злобно процедила и толкнула его в плечо. – Хорош ржать! Если моя теория верна, то я по уши в дерьме.

– Ты? По-моему, проблемы ждут Русеева-старшего, ты-то здесь причем? Наоборот, если он замешан в пропаже девчонки, то ты вроде как герой, оказавший помощь следствию. – Булавин, наконец, перестал ржать и теперь пытался отдышаться. – Так, давай по порядку. Я, конечно, впечатлен, но нахрена ты это сделала?

– Это долгая история.

Алекс посмотрел на часы и заявил:

– У нас 12 минут до конца перемены, но честно признаться, я не уверен, что готов идти сейчас на пары. Так что давай, выкладывай все с самого начала.

– Я знала, что Кирилл спит с Яной. Актер из него хреновый, если честно. Дальше дело за малым, я сделала дубликат ключей от “проститутушной”, установила там камеру, ну и дальше ты знаешь...

– Знаю, – согласился Алекс. – Но все еще не понимаю зачем? То есть, ты продолжала встречаться с ним, зная что он

спит с Яной? Почему бы просто не послать его сразу?

– “Просто” – это не про нашу семью, – пожала я плечами.

– В смысле?

– Я пыталась расстаться с ним еще несколько месяцев назад. Хотя нет, – исправилась я. – Я хотела расстаться, но до попытки дело не дошло. Черт меня дернул сначала сказать о своих намерениях отцу. И он четко дал мне понять, что опции расставания у нашей пары нет, у них с Эдуардом Дмитриевичем было слишком много надежд на нас. Ну, ты знаешь их идею слияния фирм.

– И что? Он тебе сказал тупо продолжать встречаться с ним? – недоверчиво уточнил друг.

– Да, блин. Так он и сказал, представь себе! А потом еще подослал Алину для разговора по душам. Они подумали, что я решила его бросить из-за того что уличила в измене, ну и она мне прочитала лекцию на тему, что такова наша бабская доля, и типа надо быть мудрой и помнить, что они всегда возвращаются в семью и все такое. Типа вы по природе полигамны и нам остается только делать вид что все ок... И знаешь, что самое ужасное? Она ведь реально считает, что это норма.

Алекс произнес пару непечатных слов, а потом добавил еще несколько забористых предложений.

– Окей, твой отец мудак, это мы, в принципе, и до этого знали. Но с каких пор ты его слушаешь? Если ему это так

важно, пусть сам, блин, замуж выходит. Что он тебе может сделать, на дискотеку не пустить?

– Он... он сказал, что в здравом уме я бы не могла “додуматься до такой ереси” и, возможно, мне опять стоит пройти терапию.

Алекс громко выругался, затем ударил кулаком по столу, продолжая сыпать проклятия в сторону моего отца.

– Почему ты мне ничего не сказала-то?

– Я... – на глаза непроизвольно выступили слезы, – наверное, мне было стыдно. Стыдно, что я боюсь, что я готова терпеть все это, лишь бы не оказаться опять в психушке, я не знаю...

Алекс сгрэб меня в свои медвежьи объятия и я, наконец, дала волю слезам. Умом я понимала, что я уже совершеннолетняя и по идее, отец не может меня насильно отправить на лечение, но с его связями, никогда нельзя знать наверняка. Быть с Кириллом я не хотела, но снова оказаться в каком-нибудь престижном реабилитационном центре я не хотела еще больше. В шестнадцать лет я уже провела в такой клинике пару недель и по этой причине даже не успела попрощаться с умирающей мамой. Так что, вместо того чтобы пойти против воли отца и бросить выгодного жениха без особо веской причины, я придумала план с фотографиями.

Зная отцовское беспокойство о репутации, у меня не было сомнений, что на этот раз он меня поддержит в желании

разорвать помолвку. Дело было за малым – уложить Кирилла в постель к другой женщине. Я недели две вынашивала план и максимум до чего додумалась – это напоить его в баре, потом устроить скандал по какому-то несурзному поводу, наговорить гадостей и сбежать, в надежде что он клюнет на чары пуганы, услуги которой я бы заранее оплатила. Я уже даже вступила в переговоры с одной дамой, которую нашла в интернете и объяснила ей ее задачу: соблазнить расстроенного жениха и сделать пару фото в процессе. Но в итоге я, конечно, струсила, ну или поняла что на такую подлость я все-таки не способна.

А потом... я даже не знаю как я это поняла. Сначала я боялась, что Кирилл почувствует перемены и начнет задавать вопросы, все-таки, я постоянно откладывала встречи, оттягивала близость, да и на обычные поцелуи отвечала без особой страсти.

Но он вел себя как ни в чем не бывало, даже наоборот, как будто радовался, что у него теперь больше свободы. И однажды у него дома я заметила, что ключи от той квартиры отца лежат не в ящике комода, а сверху. Я сразу даже не придавала этому значения, подумала, что может искал что-то и забыл потом положить обратно. А потом, уже дома, меня как-будто обухом по голове огрело... и его частое отсутствие, и какие-то нелепые отговорки, зачастую телефон про-

сто был исключен. И я решила проследить за ним, точнее за той квартирой на Высоцкого. Взяла тачку на прокат, чтобы он мою не узнал и несколько вечеров провела во дворе дома с “проститутошной”, чувствуя себя попеременно то героиней шпионских фильмов, то душой набитой. Но на третий день мне повезло.

– И знаешь, что самое ужасное, Алекс? Увидев его с Яной там, я испытала облегчение, даже что-то сродни счастью. Вот он, мой выход... Ну а дальше дело оставалось дело за малым – запечатлеть греховное падение, что я и сделала.

Друг все еще крепко сжимал меня в объятиях, а я, несмотря на продолжающиеся литься слезы, чувствовала себя счастливой и защищенной. Господи, почему я раньше ничего ему не рассказала??

В какой-то момент дверь в аудиторию открылась, но Булавин грозно рыкнул “дверь закрой” и она поспешно захлопнулась. Я лишь порадовалась, что стояла спиной к двери и вошедший не мог видеть мою заплаканную физиономию. На то, какое впечатление мы производили – я стояла зарывшись лицом в грудь Алекса, его левая рука на моей спине, а правая поглаживает мои волосы – мне было наплевать.

Через пару минут слезы иссякли и я даже нашла в себе силы улыбнуться, лицезрея мокрое пятно на кофте друга. Нда, я думала, что после нашего утреннего триумфального появ-

ления в холле, нам уже не удастся ничем удивить окружающих...

Алекс, судя по всему, за время моих рыданий продолжал обдумывать мои слова и как только я успокоилась и полезла в сумку на салфетками, пошел в наступление.

– Так, давай по порядку. Есть у тебя фото Русеева-старшего или нет?

– Я не знаю, – честно ответила я и видя недоуменный взгляд друга, тут же продолжила: – Камеру я установила накануне, но знала, во сколько они встречались, поэтому запись сразу перемотала на это время. Я даже само видео не смотрела, сделала скрины со стопкадров на перемотке и все, у меня не было ни малейшего желания тратить время на любительское порно. Но по идее, если кто-то был в той квартире в течение этих суток, то на записи мы это увидим.

– Окей, – вздохнул Булавин, всем своим видом показывая, что тоже не фанат домашних видео. – Где запись?

Я молча протянула ему флешку.

– Пойдем проверим кабинет информатики, может там сейчас пусто.

В этом я сильно сомневалась, но тем не менее, покорно последовала за другом.

Слезы я промокнула и очень надеялась, что дорогушая тушь стоит своих денег и серых подтеков под глазами нет, но смотреть на себя в зеркало я все-таки не рискнула. Мое ли-

цо еще не успело отойти от вчерашних посиделок, а тут еще незапланированная истерика, наверняка, внесла коррективы в мой внешний вид.

Глава 14

К сожалению, удача не спешила нам улыбаться и в кабинете информатики проходили занятия. Мы направились в библиотеку, но и там нас ждал облом – все компьютеры были заняты.

– Что за проклятье, – возмущался Алекс. – Двадцать первый век, блин, а мы не можем свободный компьютер найти.

Вдруг я увидела парня, на которого пару дней назад показывала одноклассница Марины, у него на плече висела сумка для ноутбука. Она еще говорила, что он был влюблен в пропавшую девушку и с первого курса делал за нее домашку. Боже, как же его зовут... Егор?

– Привет! – бросилась я в его сторону. – Ты ведь Егор, да?

Парень резко остановился и уставился на меня, будто пытаюсь вспомнить где мог меня видеть. Неужели остался хоть кто-то, кто был не в курсе всей истории с фото...

– Я Полина. Ты не мог бы нам одолжить ноутбук буквально на пару минут? Мне срочно нужно посмотреть задание перед парой, а в библиотеке все компы заняты. Пожалуйста?

Было видно, что у него нет ни малейшего желания давать свой компьютер, но причину для отказа он придумать не смог и поэтому достал из сумки ноутбук, буркнув:

– На вирусы только проверь сначала, – и тактично отошел

в сторону, выудив из кармана мобильный.

Система загружалась мучительно долго и, когда, наконец, показался рабочий стол с изображением Милы Йовович из “Обители зла”, я готова была захлопать в ладоши. Булавин вставил флешку и я нашла файлы записи, которые на всякий случай были спрятаны в папке с кучей рефератов и других учебных материалов. Запись была разделена на 26 файлов, в каждом примерно по часу видео. Мы начали открывать их подряд, нажимая а ускоренную перемотку.

На четвертом файле мы, наконец, заметили движение в кадре. Алекс выругался.

На видео, действительно, был отец Кирилла и Марина Селиванова. Стараясь не смотреть на экран, мы перемотали видео на момент, когда парочка уже оделась и сняли с перемотки. Марина стояла спиной к камере, Эдуард Дмитриевич сначала улыбался, потом девушка протянула ему свой телефон, показывая что-то на экране и улыбка с его лица испарилась. Он что-то сказал, Марина закинула голову назад, как будто засмеялась и тут Эдуард Дмитриевич резко дал ей пощечину и с гневным выражением лица, добавил еще что-то. Марина, держась рукой за лицо, схватила свою сумочку, направилась к выходу. Сделав несколько шагов, она развернулась, с усмешкой сказала что-то своему любовнику и исчезла из кадра. Мужчина еще какое-то время постоял на месте, а

затем тоже вышел.

В этот раз даже я не сдержалась от нецензурной лексики, Алекс же, казалось, изобрел несколько абсолютно новых словосочетаний.

– Так, перемотай на момент с телефоном, – скомандовал Булавин. – Попробуем посмотреть что там.

Я отмотала запись назад, но, конечно, ничего разобрать не получилось. Я сделала скриншот и попробовала увеличить картинку, но экран телефона Марины расплылся в блеклое пятно, так что даже не было видно – текст там или фото.

Рядом кто-то прочистил горло и я вспомнила о Егоре и о том, что пора бы вернуть ему ноутбук. Я выдернула флешку и поблагодарила парня за помощь, он буркнул “не за что” и тут же ушел, мы же с Алексом, казалось, приросли к тому месту на подоконнике, где сидели.

Булавин опять выругался, а я сказала: – Надо идти в полицию.

– И как ты им объяснишь вот это? – спросил он, махнув рукой в сторону флешки, которую я все еще сжимала в кулаке.

– Так и объясню, подозревала парня в измене, решила проверить...

– И поэтому нарушила закон о неприкосновенности личной жизни? А если учесть фото, от распространения которых тебе уже не удастся отвертеться, то и как бы не попасть

под распространение порнографических материалов.

– И что ты предлагаешь? Тупо забыть о записи?

– Не говори чушь. Но просто так соваться к ментам нельзя. У нас есть как минимум два варианта: подбросить флешку анонимно, но хрен знает сколько на это уйдет времени, нам же надо чтобы запись попала непосредственно к тому следоку, который ведет дело... Второй вариант, идти к ним сразу со своим адвокатом и договариваться на берегу о снятии ответственности за съемку. В принципе, это реально. По сути, ты им оказываешь услугу, а как они это оформят – уже их личное дело.

До конца пары, на которую мы так безбожно опоздали, что не было смысла показываться, мы обсуждали все возможные версии того, что произошло. Что такого могла показать Марина, что Эдуард Дмитриевич ее ударил? И что было потом? Он вышел из комнаты буквально через минуту после нее, вряд ли она успела далеко уйти, у него были все шансы ее догнать и продолжить разговор. А возможно, они отправились в разные стороны и ее исчезновение никак не связано с ним.

Прозвенел звонок и опустевший на время пары коридор, вновь наполнился студентами. Желания идти на занятие у меня не было, но у Алекса, в отличии от меня, не было выбора – у него как раз должен быть начаться практикум, ради которого он и приехал утром с жутким похмельем. Я же

решила вызвать такси и дождаться друга у себя дома, чтобы еще раз обсудить наши дальнейшие действия и вместе найти адвоката. О том, чтобы воспользоваться услугами отцовского юриста, не было и речи, тот бы обязательно доложил отцу о моей роли в аресте его друга и компаньона. О возможном аресте, – поправила я себя.

Глава 15

Вызывая такси, я указала в приложении, чтобы таксист подъехал к выезду из подземной парковки. Она была небольшой и предназначалась исключительно для работников университета. Меньше всего мне сейчас хотелось, чтобы кто-то заметил, что я решила прогулять оставшиеся пары и заинтересовался причиной.

Я спустилась на первый этаж и направилась к неприметной двери, ведущей на парковку, в помещении было довольно мрачно, 2 из 6 потолочных ламп мигали как в фильме ужасов. Я прошла почти половину пути, когда услышала, что дверь опять открылась и закрылась, послышались быстрые шаги и потом голос Кирилла:

– Эй, ты куда? Мы же договорились, что поедем вместе к отцу.

Черт, про это я совершенно забыла, но о том чтобы ехать к Русееву-старшему сейчас не могло быть и речи. Я сделала страдальческое лицо, что в принципе, было несложно, учитывая что последствия вчерашнего вечера до сих пор не прошли, а плюсом к ним прибавилась ситуация с записью.

– Извини, голова жутко разболелась. Давай перенесем встречу на завтра.

На секунду в лице Кирилла мелькнуло сочувствие, но оно

тут же сменилось шоком и злостью.

– Это ведь ты, да? – злобно спросил он. – Как я раньше не догадался? Почему-то я был уверен, что это все Янка заварила, от тебя я такой подлости не ожидал. Всё-таки прав Урицкий, ты просто великолепная актриса!

– Seriously? То есть ты вёл двойную жизнь, спал с левыми бабами за моей спиной, при этом старательно изображал любовь ко мне и мы сейчас обсуждаем мои актерские способности?

– Даже не надейся, что я буду оправдывать тебя перед отцом, сама заварила эту кашу, сама теперь и расхлебывай!

Голос его был настолько злобным, что мне показалось что он вот-вот меня ударит или хотя бы плюнет в лицо, но парень, всё-таки рос в интеллигентной семье, поэтому бросив очередной презрительный взгляд в мою сторону, он развернулся и направился обратно к двери.

Была бы я умной девочкой, я бы вздохнула с облегчением и отправилась по своим делам, но его слова задели что-то в моей, и без того, израненной душе. Возможно, в некоей степени я и сама чувствовала себя виноватой, но то что Кирилл предпочёл полностью проигнорировать тот факт, что изменял мне, сосредоточившись лишь на том, каким именно образом я решила его уличить, разбудило что-то темное во мне. То, что копилось с того момента, когда я впервые поняла, что моногамные отношения для моего жениха бы-

ли лишь пустым звуком, вся та злость, которую я не могла выплеснуть наружу, нашла выход именно сейчас, в темном закоулке университетской парковки, глядя на удаляющийся силуэт разгневанного Кирилла.

– Кто сказал, что меня нужно перед кем-то оправдывать? – Крикнула я ему вслед. – Я бы на твоём месте уже начинала искать того, кто будет оправдывать твоего отца... в суде.

Кирилл резко развернулся и в доли секунды оказался рядом со мной.

– Что ты сказала? – Процедил он. – Ты совсем совсем спятила со своими дурацкими играми?

Последние слова он произносит совсем рядом с моим ухом, а я понимаю, что даже не заметила, когда он оказался так близко ко мне. Окажись мы в этой ситуации еще год назад, я бы прильнула к нему, наслаждаясь такой близостью. Но сейчас меня это скорее раздражало, как будто абсолютно чужой человек пытался проникнуть в мое личное пространство. Я делаю шаг назад, но Русеев хватает меня за руку, не позволяя отодвинуться еще дальше. Я поднимаю взгляд к его глазам, уверенная, что увижу там отражение моего недовольства и злости, но вижу там что-то еще. Наряду с нескрываемым раздражением я вижу что-то похожее на страсть. Кирилл, видимо, тоже только сейчас осознал, что между нами почти нет пространства. Он злится на меня за то что я сильно усложнила ему жизнь, за то что до сих пор усложняю. Но в то же время он все еще хочет меня. И одновременно с этим

приходит осознание, что я абсолютно ничего не чувствую. Ни-че-го!

– У меня нет претензий к твоему отцу, – честно отвечаю я, возвращая нас к реальности. – Но у полиции, возможно, возникнут.

Я пытаюсь вырвать свою руку, но Кирилл еще не готов меня отпустить. Он громко сглатывает и смотрит на меня в упор:

– Отец не имеет никакого отношения к исчезновению девочки. Я облажался, я сделал тебе больно, ты мне отомстила. Давай поставим на этом точку, а?

– Ты действительно думаешь, что я собираюсь мстить твоему отцу? Кирилл, человек пропал! И как бы это ни было неудобно твоему отцу, запись может помочь следствию.

В этот момент со стороны входа послышались голоса и я сочла нужным поскорее отдалиться от бывшего, но очередная попытка вырвать свою руку и уйти, не увенчалась успехом. Кирилл, похоже, ещё не готов закончить этот разговор.

– Не так быстро! Я все-таки отвезу тебя отцу и сами разбирайтесь во всем этом дерьме.

Я в растерянности смотрю на его пальцы на своём запястье и понимаю, что там, наверняка, останутся синяки. Паника во мне говорит, что надо громко звать на помощь, но воспитание твердит о том, что следует как-то решить конфликт без привлечения внимания. Не будет же он силой ме-

ня тащить, сейчас эта шумная компания уйдет и мы...

Громкий свист прервал мои мысли и я поняла, что остаться незамеченными нам не удалось. Что они все забыли на парковке для персонала??

– Я же говорил, милые бранятся, только тешатся, – Раздался незнакомый голос под веселое улюлюканье толпы.

– Именно, – нагло ухмыльнулся Русеев. – Так что идите куда шли и не мешайте счастливому воссоединению.

– Понял, не дурак, – произнёс всё тот же голос. – Хотя это... Кирюха, ты немного промахнулся с ракурсом, сдвинь-тесь чуть левее, а то до этого угла камера не достаёт.

Тут даже я не выдержала и улыбнулась, а Кирилл почему-то шутку не оценил и ещё сильнее сжал мою руку.

– Полли, у тебя всё в порядке? – раздался совсем рядом голос Урицкого и, кажется, впервые в нем не было насмешки. Я настолько не ожидала его появления здесь, что даже вздрогнула.

– Всё прекрасно, – ответила я не оборачиваясь, – я как раз собиралась уходить.

– Не так быстро, дорогая, мы ещё не закончили, – напомнил мне Кирилл.

Я была уверена, что бывший не станет устраивать сцену у всех на глазах, поэтому изобразила милую улыбку и, бросив, “пока”, помахала ему свободной правой рукой.

Но несмотря на близость посторонних, он всё равно упор-

но не отпускал мою руку.

– Я же сказал, что мы еще не закончили, – процедил он.

– У тебя проблемы со слухом, Русеев? – поинтересовался Глеб. – Отпусти её руку.

Кирилл с удивлением посмотрел на Урицкого:

– Тебе какое дело?

– Ты делаешь ей больно.

– Представь себе, некоторым девушкам нравится пожестче. Правда ведь, Полина?

– Иди к черту, – мне все-таки удалось вырвать свою руку, потому что отвлекшись на разговор, Русеев ослабил хватку. Не теряя времени на прощание, я направилась к выходу из парковки. Что они все здесь забыли? Ладно Кирилл, он последовал сюда за мной. А остальные?

– Разговор не окончен, – буквально пропел Кирилл, растягивая гласные. – Я знаю где ты живешь, не забывай.

На саркастичный ответ сил у меня уже не оставалось, поэтому я не оборачиваясь показала ему средний палец.

– И далеко ты собралась? – раздался голос Урицкого. Я даже не слышала его шагов и поэтому опять вздрогнула.

– Подальше отсюда.

– Тебя подвезти?

– Что? – я даже опешила от такого предложения. Находиться в замкнутом пространстве авто с Урицким было бы прекрасным продолжением такого отвратного дня. – Меня

ждет такси.

И как бы в подтверждение своих слов, я открыла приложение на телефоне, надеясь что водитель еще не уехал не дождавшись меня, но увидела сообщение, что машина задерживается – недалеко произошла авария и движение перекрыто. Сегодня явно не мой день... Я обернулась назад и увидела, что Кирилл все еще не покинул паркинг и пристально смотрел нам вслед. Черт!

Глеб удивленно вскинул брови.

– Проблемы?

– Там авария, – сказала я и тяжело выдохнула. – Такси задерживается.

– Мое предложение подвезти тебя все еще в силе.

– Движение затруднено с обеих сторон, так что ты тоже далеко не уедешь, – устало сказала я. Сил спорить у меня не осталось, и если бы не пробка, я бы, пожалуй, даже рискнула сесть в его авто лишь бы быстрее оказаться дома. – Так что я пройду до метро.

– Ты? В метро? – усмехнулся он. – Когда ты в последний раз пользовалась общественным транспортом?

– Да я готова пешком домой идти, лишь бы оказаться подалее отсюда.

– Тогда, пожалуй, нарушу свои личные принципы и повторю свое предложение в третий раз. – заявил Урицкий и показал жестом влево, где стоял его мотоцикл.

Такого поворота я не ожидала, хотя теперь хотя бы понят-

но как он оказался на подземной парковке, наверняка не хотел оставлять байк снаружи на случай дождя.

Глава 16

Глеб

Она смотрит на байк, как будто впервые увидела. Если бы я не видел ее на треке, то подумал бы что боится. Не раз замечал подобное выражение лица у девиц, вроде как и сами напрашиваются чтобы их прокатали, а поджилки трясутся. В итоге, если и решаются сесть, то всю дорогу глаза закрыты и руки их на талии – словно тиски. В таких поездках чувствуешь себя мамой-коалой, блин.

Полли переводит взгляд на меня, потом опять на байк. Реально боится. Но не мотоцикла, меня. Я хищно улыбаюсь и протягиваю ей свой шлем. Сам виноват, что второй не взял, теперь каждая пролетающая муха будет считать своим долгом врезаться в мою рожу. Ни и хрен с ним, в любом случае, если там впереди пробка, то быстро гнать не получится.

Молча сажусь на байк и в боковое зеркало слежу как она забирается. В таких каблучищах довольно сложно сделать это элегантно, но ей удастся. На мгновение короткая юбка задирается вверх, приоткрывая кружевную резинку чулок. Она, блин, календарь видела? Октябрь на дворе, какие нахрен чулки? Хотя о чем я? Максимум ее прогулок – это добежать от подъезда до тачки и обратно.

Непроизвольно вспоминаю это кружево на ощупь. Этого только не хватало! Честно признаться, я не планировал нагло лапать ее под столом тогда в столовой, просто хотел немного поиграть на ее нервах, был уверен, что сразу сбежит. А вышло так, что сбежать захотелось самому, желательно сразу под холодный душ.

Чтобы отвлечься, перевожу взгляд на ее лицо, шлем уже на голове, но визор не опущен и мы встречаемся взглядами. И в этот момент я вижу не привычную манипулятивную стерву, которой она стала, а пятнадцатилетнюю девочку с глазами Бемби. На секунду ругаю себя, что чуть не свалил когда увидел как она зажимается в том углу с Русеевым, но тут же одергиваю себя. Если учесть, что меньше часа назад своими глазами видел, как она висела на груди у своего Булавина... Сама виновата, что создала себе такую репутацию!

Ей всегда надо быть в центре внимания, поэтому я бы не удивился, если бы она реально приняла этого идиота назад. Полина настолько не переносит смещение центра внимания со своей персоны, что готова на все лишь бы все только о ней и думали.

И если в шесть лет мы все умилялись когда Макс сломал ногу и Полли тоже обмотала свою бинтами и пару недель старательно изображала хромоту, заставляя всех себя жалеть, то в шестнадцать это уже было нихрена не смешно.

Потому что тогда она конкурировала за всеобщее внимание не со старшим братом, а с собственной матерью. У которой обнаружили онкологию на последней стадии.

И пока Инна Витальевна боролась, к сожалению, тщетно, с недугом, ее дочь не могла пережить того, что все внимание теперь доставалось не ей и устроила спектакль из обмороков. И блин... мы же ей поверили. До сих пор помню как мы с Максом чуть с ума не сошли, когда гуглили всяческие диагнозы пока отец таскал Полли по врачам. Анализы, кстати, были отличные... хоть завтра в космос. Но почему-то это нас тогда не насторожило, а еще больше испугало.

А потом она поняла, что заигралась, когда отец не пустил ее в Испанию на свадьбу двоюродной сестры. Их бабка жила в Малаге уже лет десять и они и так туда летали несколько раз в год. Он, видимо, посчитал, что в таком состоянии ей лететь куда-либо опасно, я уже молчу о том, что бросать маму в такой момент тоже было не лучшей идеей. И тогда Полина во всем призналась отцу. Я бы никогда в это не поверил, если бы не слышал их разговор своими собственными ушами.

Я как раз вышел от Макса, чтобы отправиться домой и услышал как из кабинета доносятся их крики, она о чем-то его просила, даже умоляла. Начало разговора я не застал, но они явно спорили насчет поездки в Испанию. Тогда я еще не знал, что там намечается свадьба, это Макс меня потом просветил. И когда я подошел ближе, Полина как раз в слезах признавалась в том, что обмороки и все проблемы со здоро-

вьем – это постановка, дешевый спектакль чтобы привлечь внимание.

Я не знаю как отец ее не прибил. После всего, что им пришлось пережить за тот месяц... В итоге в Испанию она все-таки полетела. Видимо, родители решили что всем будет спокойнее если Полина и ее выкрутасы на какое-то время покинут отчий дом. Правда, и там она не унималась. В перерывах между тусовками на пляже и в ночных клубах, она умудрялась доставать всех своими псевдозаботливыми звонками.

Мы с Максом наотрез отказались брать трубку, когда она звонила. Нам хватило фоток из инстаграма их двоюродной сестры, чтобы быть в курсе о ее веселье там. А вот отцу приходилось с ней общаться, святой человек... Но и его нервы оказались не настолько крепкими и в какой-то момент он тоже перестал отвечать, в надежде что до дочери дойдет, что у всех сейчас есть проблемы поважнее ее курортных приключений. И что сделала Полина? Решила использовать свой последний козырь – попытку суицида. Тоже псевдо, разумеется. Не знаю на что она рассчитывала, но в итоге всем надоели ее выкрутасы и бабка спланировала ее в какой-то новомодный реабилитационный центр. Старушка еще молодец, долго держалась. Другая бы на ее месте отправила внучку домой ближайшим рейсом. Я вообще удивлен как она ее так долго терпела, у бабули характер был не сахар, она когда сюда при-

езжала умудрялась командовать всем семейством, включая своего сына.

С тех пор мы с ней не общались, если не считать ее попытки выставить себя жертвой по возвращении на родину, она тогда очень хотела убедить нас с Максом, что мы слепые дебилы и все было не так, несмотря на то, что весь спектакль разворачивался у нас на глазах. Но мы ее даже слушать не стали, настолько было противно.

И вот, спустя четыре года я вижу, что нихрена не изменилось. Ей все так же надо быть в центре внимания и она готова на все лишь бы софиты не переключились на кого-то другого.

От этих воспоминаний все внутри опять закипело и я резко завел мотор. Моя мать умерла еще до того как я был в состоянии сохранить хоть какие-то воспоминания о ней, Инна Витальевна относилась ко мне как к сыну и я никогда не смогу понять как Полина была способна на такое поведение.

Байк дернулся с места, Полина вроде как пыталась оставить между нами место, но как только я набрал скорость, она невольно скатилась вплотную ко мне. Руки она упрямо держала на специальной ручке сзади. И правильно, нехрен меня отвлекать. Мне хватало уже того, что в боковое зеркало я видел ее ноги и несмотря на то, что она попыталась зажать

свою юбку бедрами, материал предательски разлетался, открывая обзор на кружево чулок и немного голой кожи над ними.

Я в очередной раз порадовался, что на байке не надо вести светскую беседу. Не представляю о чем бы мы говорили, окажись сейчас в одной тачке. Хотя хрен бы она села в мою машину, сама понимает к чему это могло бы привести.

Мы объехали пробку, она реально тянулась на пару километров, и через несколько минут я уже тормозил у ее дома.

Она в мгновение слетела с байка, будто он ее обжигал, сняла шлем и бросила его мне в руки с такой силой, что я чудом не свалился с сиденья. От Бемби не осталось и следа, она снова включила холодную стерву. Что, нахрен, опять на нее нашло??

– Я тебе не говорила адрес, – процедила она с подозрением.

Я мысленно обругал себя всеми нецензурными словами, что знал, а знал я реально много.

– Макс упоминал куда ты переехала от отца.

Она недоверчиво подняла брови.

– Серьезно? И прям подъезд указал? И ты сразу запомнил!

Какая чудесная память!

И на этом, даже не попрощавшись, она скрылась в подъезде. Стерва. Я, конечно, не рассчитывал, что она пригласит меня на кофе, но блин, могла бы хоть спасибо сказать!

Как я мог так облажаться с адресом?

Макс действительно говорил куда она переехала, а вот подъезд я узнал сам, когда хрен знает зачем притащился сюда и сидел как придурок в тачке, пока не увидел ее машину и ее саму. Что ж, у всех свои слабости. Моя слабость – Полина Воронцова. И пусть я всем нутром ненавижу то, во что она превратилась, иногда я любил представлять, что все могло бы быть иначе. Ключевое слово иногда! – напомнил я себе. – Иногда, блин, а не каждый вечер, как это происходит после того что случилось на треке.

Глава 17

Не помню как добежала до квартиры, помню только, что порадовалась, что в лифте я была одна, а то наверняка соседи бы услышали как сильно колотит сердце в груди.

Господи, этот день когда-нибудь закончится?

Это что сейчас было? Откуда он знает мой адрес? В то, что Урицкий следил за мной, поверить было сложно. Разве что чтобы проколоть шины моей тачки, но если такое желание у него и было, до реализации дело ни разу не дошло. Я скорее поверю, что в этом доме живет одна из его многочисленных пассий и он просто увидел меня случайно. А Макс? Я думала, что он давно не проявляет никакого интереса к моей жизни, а оказывается, даже адрес мой знает. Хотя, наверняка, адрес он узнал у отца, чтобы убедиться, что моя квартира не лучше его, а то такой несправедливости он бы не пережил.

Зря переживал, папа бы его ни за что не обделил, сыну он арендовал квартиру где-то в центре, в одной из многочисленных высоток с видом на весь город. До сих пор помню восторженные отзывы Алины... Как будто она бы променяла их особняк на квартиру.

Стоит отдать должное отцу, меня он тоже в выборе не ограничивал. ЖК, который я выбрала был не таким шикарным как у брата, но зато находился ближе к универу, а зна-

чит утром я могла поспать подольше.

Дома я первым делом сгрэбла остатки вчерашних посиделок с Алексом в мусорный пакет и дала себе обещание больше не пить. Никогда. Не то чтобы сегодняшней день оказался таким паршивым из-за алкоголя, но возможно, если бы я лучше соображала, то не пошла бы на закрытую парковку, а дождалась Алекса. При нем Кирилл бы не стал мне угрожать.

Чуть позже Булавин позвонил с предложением приехать и обсудить наши дальнейшие действия, но я малодушно решила перенести разговор на завтра. Я понимала, что в полицию надо идти как можно скорее, а значит и с поиском адвоката не стоит затягивать, но сегодня сил на мозговой штурм у меня не осталось.

Мне хотелось провести как минимум три часа в ванной и потом завалиться спать. Думать не хотелось от слова совсем, тем более что меня очень раздражал тот факт, что мысли об Урицком меня занимали куда больше, чем мысли о пропавшей девушке.

После ванной я, как и планировала, уснула и проснулась лишь поздно вечером, запоздало сообразив, что ночью теперь мне вряд ли удастся поспать и таки придется остаться наедине со своими мыслями.

Открыв холодильник, я поняла, что Алекс вчера сожрал

все мои, и без того скудные, запасы продовольствия, поэтому заказала доставку и пока ждала курьера, решила поискать информацию о пропавшей девушке.

Найти ее в соцсетях не составило труда, несмотря на то, что поиск выдал довольно много аккаунтов. Лишь с одним из них у меня было 4 общих друга, поэтому я не сомневалась, что передо мной та самая Марина Селиванова. На фото она лучезарно улыбалась, волосы были уложены в аккуратные кудри.

Все время до приезда курьера я потратила на изучение ее профайла. Не знаю что я там хотела найти, фото с отцом Кирилла там, разумеется не было, но в целом впечатление о девушке складывалось очень положительное. Я старалась не думать о том, что у нее были отношения с женатым мужчиной. Под фото было куча лайков и комментариев от друзей, среди которых было довольно много знакомых лиц. Никакого хейта и грязи, в общем, никаких зацепок.

Я уже собиралась закрыть страницу, когда увидела вкладку “возможно, вы знакомы” и имя Глеб Урицкий. Вот он, искусственный интеллект во всей красе. Его профайл, в отличие от Маринино, не пестрел фотографиями. Даже на аватарке у него стоял какой-то мультяшный персонаж. Я не смогла удержаться и нашла у него в друзьях своего брата. Максим, в отличии от друга, вполне активно добавлял фо-

токарточки. Я не смогла сдержать улыбку, когда увидела заглавное фото: он стоял на сноуборде, почти все лицо было прикрыто балаклавой, но даже одних глаз было достаточно, чтобы понять, что брат счастлив. Я сразу вспомнила наши первые поездки на горнолыжные курорты всей семьей, как мы вместе учились стоять на доске. Как мы дразнили родителей за то что они признавали только лыжи, в то время как мы вместе братом осваивали сноуборды.

К сожалению, со смертью мамы закончились не только наши совместные поездки, закончились и мы как семья. Мы с Максимом даже не разговариваем, с папой общаемся от силы раз в пару недель, а видимся и того меньше, несмотря на то что живем в одном городе.

После смерти мамы он довольно быстро женился и, наверное, я бы расценила это как предательство если бы не разочаровалась в отце еще раньше. Тогда, когда он не захотел разбираться с моими чувствами, не захотел выслушивать мои проблемы и переживания, а просто отправил меня в Испанию к бабушке, чтобы не мешала. Как будто только у меня были проблемы с принятием того факта, что мама смертельно больна и никакие деньги и операции ей не смогут помочь.

Отец тогда с головой ушел в работу, зачастую возвращался из офиса ближе к ночи и в целом вел себя так, будто в маминой болезни его больше всего напрягает то, что на репутации “идеальной семьи” можно поставить крест. А есть

учесть скорость, с которой он потом женился на Алине, то это непроизвольно навеивает на мысли о том, что отдушину он тогда находил не только в работе. Но это нормально, да.

Максим с Глебом устроили какую-то пародию на бойцовский клуб, потому что, видите ли, познали связь между болью физической и моральной. Но это нормально, им было сложно.

И есть где-то в этой истории я, шестнадцатилетняя девочка, которая пытается не показывать никому свои переживания, потому что им и так сложно. Которая не забивает на учебу, проводит все свое время у постели матери, продолжает улыбаться, несмотря на то, что внутри все разрывается и кровоточит. Прикрывает брата, прогуливающего школу, оправдывает отца, пропадающего на работе все больше. Которая в один, далеко не прекрасный момент, ломается...

Первые обмороки удавалось скрыть. Повезло, что рядом никого не было.

Но несмотря на то, что я через силу запихивала в себя здоровую пищу и кучу витаминов, сознание я продолжала периодически терять. Тогда я не могла понять что со мной происходит, мне почему-то казалось, что в обмороки люди падают только от голода или при беременности (спасибо многочисленным фильмам за это), но так как оба варианта я исключала, то и причину не могла найти. А рассказать все ро-

дителям и нервировать их еще больше я не хотела, им же и так сложно.

Не знаю как далеко бы завели меня эти воспоминания, но к счастью, позвонил курьер и я пошла его встречать.

Взглянув на часы я подумала, что Алину бы удар хватил, если б она увидела в какое время я собираюсь есть. Она была из тех женщин, которые конфеты в последний раз ели еще в саду на утреннике, до того как выучили ужасное слово “углеводы”. Я же без зазрения совести уплела почти целую пиццу и только потом решила еще раз посмотреть запись со скрытой камеры. Я сразу перемотала видео на момент их разговора, благо помнила хронометраж и уставилась в экран в надежде, что увижу что-то, что мы с Алексом упустили. Но нет, ничего нового, разве что... Я остановила запись и перемотала немного назад. Когда Эдуард Дмитриевич ударил Марину, она сразу приложила ладонь к лицу, потом посмотрела на нее, как будто там что-то было. Кровь, что ли? Хотя что это изменит? В любом случае, смертельным удар точно не было. Унизительным – да, но не смертельным. Что же там такое произошло? Боюсь, ответить на этот вопрос смогут только участники беседы, но беседовать с несостоявшимся свекром у меня не было никакого желания, а местоположение Марины так и остается загадкой. Остается только надеяться, что девушка жива-здорова и когда-то мы узнаем правду.

Глава 18

Несмотря на то, что проспала полдня и потом почти всю ночь, утром я все равно чувствовала себя разбитой.

Практически одевшись, я вдруг поняла, что не готова к очередной встрече с Кириллом. Что я ему скажу? Он, наверняка, будет опять угрожать и настаивать на встрече со своим отцом. Зря я вчера отказалась от того чтобы Алекс приехал, сейчас бы у меня был хоть какой-то план действий. И поразмыслив еще немного, я решила в университет не идти, сообщила об этом Булавину и попросила его приехать ко мне после пар.

Каково же было мое удивление, когда после обеда вместо Алекса ко мне заявились Русевы. Оба. Я ждала Булавина и поэтому распахнула дверь, даже не удосужившись посмотреть в глазок, о чем конечно, тут же пожалела.

Увидев их на пороге, я попыталась захлопнуть дверь, но Кирилл подставил свою ногу в дорогом ботинке и процедил:
– Не дури.

Я тяжело вздохнула и впустила их в квартиру. Эдуард Дмитриевич всем видом пытался показать, что не заметил мою попытку закрыть дверь перед их носами и негостеприимное приветствие в целом. Выходило довольно паршиво, раздражение так и сочилось из него.

Я вдруг вспомнила случайно подслушанный когда-то разговор между отцом и Алиной, мы тогда только начали встречаться с Кириллом и мачеха переживала о криминальном прошлом моего будущего свекра. Вроде как начинал он свою карьеру еще в нулевых и не совсем законно. Отец тогда только отмахнулся, что это не имеет значения, главное что сейчас все легально и официально, а остальное так и останется слухами.

Тогда я еще подумала, что образ криминального авторитета у меня никак не вязался с будущим свекром, он мне казался слишком мягким, на общих встречах был душой компании, любил шутить и веселиться. Сейчас же он мне напоминал хищника, оценивающего меня как жертву и размышляющего “сразу сожрать или сначала поиграть?”.

Эдуарду Дмитриевичу было чуть больше сорока лет, но выглядел он гораздо моложе: высокий, все еще подтянутый, ни единого намека на выпирающий живот, как у многих мужчин в этом возрасте. Словом, издалека они с Кириллом вполне могли сойти за братьев.

Пока я раздумывала стоит ли предложить гостям, пусть и незванным, напитки, Русеев-младший по-хозяйски прошел в гостиную и вальяжно развалился на диване, вытащил из кармана мобильный и всем своим видом изображал, что он тут просто за компанию. Так... дорогу родителю показал, не

больше.

Отец последовал за ним, но садиться не стал. Сперва я подумала, что ему любопытно рассмотреть интерьер, но быстро поняла, что ошиблась, все его внимание было приковано ко мне. Он дождался, пока я усядусь в кресло и остался стоять посреди комнаты, впившись в меня взглядом.

К счастью, он не стал ходить вокруг да около и сразу перешел к делу.

– Полина, я думаю, ты в курсе чего мы от тебя хотим. Я сейчас не буду касаться того, на сколько я..., – он запнулся, видимо пытаюсь подобрать нужное слово, – удивлен тем, что за этими фото оказалась ты. Это ваши с Кириллом дела, я в них не лезу. Но к сожалению, эта информация в корне меняет дело.

– Какое дело, уголовное? – невинно поинтересовалась я.

Кирилл оторвался от телефона, одарив меня довольно красноречивым взглядом. Эдуард Дмитриевич закатил глаза и тяжело вздохнул:

– Именно. Теперь определенно уголовное.

– А раньше оно каким было?

– Раньше мы пребывали в уверенности, что это Марина распространила фотографии и, соответственно, “пропала”, – тут он сделал пальцами жест кавычек, – по собственной инициативе.

– Она распространила фото? Что за бред? – как ни силилась, я не могла понять как они пришли к такому выводу.

– Ты смотрела запись? – поинтересовался Эдуард Дмитриевич.

– Эм..., – я чувствовала как щеки предательски краснеют. – В очень ускоренной перемотке, так что только момент вашего разговора, после... после того как все оделись.

Мужчину, казалось, забавляло мое смущение.

– Что ж, тем хуже для тебя, – усмехнулся он. – Если вкратце, то Марина очень рассчитывала на определенную должность в моей компании. Она проходила у нас стажировку, но ничего серьезного ей не поручали, разумеется. И хоть по документам она была ассистенткой в юридическом отделе, на деле она была “девочкой принеси-подай”, выполняла мелкие поручения из всех отделов и иногда заменяла секретарей руководителей, когда кто-то из них был на больничном. Так, собственно, мы и познакомились.

До этого я ее видел только мельком, но потом Наталья, моя помощница не вышла и Марина показала себя более, чем готовой выполнять любые просьбы. Если ты понимаешь о чем я, – сказал он и даже подмигнул мне. И, видимо, заметив как скривилось мое лицо, поспешил добавить: – Я надеюсь, ты не думаешь, что я ее к чему-либо принуждал? Наши отношения были полностью ее инициативой, поверь мне.

– То есть, вы жертва? – не удержалась я. – Коварная студентка вас соблазнила?

– Полина, – резко сказал он, видимо не оценив сарказм. – Я пришел к тебе с дружеским визитом, давай не будем сейчас ничего усложнять.

– Ладно, – буркнула я. – Продолжайте.

История их знакомства меня не особо интересовала, куда больший интерес вызывало ее исчезновение и еще... как они могли подумать, что фото слила она??

– Так вот, я ей никаких обещаний не давал, на подарки никогда не скупился, иногда подкидывал наличку и в целом пребывал в уверенности, что нас обоих все устраивает. Но ее стажировка подходила к концу и она, судя по всему, не очень хотела лишаться места под солнцем и задалась целью обеспечить себе рабочее место на будущее, причем начать решил сразу с должности практикующего специалиста. В общем, я ей объяснил, что в мою компанию через постель еще никто не приходил и она, в принципе, первой не станет. Тогда она начала угрожать, что покажет жене нашу переписку и, скажем так, несколько интимных фото, которыми мы обменивались.

– Она хотела вас шантажировать? – я не смогла скрыть удивление.

– Именно. Мою реакцию ты видела... Я до этого баб никогда не бил, но тут просто растерялся. Сказал, чтоб глаза мои ее больше не видели и что на работу может больше не приходиться. Поэтому и не кинулись ее сразу, как пропала. Да

и никто не знает когда конкретно она исчезла. Жила одна, а родственники подняли тревогу только через несколько дней.

– У нее была кровь? – я сама удивилась своему вопросу и видя непонимающий взгляд Эдуарда Дмитриевича, уточнила: – На видео, после того как вы ей дали пощечину, она как будто вытерла что-то.

– А, просто царапина от кольца, – отмахнулся он, кивнув на кольцо, с небольшим камнем на безымянном пальце правой руки.

Я закатила глаза... То есть, он даже не удосужился снять обручалку, перед тем как тащить в кровать любовницу. Господи, как же я рада, что теперь не имею ни малейшего отношения к их семейке.

– Поэтому, – продолжил Русеев-старший, – когда твой отец рассказал мне о фотографиях, я первым делом подумал на Марину. Что, если у нее были доказательства кроме нашей переписки? Она вполне могла установить камеру, а когда увидела, что в кадр попал и сын, решила начать с него, чтобы продемонстрировать мне на что способна. Я сразу попытался ей позвонить, но телефон был отключен. Еще несколько дней на связь она не выходила, а вот полиция уже заинтересовалась ее исчезновением. Я не стал скрывать нашу связь, так как все еще был уверен, что она просто тратит время, чтобы побольше меня напугать. И о своей теории с фото ментам тоже рассказал. Но на всякий случай решил по-

беседовать с Яной, Кирилл подозревал, что это ее рук дело. Но, как ты уже догадалась, Яна все отрицала, что в принципе, подтверждало мою теорию. И исключительно чтобы проработать все версии, даже самые невероятные, я решил поговорить еще с тобой. Как же ты нас всех удивила, девочка... Интересно, твой отец знает кто заварил эту кашу?

Черт! Об этом я не подумала... Если отец узнает, что фотографии сделала я, он меня убьет. Хотя, для этого ему надо будет сначала вытащить меня из тюрьмы, а в том, что именно туда я попаду, у меня уже не было сомнений. Если Эдуард Дмитриевич первый сдаст меня полиции за незаконную съемку, то уже никакой адвокат мне не поможет. Блин, ну почему я вчера не побежала сразу в полицию??

Видимо, прочитав весь спектр эмоций на моем лице, Русеев-старший поспешил меня успокоить:

– Не переживай, я ничего ему не скажу. Если ты ничего не скажешь полиции.

– Что? – опешила я. Он что, не собирается меня сдавать? Тогда чего он от меня хочет?

– Пока их главная версия – это то, что Марина, действительно, сделала фотографии с Кириллом и Яной, шантажировала меня, потом испугалась и теперь прячется, потому что вполне понимает что ей светит за шантаж, съемку и распространение материала порнографического характера.

– И вы у них, конечно, вне подозрений, – удивилась я. –

Вы им просто дали честное слово, что к ее исчезновению не имеете отношения и они вам поверили?

Эдуард Дмитриевич прищурился, словно решая, быть со мной до конца откровенным или нет:

– Я вне подозрения, – произнес он растягивая каждое слово, – потому что во вторник, на следующий день после нашей встречи, уехал в командировку. А фото ты подбросила в четверг, но так как полиция склоняется к версии, что фото сделала Марина, то соответственно, в четверг она должна была быть живой-здоровой, что собственно, и снимает подозрение с меня.

– Но фото сделала я... и это в корне меняет дело.

– Именно! – подхватил мужчина. – Если мне не изменяет память, то именно с этого я и начал наш разговор. Теперь ты понимаешь нашу проблему.

“Нашу”... это слово так и резануло по мне. Но Русеев был прав, проблема и правда наша.

– Для всех нас будет лучше, если менты и дальше будут думать, что фото сделала Марина. Я не знаю захотят ли они поговорить с тобой, но на всякий случай – ты всего лишь обиженная невеста, знать не знаешь откуда взялись фото и о пропавшей девушке тебе, тем более, ничего неизвестно.

– Вы в своем уме? – сказала я в шоке. – Я не собираюсь выгораживать вас перед полицией.

– Seriously? – притворно удивился Эдуард Дмитриевич. –

Ты, конечно, не на юрфаке, но мне кажется, даже ты должна понимать, что твои действия были далеки от законных.

– Я прекрасно понимаю последствия. Но это не значит, что ради собственной шкуры я буду запутывать следствие. Что, если ее уже нет в живых?

– И как ты ей в таком случае поможешь, даже если пойдешь к ментам?

– Но я помогу вам, если к ним не пойду, да?

– Именно.

– Как я могу быть уверена, что вы не имеете никакого отношения к ее исчезновению? У следствия вы не под подозрением исключительно из-за того, что они не знают когда она точно пропала. Если они выяснят, что фото моих рук дело, то вы станете подозреваемым номер один. Где гарантии, что соглашаясь не идти в полицию, я не прикрываю настоящего преступника?

– Гарантий нет, – честно признался Русеев. – Но есть здравый смысл. Сама подумай, зачем мне связываться с девчонкой? Ее великое разоблачение бы только испортило настроение что мне, что моей жене. Поверь мне, мои связи на стороне для нее сюрпризом не являются.

– Ну тогда чего вам бояться? Повторите то же самое в полиции, там не дураки сидят, если у вас нет мотива, то и претензий к вам не будет.

– Не будь наивной дурой, – резко выплюнул он. – Когда ментам нужен был мотив? Они и разбираться не будут. На-

хрена мне лишние проблемы из-за взбалмошной девчонки, которая просто решила поиграть.

– Но куда-то же она пропала!

– Пропала, – нехотя согласился он. – Кто знает, может у нее было несколько любовников и, поняв, что со мной шантаж не прокатит, она решила попытать счастья еще раз.

– Но если в полиции не смогут определить точную дату ее исчезновения, то и найти ее будет сложнее.

– Не факт, что ее вообще нужно искать, – отмахнулся Русев. – Наверняка отсиживается в какой-то дыре и ждет чем это светопредставление закончится. Сейчас главное не это.

– А что же? – интересуюсь я, заранее зная ответ.

– Главное, чтобы у ментов не возникли сомнения по поводу моего алиби.

– И вы на полном серьезе сейчас считаете, что я буду врать полиции ради вас?

– Нет, дорогая. Я считаю, что ты соврешь полиции исключительно ради себя. Если менты узнают, что фотографии – твоих рук дело, я всего лишь окажусь под подозрением, а вот твое преступление железобетонно.

– Что, если я готова рискнуть?

Мужчина в один миг оказывается рядом со мной и положив руки на подлокотники, нависает надо мной. В этот момент у него такое же выражение лица, как на видео, когда он ударил Марину. Я вжимаюсь в кресло, стараясь, оказаться

подальше от него. Безуспешно, конечно. В его глазах бушует ураган, а губы оказываются буквально в сантиметре от моих, но нет в этом ни доли романтики. Какая, к черту, может быть романтика если перед тобой оскал хищника?

– Тогда ты об этом очень сильно пожалеешь, Полина.

Взяв себя в руки, он делает несколько шагов назад, снова надевает маску успешного бизнесмена и даже пытается изобразить улыбку.

– Полина, девочка моя, давай не будем усложнять друг другу жизнь. Я еще раз повторяю, я к исчезновению девчонки не имею ни малейшего отношения. Но это не значит, что я с радостью позволю ментам копаться в своем грязном белье. Давай договоримся здесь и сейчас: ты забудешь об этой записи, сама к ментам не пойдешь и если они, вдруг, сообщат задать тебе вопросы, будешь все отрицать.

– Нет, – с трудом выдавливаю из себя. – Врать я не буду, вы же сами меня потом и сдадите при первой возможности. Сама в полицию не пойду, но если вызовут на допрос, то расскажу правду.

Он тяжело вздохнул и, кажется, опять закатил глаза.

– Полина, ну какой смысл мне тебя сдавать?

– Это мое последнее слово! И нет смысла мне опять угрожать. Да, вы правы, отец будет не в восторге, если правда всплывет, но и отправиться за решетку он мне тоже не даст. Так что хватит меня запугивать как школьницу, а то я исключительно из упрямства решу проверить кто из нас двоих

пострадает больше.

Эдуард Дмитриевич вроде как хотел что-то ответить, но лишь махнул рукой и направился к выходу. Кирилл, который за все это время не проронил ни слова, молча последовал за отцом. На меня он старался даже не смотреть, видимо считая, что я сама виновата, что заварила эту кашу. Что ж, в целом он прав.

Уже на пороге Русеев-старший остановился, протянул руку и сквозь зубы произнес:

– Запись.

Так как это была лишь копия, я послушно отдала ему флешку и вздохнула с облегчением, когда за ними, наконец, захлопнулась дверь.

Глава 19

Алекс появился лишь спустя пару часов, и на мой вопрос что стало причиной задержки, расплылся в широкой улыбке и протянул:

– ДТП.

Я оглядела друга, но видимых травм не обнаружила, хотя неуместная радость явно свидетельствовала о сотрясении.

– Ты или тебя? Как тачка?

– Я. Тачка норм, через пару дней будет как новенькая, – друг продолжал загадочно улыбаться.

Поведение Булавина меня начало всерьез настораживать, я даже на всякий случай приложили руку к его лбу – холодный. Сама я ни разу не попадала в аварию, так что опираться на собственный опыт не могу, но что-то мне подсказывало, что бурную радость от этого люди редко испытывают.

– Булавин, ты издеваешься или как? – не выдержала я. – Судя по улыбке ты должен был как минимум помнить тачку Луговому, но что-то мне подсказывает, что в таком случае радость была бы мимолетной – ровно до того момента, как он вышел из нее.

– Близко. Я помял тачку его ассистентки.

– Дарьи??? – Я не могла поверить своим ушам.

– Ага, – кивнул Алекс, – и мы провели незабываемые пару часов договариваясь о том, как я буду ей возмещать ущерб

и причиненные неудобства.

У меня, кажется, глаза на лоб полезли, потому что Булавин заржал и поспешил меня заверить:

– Не в том смысле, извращенка! Я уговорил ее не связываться со страховой, чтобы не ждать вечность. Мы отвезли обе тачки в автосервис и я оплачу ей ремонт.

– Я все еще не улавливаю как данное происшествие приблизило тебя к цели. – А то что целью друга была Дарья Савельева, не было для меня секретом.

– Ну, если учесть, что за эти пару часов мы, впервые, наконец обсудили что-то, кроме практикумов и криминалистики, то я считаю это победой.

– У каждого свои представления о романтике, – не удержалась я. – Кто-то дарит девушкам цветы, кто-то устраивает ради них ДТП. Ты реально специально в нее въехал? – Я все еще не могла поверить в то, что Алекс добровольно пожертвовал своей “бмв”. Он всегда пылинки с нее сдувал и однажды, когда кто-то на парковке у ТЦ случайно задел его бампер и оставил едва заметную царапину, у него пропало настроение на целый день.

– Специально, да. Но если ты надеешься, что мы сейчас начнем обсуждать мою личную жизнь за поеданием мороженого прямо из ведра, как делают герои в твоих любимых романтических фильмах, то спешу тебя разочаровать.

– Ладно-ладно, – я примирительно взмахнула руками. – У меня тоже есть новости, правда, их обсуждать лучше не за

банкой мороженого, а за бутылкой текилы как минимум. У меня в гостях были Русеевы. Оба.

Теперь настал черед Алекса тарашить на меня глаза в удивлении.

– Что они от тебя хотели?

– Поговорить, конечно. – Вспомнив, что друг не знает о нашей вчерашней стычке с Кириллом, я пересказала ему оба разговора, но его, конечно, больше всего заинтересовало не то, что Русеев-старший мне угрожал, а то что домой меня вчера привез Урицкий. Теперь была моя очередь уклончиво уходить от темы личной жизни, хотя по сути, Глеб не имел к ней никакого отношения, и напомнить другу о проблемах насущных.

Мы потратили больше часа на обсуждение дальнейших действий и пришли к тому же выводу, что и вчера – сначала надо проконсультироваться с адвокатом. Алекс уже нашел подходящую контору, свободная запись была только на понедельник. Я не хотела столько ждать, но щеголять своей фамилией для ускорения процесса, тоже не рискнула, чтобы не дай Бог, отцу не доложили.

Булавин предложил остаться с ночевкой, но я отправила его домой, не желая утруждать друга еще больше. Сама же открыла свой блокнот с эскизами и принялась набрасывать новый образ платья, это всегда меня успокаивало.

Юбка получилась воздушной, с россыпью мелких камней, похожих на звезды на ночном небе, а вот верх платья никак не хотел получаться, я уже переделала несколько вариантов, и все еще не была довольна. Потом я вдруг вспомнила о корсете, который купила прошлой весной в маленьком итальянском магазине винтажной одежды. Кирилл еще тогда долго смеялся, что несмотря на деньги отца, мне приходится искать одежду в секонд-хенде. Господи, уже тогда нужно было понять, что светлое будущее нам с ним не светит... О чем можно говорить с человеком, который не видит разницу между винтажем и секондом??

Я бегу к своему шкафу и хорошенько порывшись, нахожу нужный корсет. Да, как я и предполагала, он идеально подходит к только что нарисованной юбке, осталось только придумать, куда надеть такой наряд... разве что ждать когда кто-то организует вечеринку в стиле распутного 18 века. Лиф украшен объемными нежно-голубыми цветами, от которых вниз по абсолютно прозрачной ткани спускаются синие ленты, скрывающие косточки корсета. Если добавить к нему только что нарисованную юбку, то получится наряд, достойный королевы ночного царства. Ладно, о том куда надевать такую красоту, я придумаю потом, сейчас мне срочно нужно занять руки и мысли.

Совсем отвлечься от происходящих событий у меня, конечно, не получилось, но тревога отступила и я смогла себя убедить, что все будет хорошо. К адвокату схожу, Маринино исчезновение, действительно, окажется затянувшейся шуткой, а Русевы навсегда исчезнут из моей жизни. Где-то за заднем плане еще мелькали мысли о Глебе, но их я так и не смогла сформулировать во что-то нормальное. Думаю, проблема была в том, что я сама не знала, какого исхода желаю...

Я все еще ненавижу его. Какие бы чувства он не пробуждал во мне на физическом уровне, я не смогу забыть как он поступил со мной четыре года назад – предал, растоптал мою репутацию, испортил жизнь!!! Да и он, судя по всему, прекрасно помнит былые обиды. Может, у него биполярочка? Как еще объяснить, что он то испепеляет меня презрительным взглядом, то лапает под столом...

Глава 20

Утро субботы началось со звонка Дианы, она хотела убедиться, что я приду на ее выступление, о котором я, разумеется, благополучно забыла. Моим первым желанием было отказаться, но потом я подумала, что вряд ли вышивание юбки камнями сумеет отвлечь меня второй день подряд, а значит поход в ночной клуб лишним не будет. Осталось заручиться поддержкой Булавина, без него я там буду не в своей тарелке, несмотря на то, что в клуб заявится куча наших студентов.

За годы учебы я обзавелась множеством знакомых, но близко общалась только с Кириллом и Алексом, и всегда считала это нормальным, если учесть, что в школе я была изгоем. Два больше чем ноль, верно ведь?

Вечером, выбирая наряд, у меня мелькнула шальная мысль надеть новое платье, которое я все-таки завершила днем, но даже несмотря на то, что в ночных клубах я была редкой гостьей, понимала, что этот наряд не впишется в обстановку. Честно говоря, мало что из моего гардероба вписывалось, но я все же выбрала длинное красное платье с открытыми плечами.

В клуб я отправилась на такси, так как собиралась нарушить свое недавнее обещание завязать с алкоголем. Недолго

я продержалась, да...

Алекс уже ждал меня внутри с каким-то ярким коктейлем, сам же он пил виски.

– Что за дискриминация? – возмутилась я. – Почему я должна пить эту розовую хрень?

– Потому что от этой коричневой хрени, – он кивнул на свой стакан, – ты окосеешь через полчаса. Я, конечно, поджентельменски дотащу тебя домой, но хотелось бы хоть немного насладиться вечером.

В этом момент на сцену вышла Диана и мы переключили внимание на нее. Сначала она спела несколько своих песен на русском, потом перепела пару синглов на английском. Людей в клубе было много и все взгляды были прикованы к ней. Мое платье на девушке смотрелось великолепно, и я искренне порадовалась за нее.

В какой-то момент, потягивая уже третий коктейль, я почувствовала на себе чей-то взгляд, обжигающий голую кожу на спине. Резко обернулась и встретилась взглядом с Урицким. Черт! Я и забыла, что он тоже обещал прийти. А потом вспомнила, что сама же попросила Диану его соблазнить и почему-то сразу же неприятно засосало под ложечкой. О чем я только думала, когда просила ее об этом? Мне понадобится еще минимум пять бокалов чтобы подготовиться к данному

зрелищу.

Алекс, если и удивляется количеству выпитых мной коктейлей, то виду не подает, лишь сует чаевые официантке, которая, судя по всему не спускает глаз с нашего столика. Как еще объяснить тот факт, что стоит мне допить последнюю каплю, как рядом со мной тут же появляется новый бокал?

Закончив выступление, Диана подходит к нам, обнимает меня и еще раз благодарит за наряд. Мы осыпаем ее комплиментами и сами не замечаем, как у нашего стола собирается толпа из знакомых студентов, все хотят прикоснуться к звезде. В какой-то момент, она приветливо машет кому-то рукой и у нашего столика появляется Урицкий. Диана мне подмигивает и приступает к стадии соблазнения:

– Глебати, спасибо что пришел, – она сладко улыбается и кладет руку ему на грудь. – Ну же, тебе понравилось?

– Разумеется. Ты была великолепа, – он скользит по ней ленивым взглядом и улыбается.

Не в силах смотреть на этот спектакль, заказчицей коего сама же и являюсь, я решила отлучиться в уборную, в надежде, что к моему возвращению, все разбредутся по своим местам.

Но к моему великому разочарованию, вернувшись, я обнаружила, что людей стало еще больше. Все весело что-то обсуждали, несмотря на довольно громкую музыку, от кото-

рой лично у меня уже начала болеть голова. То что голова могла болеть от коктейлей, я в расчет решила не брать.

А еще я заметила, что у Дианы появилась конкурентка – красотка с пятого курса, имя которой я не смогла сходу вспомнить. Серебристый кусок ткани, обтягивающей ее тело больше походил на “изделие № 1”, чем на платье, но уверена, Урицкий был в восторге. Сейчас они стояли по обе стороны от него и каждая всеми способами пыталась перетянуть его внимание на себя. Он, разумеется, был совсем не против такого расклада, широко улыбался и всем своим видом показывал, что жизнь удалась.

Увидев меня, Диана схватила мою руку и потянула в свою сторону:

– Иди к нам! Я рассчитываю на тебя на танцполе.

– Обязательно, – пообещала я. – Но для этого мне нужно еще как минимум два коктейля.

– Женский алкоголизм не лечится, – пробормотал Урицкий.

– Зачем его лечить-то? Им надо наслаждаться! Твое здоровье, Глебати, – с улыбкой пропела я и салютовала ему своим бокалом. Он лишь устало закатил глаза.

Не дав мне допить, Диана все-таки вытащила меня на танцпол. К этому моменту на нем уже практически не осталось свободного места, но при виде Дианы – звезды вечера,

народ расступился и мы оказались в самом центре. Поначалу я боялась сделать какое-то неверное движение и рассмешить толпу вокруг, но оглядевшись, поняла, что остальные тоже не венский вальс танцуют, расслабилась и даже стала наслаждаться вечером. Алкоголь сделал свое дело и я почувствовала приятное расслабление, сливаясь с ритмом музыки. На какое-то время мне даже удалось забыть об Русеевых, пропавшей девушке, моих возможных проблемах с законом и даже о Глебе. Надо будет поблагодарить Булавина за то что при выборе моего напитка угадал четкую грань между “легким расслаблением” и “безбашенными танцами на столе”.

В какой-то момент я почувствовала, что мне срочно необходимо свежий воздух и убедившись, что не бросаю Диану одну (к этому времени к нам присоединились еще несколько ее подруг), я направилась на открытую террасу на втором этаже. Оказавшись снаружи, я вдохнула воздух полной грудью и поняла, что долго оставаться здесь не смогу, было довольно прохладно.

За спиной скрипнула дверь и, обернувшись, я увидела парня, который явно не был студентом нашего универа. Надежда, что он просто тоже вышел подышать, угасла почти мгновенно, потому что он сразу направился ко мне, вооруженный широкой улыбкой и диким перегаром.

– Что такая красавица делает в одиночестве?

– Наслаждается, – сухо ответила я. И на всякий случай уточнила: – Одиночеством. – А то, мало ли, подумает, что его компанией.

– Разве можно таким красавицам быть одним? – не унимался он.

Господи, он что, перед тем как идти в клуб, погуглил “10 самых банальных реплик, чтобы подцепить телочку”?

– Можно. И периодически нужно, – ответила я и отвернулась в надежде, что парень поймет намек.

Но моим надеждам не суждено было сбыться, потому что парень никак не унимался. Он задал еще несколько вопросов в том же стиле, в каждом из которых непременно фигурировала “красавица”, но я их мужественно игнорировала, ожидая когда он поймет, что я не заинтересована в разговоре и оставит меня в покое.

– Эй, ты че, думаешь вся такая особенная и даже поговорить не можешь нормально?

Очень хотелось ему ответить, что проблема как раз в том, что на нормальный разговор не способен именно он, но не хотелось нарываться. Была бы у парня гордость, он бы махнул на меня рукой и удалился восвояси. Но гордости у него, судя по всему, не было. Как и мозга. А вот эго, размеров с Эйфелефу башню имелось, поэтому он резко схватил меня за руку и развернул к себе.

Я такой реакции, признаться, не ожидала, мы ведь даже

не знакомы, на кой черт я ему сдалась? Неужели можно так завестись просто потому что какая-то незнакомка тебя проигнорировала?

Я ни разу не была в ночном клубе без Кирилла и поэтому с таким настойчивым вниманием столкнулась впервые, тупо переводила взгляд с его лица на свою руку и обратно. Меня тут же настигло чувство дежа вю. Это что, сейчас модно так девушек за руки хватать? Сначала Кирилл, теперь вот этот придурок. Мне явно стоит почистить карму. И пока я пыталась придумать каким именно образом это сделать – отдать половину своих шмоток на благотворительность или взять собачку из приюта, парень перешел к активным действиям.

– Хрена ли ты так разоделась, а теперь недотрогу строишь? Или я рожей не вышел? Так можешь спиной повернуться и не смотреть, – заржал он, резко развернул меня спиной к себе и схватил за талию.

Я не знаю, виной ли тому выпитый мною алкоголь или просто шок, но я все еще не могла поверить в реальность происходящего. Мне казалось, что сейчас из-за угла выпрыгнет кто-то и весело объявит, что это розыгрыш. Такой вот хреновый, да, но все-таки розыгрыш.

Поэтому, когда услышала, что дверь опять открылась, вздохнула с облегчением, ожидая что парень меня отпустит и извинится за дурацкое чувство юмора. Но он лишь бросил через плечо:

– Не видно, что ли? Занято тут, – и продолжил лапать мой зад.

Тут до меня, наконец, дошло, что никакой это не розыгрыш, и я со всей силы наступила на его ногу своим каблуком. Он взвизгнул совсем по-девчачьи, выругался и схватил меня за волосы. Я решила пнуть его еще раз, но одновременно с этим его руки с моих волос слетели и раздался обиженный голос Урицкого.

– Спятила, что ли? Это же я!

Глава 21

Глеб

Голова начинает раскалываться от громких басов, но я почему-то не спешу уходить. Рядом Илона буравит меня взглядом, сначала пыталась вытащить на танцпол, а теперь обиженно сидит, поджав губы. Что на них сегодня нашло? Что Илона, что Диана? Полнолуние, что ли? Диана уже несколько дней ведет себя странно. Пять лет нормально общались, а тут здэрасте-приехали, начала глазки строить и за руки хватать. И Илона, видимо, почувствовав конкуренцию, взялась за старое. Пару лет назад у нее уже был такой период, когда она мне проходу не давала, но я четко дал понять, что в отношениях с ней не заинтересован. Илона из таких барышень, которые наутро после бурной ночи уже строчат три поста в инстаграм делясь подробностями и описывая технику. Не то чтобы мне было чего стыдиться, но и стать героем ее сторис на постоянной основе я не планировал.

Лениво блуждаю взглядом по клубу и ловлю себя на мысли, что давно не видел яркое красное пятно. Как ей вообще пришло в голову так нарядиться? Джессика Рэбит, мать ее! Лучше бы уже вырядилась как большинство девиц здесь – во что-то ультракороткое и минимум с тремя слоями пайе-

ток, выжигающих роговицу к хренам в этом освещении. Она, блин, в оперу приперлась или в ночной клуб? Нет, разумеется ей надо выделиться! Неужели реально кайфует от этих похотливых взглядов, которыми все пялятся на нее весь вечер?

Ищу глазами Алекса, этот придурок, по идее, должен за ней присматривать, раз вместе пришли. Но нет, он сидит за столиком, обсуждая что-то с другими парнями.

Черт! Куда она, нахрен, подевалась? Если бы пошла в туалет, пришлось бы пройти мимо меня и я бы ее точно заметил.

Встаю и решаю проверить террасу. Ей бы хватило ума сунуться туда в своем открытом платье, может отморозила руки и теперь не может открыть дверь, чтобы вернуться? Илона порывается пойти за мной, но тут же по моему взгляду понимает, что лучше остаться на месте.

Ускоряю шаг, чувствуя себя параноиком. Но ничего не могу с собой поделать, мне срочно нужно увидеть ее красное платье и надменную улыбку, которой она меня, непременно одарит.

Открываю дверь и просто охреневаю от увиденной картины. Полина откровенно зажимается с каким-то чуваком. Да он ее прям тут сейчас и поимеет, нахрен. Пока решаю что делать: оставить ее развлекаться или забросить на плечо и силой оттащить домой, понимаю, что не совсем адекватно

оценил ситуацию.

Вижу как она бьет его своим каблуком, вижу как он хватается за волосы, а дальше не вижу уже ничего. В себя прихожу только когда ее каблук приземляется аккурат в мое колено, а чувак, возомнивший себя бессмертным, лежит на полу.

– Спятила, что ли? Это же я! – возмущаюсь.

Смотрит на меня глазами Бемби, и только ресницами хлопает. Наконец, выдавливая из себя робкое “спасибо” и косясь на парня, который начинает приходить в себя. Я пинаю его еще раз и спрашиваю:

– Ты как?

– Не знаю. – вздыхает так глубоко, что грудь, кажется, сейчас вывалится из платья. – Я, честно говоря, не успела сильно испугаться.

Что блин?

– А что успела? Настроиться на прекрасное свидание?

– Да ну тебя, – устало машет рукой в мою сторону. – Я думала это розыгрыш.

И, видимо, видя мои округлившиеся глаза, продолжает: – Ну, не бывает так в жизни. Чтобы вот так просто кто-то подошел и пристал. В кино бывает, а в жизни нет. В фильмах такие антигерои нужны, чтобы потом героиня спасителя усердно благодарила, а в жизни...

Я открываю рот, чтобы сказать ей, что совсем не против того, чтобы она усердно меня отблагодарила, но она меня

перебивает:

– Боже, что за чушь я несу. Это во мне говорят пять коктейлей, или шесть... В любом случае, спасибо, – она кивает в сторону лежащего парня. – Пожалуй, мне пора домой, вызову такси.

С этими словами, она вытаскивает телефон из своего, блин, декольте и направляется к выходу.

– Что ты еще там прячешь? – не могу удержаться. У нее, наверняка, отдельная комната в квартире отведена под сумки, какого ж хрена не взять одну.

– Ничего, – говорит подозрительно потому что ловит мой взгляд на своей груди. Ну да, не то чтобы там было много свободного места, я удивлен как телефон вообще туда поместился.

– Я тебя отвезу, – вдруг предлагаю я. Не уверен, что готов сейчас оказаться с ней в закрытом пространстве, но отпустить ее я тем более не готов.

– Боюсь, мое платье не особо подходит для поездки на байке.

Можно подумать ее прошлая юбка и каблуки для этого подходили, но вслух говорю:

– Я сегодня на авто. И, в отличие от тебя, не пил.

Она сомневается, но глухой стон, свидетельствующий о том, что герой-любовник приходит в себя, помогает ей принять решение в мою пользу. Кивает и позволяет мне открыть

дверь.

Когда заходим в зал, музыка долбит еще сильнее, или так кажется из-за тишины, в которой мы только что были. Она что-то говорит, но я не слышу, тогда она подходит ближе и говорит почти в самое ухо:

– Мне надо предупредить Алекса, чтобы не волновался.

От такой близости у меня простреливает где-то в районе паха и я понимаю, что поездка будет не из легких. Хочу ей сказать, что Алекс не особо и заметил бы ее отсутствия, но она уже направилась в его сторону и я покорно иду следом. Он встречает ее на полпути, Полина кидается ему на шею, будто это он ее спас от того ублюдка и что-то активно рассказывает. Булавин подозрительно смотрит в мою сторону, кивает типа в знак благодарности. Какая честь, твою мать.

Наконец она возвращается ко мне и под пристальным взглядом Булавина мы покидаем этот убогий клуб.

Когда подходим к тачке, распахиваю для нее переднюю дверь, но она упрямо пытается открыть заднюю и только поняв, что та заблокирована, покорно садится спереди. Чертовы дворянские замашки.

От клубной музыки до сих пор звенит в ушах, поэтому магнитоле включать не хочется, но и о чем говорить с ней не знаю. Ее, кажется, молчание полностью устраивает, смотрит в окно, делая вид, что в жизни ничего интереснее ночью-

го города не видела. До ее дома добираемся слишком быстро. Она даже не ждет пока заглушу машину, сразу дергает за ручку, но я успеваю заблокировать дверь. Смотрит на меня удивленно, но я лишь усмехаюсь:

– Только не говори, что папочка-аристократ не научил тебя правилам этикета. Дождись, пока даме откроют дверь.

Она раздраженно вздыхает, но ничего не отвечает.

Я обхожу машину, распахиваю дверь с ее стороны и даже подаю руку. Она нехотя ее берет, видимо понимает, что из такой низкой тачки не так удобно выбраться. Глаза непроизвольно натыкаются на разрез в ее платье, нехилый такой разрез, вдоль всей ноги. Я громко сглатываю, но она делает вид, что не замечает мой взгляд и в целом моего присутствия. Хотя рука подрагивает, то ли от холода, то ли не такая она непробиваемая, как хочет казаться.

Заметив, что я следую за ней, удивленно смотрит:

– Ты решил воспользоваться пьяной дамой? Выпила я, конечно, много, но не уверена, что этого будет достаточно для того чтобы ты мог на что-то рассчитывать.

Очень хотелось ей напомнить, что неделю назад она и без алкоголя дала мне намного больше, чем я мог рассчитывать в самых смелых мечтах.

– Я просто хочу убедиться, что ты доберешься до дома без приключений.

– Ах да, ты же нынче джентльмен: спасаешь дам от по-

святательств на их честь, открываешь двери, подаешь руку... как я могла подумать, что ты бы воспользовался пьяной женщиной.

– Точно, – киваю я, нажимая на кнопку вызова лифта. – Пьяной женщине нечего бояться, ее чести сегодня ничего не грозит.

Мы заходим в кабину и она усмехается:

– Ты так уверен в своей выдержке? Пьяные женщины бывают коварны, ты разве не знал?

– Знал, но пьяные женщины меня никогда не привлекали, – спешу ее успокоить.

– Серьезно? – медленно протягивает и я понимаю, что Полли приняла это как вызов. Она нажимает кнопку СТОП и лифт замирает.

Я чувствую как мои брови приподнимаются в удивлении, но я бы соврал себе, если бы сказал, что мне не нравился ход ее мыслей.

Она подходит ко мне, вжимая меня в стену и кладет руки мне на грудь. Я стараюсь не смотреть на ее губы и перевожу взгляд вниз, натываясь на декольте. Еще лучше!

– Абсолютно не привлекают? – уточняет она.

– Ни капли, – усмехаюсь я.

– Очень жаль, – ее рука скользит вниз, а губы оказываются на моей шее, она проводит языком вдоль пульсирующей венки и я понимаю, что кровь из этой самой вены стремительно устремляется вниз, туда, где через мгновение ока-

зывается рука Полины. Я вижу как расширяются ее зрачки, а рот слегка приоткрывается в удивлении. Чего она, блин, ожидала? Я живой, мать ее.

Резко разворачиваю ее, так что теперь она стоит спиной к стене и говорю ей в самое ухо:

– Прошу заметить, не я это начал. – И провожу языком по ее шее, точно так же, как это делала она минуту назад. Из нее вырывается сдавленный стон и это все, что мне нужно, чтобы продолжить.

Я продолжаю целовать ее шею. Большой палец касается ее приоткрытых губ и в следующее мгновение она скользит по нему языком. Из меня вылетает то ли рык, то ли стон и я проталкиваю палец в ее влажный рот, кайфуя от движений ее языка.

Второй рукой шарю вдоль ее голой ноги в разрезе платья, притягиваю ее к себе еще ближе, практически зарываясь в ее декольте. Полли приподнимает свою ногу и обвивает меня, как бы поощряя мои действия. Моя рука продолжает скользить вдоль ее бедра и, наконец, касается кружева ее белья. На секунду я замираю, ожидая, что она оттолкнет мою руку и скажет, что представление окончено, но она еще больше подается вперед, ее руки гладят мои волосы и с губ срывается очередной стон.

Глава 22

Я закрыла глаза и окончательно попрощалась со здравым смыслом. Не могу до конца поверить, что мое тело так реагирует на Урицкого, хотя еще вопрос есть ли в этом его заслуга, вполне возможно, что моим телом сейчас управляет выпитый алкоголь. Я попыталась вспомнить сколько коктейлей уговорила за вечер, шесть? Или все-таки семь? Неудивительно, что меня бросает в жар и ноги как бы сами раздвигаются навстречу его рукам.

Где-то в глубине сознания мелькает мысль, что наутро я об этом пожалею, что захочу умереть со стыда, вспоминая его ласки в лифте и что, конечно, после такого я точно не смогу адекватно реагировать на его полное равнодушие в стенах университета.

Но это будет потом.

Тем более, пусть Глебу будет стыдно, что воспользовался ситуацией. Я вполне могу сделать вид, что была настолько пьяна, что даже не помню как он меня провожал домой. Провалы в памяти на почве алкогольной интоксикации вполне себе реальная история, кстати. Так что, пусть его мучают угрызению совести, а не меня.

Эти мысли помогли мне окончательно расслабиться и забыть в настоящем моменте.

Когда я, наконец, открыла глаза и попыталась привести в порядок свое дыхание и платье, встретила взглядом с Урицким. Даже в ярком свете лифта было сложно разглядеть настоящий цвет его глаз, зрачок был полностью залит чернотой. Какое-то время мы просто смотрели друг на друга, как будто оба пытались вспомнить как здесь оказались. У меня, хотя бы была возможность свалить все на коктейли, Глеб же был абсолютно трезв, хотя по учащенному дыханию, румянцу на щеках и общему, явно возбужденному состоянию, так и не скажешь.

Я первой пришла в себя, отвела взгляд, одернула платье и нажала на кнопку продолжения движения. Лифт, обычно едва слышный, сейчас загудел словно танк и я даже вздрогнула.

Глеб отошел от меня на пару шагов и начал насвистывать какой-то задорный мотивчик.

Когда лифт остановился на моем этаже, я выскочила из него едва дождавшись полного раскрытия дверей. Урицкий шагнул за мной. Он что, рассчитывает на продолжение банкета?

– Что ж, спасибо за интересную поездку, – не удержалась я, открывая свою дверь. – Если пьяные женщины тебя НАСТОЛЬКО не привлекают, остается только догадываться какой эффект на тебя имеют трезвые.

– Хочешь, я открою тебе секрет, Полли?

– Что-то мне подсказывает, что даже если отвечу, что не хочу, тебя это не остановит.

– Только не надо делать из меня маньяка-насильника, Полли. Я тебя уверяю, если бы несколько минут назад ты попросила меня остановиться, я бы остановился. – В его глазах появился опасный блеск.

– Разве ты не знал? Под действием алкоголя, довольно сложно сказать нет, – парировала я.

– Знаешь, я даже не удивлен, – он даже не скрывает раздражения, – Конечно, тебе как всегда надо выставить себя жертвой. Бедная Полли, коварный Глеб воспользовался положением и довел до оргазма прямо в лифте, караул! – Он картинно заломил руки. – Только вот в чем дело, дорогая... – Урицкий расплылся в улыбке, ширине которой позавидовал бы Чеширский кот. – В твоих коктейлях не было алкоголя.

– Что?? – только и смогла я произнести одновременно пытаясь провести полный чек-ап организма. Откуда тогда такое приятное расслабление? Я, которая привыкла контролировать каждое свое движение и каждый шаг вдруг пустилась в пляс на танцполе, а потом еще и эта дурацкая кнопка “стоп”

– В первом возможно был, в том, который Алекс сам тебе принес. После этого я позаботился о том, чтобы официантка тебя снабжала безалкогольными напитками. Я не соврал, когда сказал, что пьяные женщины меня абсолютно не при-

влекают. А у меня на тебя были очень большие планы, особенно после того как я увидел тебя в этом платье.

– Иди к черту! – процедила я, почувствовав, как кровь приливает к лицу и с силой захлопнула дверь. Он не попытался меня остановить, лишь заливисто заржал, так что, наверняка соседи до первого этажа слышали звонкое эхо его веселья. Вот же кретин!

Глава 23

Кажется, это уже становится традицией – проводить выходные в попытках убедить себя, что ничего особенного не произошло и я все так же ненавижу Урицкого, как и четыре года назад. Хотя, со второй частью задания я справляюсь довольно легко, особенно если учесть, что до сих пор слышу фантомное эхо его дурацкого смеха, который даже сквозь стальную дверь впечатался в каждую клеточку моего мозга.

Каков мерзавец, а? Он считает, что то как он поступил со мной в прошлом недостаточно? А я сама? Что, вообще, на меня нашло? Мне хочется накрыть голову подушкой и не вылезать из-под одеяла как минимум месяц, когда вспоминаю, что я сама остановила лифт. И это вызывающее поведение? Это ведь не я! Я скромная девочка, пытающаяся всячески избегать внимания окружающих! Что на меня нашло в субботу? Красное платье, что ли, так подействовало, что я сразу возомнила себя женщиной-вамп?

Хотя, вспоминая случай на треке и затем в кафетерии, приходилось признать, что красное платье тут ни при чем. Все дело в Глебе. И это было ужасно! Потому от красного платья я еще могла избавиться, а вот куда деться от Урицкого я не знала... и самое ужасное – не была уверена, что хотела.

В понедельник в кафетерии у нашего стола опять собралась большая компания. Я привыкла обедать с Кириллом, иногда к нам присоединялись однокурсники, но с ними я чувствовала себя комфортно, как никак, каждый день видимся на парах.

Сейчас же, после расставания с Русеевым, я сначала оказалась в компании друзей Алекса, а потом к нам как-то само собой присоединилась Диана, и вот уже и другие пятикурсники подходят поздороваться и обсудить ее выступление.

– Сорри, что с заданием я не справилась, – прошептала Диана, схватив меня за руку. Я посмотрела на нее непонимающе и она уточнила с улыбкой: – Глебати, соблазнить, обломать, вот это вот всё!

– Господи, я совсем забыла про это, – честно призналась я.

– О да, я видела с какой скоростью ты глушила коктейли.

– Не напоминай, – я закрыла глаза, будто пытаюсь стереть из памяти этот вечер. Мой стыд вполне реален, правда, он относится не к количеству выпитого, а к тому что произошло после. Но Диане об этом, разумеется, лучше не знать.

– Честно, если бы я своими ушами не слышала восторженные отзывы о его выкрутасах в постели, подумала бы, что парень того... не по девочкам. Я перед ним и так, и эдак, а он ноль на массу! Отродясь со мной такого не было! Еще и Илона эта, блин!

– Это та эффектная блондинка?

– Ага, смотрела на меня как на врага народа. Как будто я

на ее собственность покушаюсь. У них вроде что-то было с ним в прошлом, ну или очень она хотела, чтобы что-то было. Короче, поверь мне, я вдвойне старалась преуспеть: тебе угодить и Илонке насолить, уж очень она противная барышня. Кстати о ней, блин...

Я проследила за ее взглядом и поняла, что эта самая Илона направляется к нам. Девушка, действительно была очень эффектной, и дело было не только во внешности, но и в том как она держалась, даже походка у нее была какой-то особенной. Покачивая бедрами, она подошла к Диане и расплылась в лучезарной улыбке.

– Тоже решила посмотреть на ЧТО Глеб нас променял?

Диана, а с ней и все остальные, удивленно уставились на нее.

– Я видела, что Глеб уехал из клуба с ней, – кивнула она в мою сторону.

Теперь все, как по команде, перевели взгляд на меня.

– Не то, чтобы я должна была оправдываться, но не хотелось бы чтобы еще кто-то пришел к таким дурацким выводам как ты. Он меня просто проводил домой, – заявила я, чувствуя как лицо начинает заливаться румянцем. Надеюсь, они это спишут на мое смущение от их “кошунственных” предположений, а не на реальный стыд за произошедшее и мою бессовестную ложь.

– Просто проводил это не про Глеба, – уверенным тоном

произнесла Илона. – Уж поверь моему опыту.

– Понятия не имею куда он там тебя провожал, и искренне надеюсь, что детали ты оставишь при себе, но мы с ним расстались ровно на пороге моей квартиры.

Несомненно, уверенности моему голосу придавал тот факт, что в принципе, я не соврала, в квартиру он, действительно, не заходил.

– С каких это пор Глеб стал таким джентльменом?

– Полина – младшая сестра Макса Воронцова, – решила пояснить Диана. – Она слегка перебрала с коктейлями, Глеб всего лишь хотел убедиться, что она доберется до дома в безопасности. Расслабься.

– То есть, ни себе, ни людям, – продолжала сокрушаться Илона.

– Можно подумать, у тебя были шансы, – усмехнулась Диана.

– Будто у тебя были, – парировала Илона.

– Не было, – согласилась с ней Диана. – И я спокойно могу это признать, не наезжая на других.

На это Илоне уже было нечего возразить и раздраженно цокнув языком, она зашагала в сторону витрины с едой.

Только я успела облегченно вздохнуть, как поняла, что разговор с Илоной был лишь началом моих испытаний. Дверь в столовую распахнулась и миру явились двое мужчин в форме в сопровождении нашего декана. Они обвели

взглядом помещение и несмотря на то, что я всеми силами пыталась вжаться в свой стул, декан показал рукой в моем направлении. Через мгновение мужчины оказались у нашего столика.

– Полина Леонидовна? Следователь Костенко Игорь Евгеньевич, – представился один из них. – Нам необходимо задать вам несколько вопросов. Проедьте, пожалуйста, с нами в отделение.

– Полина Леонидовна будет отвечать на любые вопросы только в присутствии адвоката, – Алекс встал, будто собирался отправиться в отделение с нами.

– Адвокат, надо полагать, это не вы? – уточнил полицейский.

– Не я, – не стал возражать друг.

– Тогда, будьте добры, оставайтесь на своем месте.

– В какое отделение вы поедете? Мне надо дать точный адрес адвокату, – уточнил Алекс.

Следователь ответил и Булавин тут же вытащил телефон, потом взглянул на меня и напомнил на всякий случай: – Ни слова не говори до приезда адвоката.

Я вытащила из сумки брелок от машины и протянула его Алексу.

– Твоя все равно в ремонте, отгонишь мою? Не хочу сюда потом возвращаться.

О том, что возможно, меня сразу отправят за решетку и возвращаться так и не придется, я старалась не думать.

Булавин кивнул и я пошла за мужчинами, радуясь, что хоть наручники на меня сходу не надели. Вот бы была потеха всему университету. Интересно, это Урицкий тоже спишет на мою жажду быть в центре внимания? – вдруг подумала я.

Уже на выходе из столовой нас догнал мой брат.

– Подождите! Могу я поинтересоваться по какому поводу у вас возникли вопросы к Полине? Я ее старший брат, Максим. Я поеду с вами.

– Приятно познакомиться, – раздраженно ответил Игорь Евгеньевич. – Насколько мы знаем, ваша сестра совершеннолетняя, так что ваше присутствие в отделении никак не оправдано.

– Полина, что все это значит? – решил он переключить внимание на меня.

– Ты выбрал не самый подходящий момент, для того чтобы проявить интерес к моей жизни, – усмехнулась я.

Макс закатил глаза: – Это не смешно, вообще-то.

– Абсолютно с тобой согласна, братец. Нихрена не смешно.

И решив не злить полицейских еще больше, я продолжила путь к выходу.

В холле нас ждало еще одно препятствие в виде Урицкого. Он был в компании трех сокурсников, они о чем-то оживленно болтали и двигались в сторону кафетерия. Увидев на-

шу процессию, Глеб застыл на месте.

– Полли, у тебя все в порядке? – поинтересовался он, обшаривая меня взглядом.

Следователи уже даже не пытались скрыть раздражение, думаю, еще чуть-чуть и они силой поволокут меня к выходу.

– Кто из нас студент юрфака? – не удержалась я. – Так что это ты мне скажи, все ли у меня в порядке?

– Я найду Макса.

– Точно, будет что обсудить. Прямо как в старые добрые времена...

– Полина Леонидовна, – не выдержал следователь. – Давайте не будем задерживаться.

Я кивнула и послушно потопала к выходу. Я понимала, что вроде как злиться на полицейских у меня не было причины. Они всего лишь делают свою работу. Но вполне могли вызвать меня в отделение по телефону, зачем было устраивать такое представление? Еще и в форму нарядились! Насколько я знаю, следователи вполне могут ходить в гражданской одежде. Хотя, наверняка они хотели застать меня врасплох и поиграть на нервах. Булавин мне рассказывал, что они проходили методы психологического воздействия на подозреваемых, там и прилюдное задержание, и многочасовое ожидание в участке и много чего другого. Так что остается только смириться и ждать адвоката.

Как выяснилось чуть позже, насчет адвоката можно было

не переживать. Когда мы подъехали к участку, меня ожидал не один, а два защитника. Оказалось, что и Макс, и Алекс проявили заботу одновременно.

Полицейские насмешливо переглянулись и предложили мне выбрать кого-то одного, но оба адвоката настояли на присутствии, заверив, что их услуги уже оплачены.

Глава 24

В участке мы провели около трех часов, к счастью, сначала мне дали возможность обсудить с адвокатами дело лично. Я им рассказала все как есть, не утаивая роль Эдуарда Дмитриевича и даже его угрозы. Выслушав меня они, кажется, вздохнули с облегчением. Вероятно, уже успели подумать, что им придется выгораживать меня от как минимум убийства. Оба были единогласны – не стоит скрывать тот факт, что камеру в той квартире поставила я, вероятность того, что Русеевы меня не сдадут если их прижмет следствие, была слишком мала.

Также они заверили меня, что даже если следователи захотят наказать меня по полной, статья о распространении порно, как пугал меня Эдуард Дмитриевич, мне вряд ли светит. Все-таки, на фото все важные места были прикрыты, а Яна вообще сидела спиной. В общем, проблемы мне, конечно, были обеспечены, особенно за съемку, но сушить сухари было еще рано. О визите Русеевых мы решили не говорить. Главное, объясняли они, было изобразить раскаяние о том, что я не пришла к ним как только поняла, что на записи есть пропавшая девушка.

Но как выяснилось чуть позже, следователи не сами догадались меня вызвать по поводу записи. Оказывается, к

ним пришел некий молодой человек, имя которого они, естественно, нам не сказали и продемонстрировал снимок Марины и Эдуарда Дмитриевича. Он был не в курсе, что полиция об их связи знала и считал, что практически раскрыл преступление за них. Следователя же больше интересовал вопрос где парень этот снимок раздобыл и тогда он назвал мое имя.

Адвокаты удивленно уставились на меня, но увидев по моему собственному выражению лица, что я не могу понять о чем речь, решили не задавать вопросы.

Следователь же с триумфом положил перед нами фото, на котором в “проститутушной” стояли Марина и Эдуард Дмитриевич, в ее руках был телефон.

Я мысленно дала себе подзатыльник. И Алексу заодно. Передо мной лежала распечатка скриншота, который мы сделали на ноутбуке Егора, несчастного воздыхателя Марины. Как мы могли забыть его удалить!!?

После этого мы еще раз прошлись по событиям буквально поминутно. Они хотели знать все: когда я установила камеру, сделала фото, принесла их в университет и даже на каком принтере я их распечатывала. Я покорно отвечала на все вопросы и спустя пару часов нас отпустили домой, предварительно предупредив меня, что покидать город мне пока

запрещается. Копию видеозаписи они, разумеется, тоже потребовали.

Добравшись, наконец, домой, я застала Булавина за поеданием остатков лазаньи, которую я заказывала накануне. Он был единственным, у кого были ключи от моей квартиры, ни отцу, ни Кириллу, я дубликаты не давала.

– Выглядишь паршиво, – честно заметил он.

– Спасибо, друг, – устало улыбнулась я. Чаще всего пронзительная честность друга меня восхищала, но иногда, как например, сейчас, немного раздражала. Особенно, если учесть, что не успев доесть свой обед в универе, я очень рассчитывала на эту лазанью. Я забрала у него вилку и пододвинула фольгированную форму к себе.

Я ожидала, что он начнет задавать вопросы про то как все прошло в отделении, но он сказал, что адвокат уже отчитался перед ним и не стал мучить меня расспросами. А вот сам он подвергся настоящему допросу в университете.

Друг поведал, что после того как я ушла в сопровождении стражей порядка, мой брат и Глеб засыпали его вопросами о причинах такого интереса полиции ко мне и очень сильно негодовали, когда Булавин отказался удовлетворить их любопытство.

Мне было страшно даже представлять что они могли надумать. У этих двоих, как известно, очень хорошо работает

фантазия... Опасный тандем.

Хотя, вряд ли им пришлось долго мучиться догадками. Наверняка, адвокат, которого прислал братец, успел поделиться с ним подробностями допроса. Я запоздало подумала, что надо было попросить его не разглашать информацию. Несмотря на то, что заказчиком был Максим, клиентом являлась я и думаю, проблем бы с этим не было. И дело не в том, что я боялась того что брат подумает обо мне. Нет, боялась я того, что он донесет отцу о моих приключениях. И вот тогда у меня начнутся проблемы посерьезнее.

Пока я предавалась этим недобрым мыслям Алекс набрал мне ванную с пеной, поцеловал в лоб на прощание и посоветовал отключить телефон.

– Обижаешь, – усмехнулась я. – Отключила как только вышла от следователя. На тот момент там уже было несколько пропущенных и с десятков сообщений.

– Умница, – похвалил Булавин. – Кстати, заедешь завтра утром за мной? Я все еще без тачки.

На этом мы попрощались и, погрузившись в горячую воду, я попыталась отключить все мысли.

Глава 25

Утром я, как и договаривались, заехала за Булавиным, но вместо того чтобы сразу направиться в универ, он мне продиктовал адрес, подъехав к которому, я увидела как из подъезда выходит Дарья Савельева. Я удивленно приподняла брови и уставилась на друга:

– Я что-то пропустила?

– Так как ее тачка в ремонте по моей вине, считаю своим долгом эту самую вину хоть немного загладить, – лучезарно улыбнулся друг и вышел из машины, чтобы открыть Дарье заднюю дверь. Сам он тоже пересел назад.

Булавин представил нас друг другу и Дарья довольно подозрительно посмотрела на меня. Наверняка, девушка уже наслышана о моей встрече с полицией, а может и сама увидела как я шла в компании людей в форме. Но задавать вопросы она не стала, что меня порадовало, конечно. Люблю тактичных людей.

– Отличное платье, – заметил Булавин, – подчеркивает цвет твоих глаз.

Скажи это кто-то другой, я бы закатила глаза от банальщины, но Алекс всегда умел говорить комплименты так, чтобы это не звучало как лесть. Дарья улыбнулась, но ничего не ответила. Вытащила из сумки телефон и уткнулась в него,

пробормотав:

– Прошу прощения, мне надо ответить на рабочие имейлы.

Мы с Алексом встретились взглядами в зеркале заднего вида. В моем читалось что-то вроде “вау, какая деловая дама”, взгляд друга же говорил “оставь ее в покое”. Я показала ему язык и переключила внимание на дорогу.

Выйдя из припаркованной машины, Дарья не стала нас ждать и сразу направилась ко входу, вежливо поблагодарив меня за поездку. В принципе, я ее не обвиняю, я бы сама с удовольствием отказалась входить в универ в своей компании, уверена, я сегодня буду персоной дня.

– Я прям вижу как между вами тает лёд, – не смогла сдержаться я. – Ещё каких-то пять лет, и ты, наконец, добьешься ее внимания. Правда, вполне вероятно, что к тому времени у неё уже будет муж и четверо детей.

– Иди ты, – Алекс легонько толкнул меня в бедро. – Может мне взять пару уроков у Урицкого? У него, случайно, нет вебинара о том как затащить в постель даму, которая тебя презирает? Хотя нет, у него была фора, ему всего лишь надо было разбудить в тебе бывшие чувства, мне же надо приложить усилия, чтобы эти чувства для начала зародились.

Заметив, что я остановилась посреди дороги и не следую за ним, Булавин обернулся, сделал несколько шагов назад и

положив свою ручищу мне на плечо, потащил к крыльцу.

– Только не говори, что ты думала, что я ни о чем не догадывался. Это будет настоящим оскорблением, и мне придётся вызвать тебя на дуэль, – заржал друг.

– Можно я сделаю вид, что понятия не имею о чем ты сейчас говоришь? У меня впереди довольно сложный день.

– Я бы сказал, что сложными для тебя были последние пару недель. Но, конечно, постель Урицкого скрасила невзгоды, не буду спорить.

– Заткнись, а? И технически, я в его постели не была, как и он в моей, – решила уточнить я.

– Ммм... а это уже интереснее, – Алекс продолжал веселиться, потом вдруг замер и так как его рука все еще обвиняла мое плечо, мне пришлось остановиться вместе с ним. – Пожалуйста, скажи мне, что заднее сиденье твоей тачки, которого еще пять минут назад касался мой зад, девственно чисто и греху вы предавались не там.

– Можешь быть спокоен за честь своего зада, – заверила я его с улыбкой.

– Спасибо, – с легким драматизмом в голосе поблагодарил Алекс. – И хорошего дня.

Оглянувшись, я с удивлением увидела, что Алекс привел меня к моей аудитории. Я и не заметила как мы преодолели кишаций любопытными студентами холл.

– Ты специально берег этот разговор, на случай когда нужно будет меня отвлечь от любопытных взглядов окружаю-

щих?

– Именно! И поэтому разговор на тему “я за тебя переживаю и не хочу чтобы этот мудака сделал тебе больно опять” мы оставим на следующий раз. Не думаю, что в ближайшее время интерес к твоей персоне утихнет, а значит мне придется очень часто тебя отвлекать.

И несмотря на то, что Алекс при этом улыбался как клоун, я была ему искренне благодарна. Никогда не устану благодарить вселенную за такого друга. Жаль, что он не может отвлекать меня целый день и уже через несколько секунд мне придется войти в полную аудиторию.

Я выпрямила спину, задрала подбородок до хруста в шее и шагнула в кабинет. Монотонный гул разговоров тут же стих и примерно шестьдесят пар глаз уставились на меня. Я невольно столкнулась взглядом с Кириллом, он беззвучно сказал что-то одними губами. Это могли быть как жуткие угрозы, так и рецепт ПП сырников, читать по губам я, к счастью, не умела.

Первым молчание нарушил мой одноклассник Антон.

– Судя по тому, что ты не променяла свои дизайнерские шмотки на форму в полосочку, можно предположить, что загребли тебя вчера не за убийство, да? У нас тут, между прочим, тотализатор был. Кравчук, че там в лидерах?

Петя Кравчук, местный клоун, вытащил из кармана скомканный лист бумаги и с выражением зачитал, не забывая при этом комментировать:

– Первое место: 16 голосов, убийство. Люди любят кровавадность, что тут скажешь. Второе место, 12 голосов: стала свидетелем убийства. Видимо, убить должны были как минимум какого-нибудь депутата, чтобы аж два мента приперлись по твою душу. Третье место, 9 голосов: kleптомания. Ну-ка, колись, пыталась стащить кружевные трусики в ЦУ-Ме?

На этом месте аудитория разразилась смехом, а Кравчук, видимо, почувствовав себя настоящим стендапером, продолжил с еще большим воодушевлением:

– Четвертое место, три голоса: похищение Марины Селивановой. Второй раз за две недели менты в универе. Совпадение? Не думаю!

– Пятое место! Всего один голос, но зато какой, – Петя перевел взгляд на Кирилла, так что сразу всем стало понятно, чей именно это голос, – Итак, барабанная дробь... Скрытая съемка третьих лиц и последующее распространение фото интимного характера.

На мгновение аудитория опять погрузилась в гробовую тишину, как когда я только зашла. Даже отличница Олеся Егорова, которая сидела уставившись в учебник и всем своим видом пыталась показать, что этот цирк ее не интересуется, подняла на меня шокированный взгляд.

Когда народ сложил два плюс два, где-то за моей спиной раздались робкие аплодисменты, которые тут же подхватили еще несколько моих сокурсников. Антон присвистнул и заявил:

– Воронцова, ты жжешь!

Неизвестно чем мог закончиться этот балаган, но на мое счастье, зашел преподаватель и всем пришлось заткнуться. Еще никогда в жизни я так не радовалась началу занятия.

Глава 26

Не знаю как я дожила до большой перемены, но когда Алекс встретил меня у двери аудитории, я была готова броситься ему на шею.

Слухи о том, что фотографии сделала я, очень быстро распространились по универу и теперь просто любопытные взгляды сменились на осуждающие или восхищенные. Примерно поровну.

В кафетерии Алекс подтолкнул меня к столу, за которым уже сидели его друзья, а сам пошел добывать еду.

Богдан при виде меня оторвался от своего блокнота с загогулинами и радостно поприветствовал:

– Вечер в хату!

Я закатила глаза, но все-таки улыбнулась, присаживаясь рядом с ним.

– Вопросы можно задавать, или пошлешь?

– Пошлю, – честно ответила я. Богдан улыбнулся, а Алена и Алиса разочарованно переглянулись.

– Ну ты хотя бы намекни, Русеев тебя оклеветал или фотки выложила реально ты? – спросила Алена.

Отвечать мне не пришлось, потому что в этот момент к нашему столу подошла разъяренная Яна. Первые две пары она прогуляла и я с сожалением подумала, что мне надо было

сделать то же самое. Взять, что ли, академ на пару лет?

– Наслаждаешься свободой, стерва? – прошипела она. – Недолго тебе осталось!

– Наслаждалась. Но потом пришла ты, теперь вот не особо наслаждаюсь, если честно.

– Очень смешно! Думаю, на зоне тебе язык укоротят. Я вообще не понимаю какого хрена тебя выпустили, какие еще доказательства им нужны? Папочка постарался, небось? Но уверяю, связи есть не только у тебя, я сегодня же напрягу кого надо, чтобы менты поторопились.

– Ну, в таком случае, мне похоже нечего терять, – я добавила в голос печали. – Пожалуй, выложу в сеть полное видео. Уверена, оно наберет небывалое количество просмотров! Погибать, так с музыкой, как говорится. Если уж посадят, то пусть будет за что.

Яна громко выругалась и опять зашипела:

– Ты не посмеешь!

– Ну, если ты оставишь меня в покое и забудешь о моем существовании навеки, то не посмею, да. Заметь, я ведь даже не прошу тебя извиниться за то что спала с моим парнем. Просто сделать вид, что мы незнакомы и никогда, ни под каким предлогом со мной не разговаривать. Это ведь такая малость, что скажешь?

Яна назвала меня очередным нецензурным словом и резко развернувшись, удалилась.

– Будем считать, что она приняла мое предложение, –

весело заключила я и с благодарностью взяла кофе из рук Алекса.

– Что это было? – поинтересовался он.

– Это, – я махнула в сторону резво шагающей Яны, – было наше прощание. Мы с ней пришли к выводу, что лучшими подружками нам, увы, не стать и решили поставить жирную точку в наших несуществующих отношениях.

– Какое счастье! – с притворной радостью вздохнул друг.

– Господи, как мне дожить до конца этого дня? – поинтересовалась я у окружающих.

– О! Я знаю, – сказал вдруг Богдан. – Давай руку. Я читал, что на наших пальцах куча нервных окончаний, китайцы таким массажем все болезни лечат. Ну и напряжение снимают, конечно.

– Что-то мне подсказывает, что с моим напряжением массаж пальцев поможет только в том случае, если стимулировать их о физиономии моих врагов.

Но руку все-таки протянула. Богдан надел колпачок на ручку и начал поочередно надавливать на разные точки. Не знаю как насчет снятия напряжения, но массаж был определенно приятным. Алекс с друзьями обсуждал предстоящий семинар и я, радуясь, что в мире еще остались темы для разговоров, которые не затрагивают мою личную жизнь, расслабленно закрыла глаза.

Через пару минут Богдан весело сказал: – Готово!

Я открыла глаза и увидела, что на каждом пальце моей правой руки красовались огромные синие перстни.

– Теперь все будут знать кто здесь пахан, – заржал Богдан.

Я в шоке посмотрела на Булавина, он тоже лыбился во все тридцать два...

– Предатель!

– Да ладно, – отмахнулся друг. – Ты ж сама улыбаешься.

С удивлением я отметила, что он прав. Выхватила у Богдана ручку и развернулась к другу:

– Твоя очередь!

Алекс послушно дал мне руку и я начала выводить рисунок на тыльной стороне его ладони.

– Фемида? – удивился Богдан.

– Что, слишком банально? Ничего другого в голову мне не пришло. Пусть все знают, что перед ними будущий сотрудник закона, – весело заявила я.

– Твоя Фемида больше похожа на модель Виктории Сикрет, – заметил Богдан. Он вытащил из рюкзака еще одну ручку и схватил вторую руку Алекса. На ней он начал выводить контур булавы, а я улыбнулась, вспомнив, что так друга называли в школе.

Мы были настолько увлечены работой, что не заметили, когда к нашему столу подошли Макс и Глеб. Первой опомнилась Алена, расплылась в улыбке и томным голосом сказала:

– Привет, мальчики.

Я закатила глаза и продолжала делать вид, что слишком занята, нанося последние штрихи на чаши весов. Богдан прав, платье Фемиды получилось слишком облегающим, но в целом вышло неплохо.

– Отличные тату, – Урицкий кивнул на мою руку и плюхнулся на соседний стул. Макс же предпочел остаться стоять.

– Полина, нам надо поговорить. Я тебе вчера звонил весь вечер, даже приезжал, но ты не открыла.

Значит мне не показалось. Когда я лежала в ванной, мне действительно слышалось, что кто-то звонил в дверь, но так как желания видеть кого-либо у меня не было, я решила не открывать. Телефон я, конечно, тоже отключила.

– Нет, не надо, – упрямо заявила я. А про себя добавила, что поговорить нам надо было четыре года назад, но тогда он меня слушать не захотел.

Макс не стал настаивать, тяжело вздохнул и развернулся. Я думала, что Урицкий отправится вслед за другом, но он остался сидеть. Я вопросительно посмотрела на него, сегодня Дианы с нами не было, соответственно, ему за нашим столом делать было нечего.

– Всегда мечтал о татуировке, – с наглой улыбкой заявил он.

Я уже открыла рот, чтобы послать его подальше, но вдруг передумала:

– Отлично! Я как раз закончила с Алексом.

Он протянул мне свою руку, но я помотала головой: – Нет, мне нужно больше места, расстегивай рубашку.

Богдан присвистнул и затянул “золотые куполаааа, на груди наколоты”, а Глеб с самодовольной улыбкой начал расстегивать пуговицы. Алена с Алисой, до этого равнодушно наблюдавшие за нашим баловством с тату, теперь жадно взирали на торс Урицкого. И обвинять их в этом я не могу, потому что там, действительно, было на что посмотреть.

Помню, лет в пятнадцать, они с Максом впервые серьезно увлеклись спортом. Тогда они каждое утро занимались на турниках во дворе дома Урицких. Макс просил отца установить спортплощадку в нашем саду тоже, но тот считал, что спортивный комплекс не впишется в общий дизайн. И вот спустя несколько месяцев мне посчастливилось поприступить на их тренировке. Оба друга к тому времени обзавелись прессом и довольно рельефной мускулатурой. Но только почему-то кубики на животе брата меня впечатлили не так сильно, как на Глебе.

До этого Урицкий был для меня кем-то вроде второго старшего брата, такого же занудного и противного, вечно оберегающего меня: на это дерево не лезь, высоко; здесь не бегай, тут битое стекло; с теми не общайся, они обидят и все в таком духе. И в этот день я, кажется, впервые обрадова-

лась, что никакой он мне не брат, а значит кровное родство не помешает мне выйти за него замуж. Господи, кто-нибудь, застрелите меня, четырнадцатилетнюю.

За прошедшие годы спорт он, судя по всему, не бросил и поэтому сейчас у меня было впечатление, что ручкой я вожу по стиральной доске. Мне кажется, или он сейчас специально напряг мышцы? Выпендрейчик, мать его!

Буквально через минуту я закончила и сейчас удовлетворенно разглядывала свою работу: огромный детородный орган на весь торс Урицкого. В ожидании его реакции, голоса за нашим столом смолкли, хотя не удивлюсь, если и находящиеся по соседству студенты тоже за нами наблюдали. Урицкий, до этого тщательно рассматривающий мое лицо, перевел взгляд на свою грудь, громогласно заржал и обжигая своим горячим дыханием мое ухо, прошептал: – У тебя фотографическая память, Полли! Так точно передать все пропорции!

И, все еще улыбаясь, он встал и направился к выходу, на ходу застегивая пуговицы.

Богдан посмотрел на меня, кажется, с обожанием:

– Каждый раз, когда я думаю, что меня уже ничем не удивить, у тебя это получается, Воронцова! Алекс, какого хрена ты ее так долго от нас скрывал? С этого года учеба заиграла

новыми яркими красками. Очень жаль, что раньше ты училась в другом корпусе.

– Не хочу тебя разочаровывать, но раньше я была занудой, – честно призналась я.

– С трудом верится.

– Русеев на нее пагубно влиял, – Алекс угрюмо подтвердил мои слова.

Глава 27

Приехав после учебы домой, я все-таки рискнула включить телефон. Как я и ожидала, у меня было миллион сообщений, большая часть из которых – уведомления о пропущенных звонках. Отец звонил раз десять, что ему совсем не свойственно, и если до этого у меня еще теплилась надежда, что Макс о моих приключениях не донес, то сейчас я понимала, что разговора по душам мне не избежать.

Сделав глубокий вдох, я набрала его номер.

– Полина, что за выкрутасы? Почему я не могу тебе дозвониться со вчерашнего дня? – услышала я вместо приветствия.

– Здравствуй, папа. Телефон был отключен.

– Это я понял. Так, у меня сейчас совещание, вечером поговорим. В семь в Ривьере.

И не дожидаясь моего ответа, он отключился.

Я еще с минуту тарасилась на телефон. Сам разговор меня не удивил, к тому, что у отца вечно не было времени, я давно привыкла. Удивляло, что он назначил встречу в ресторане. Удивляло, но радовало, надо заметить. В общественном месте отец ни за что в жизни скандал не устроит, а значит, можно рассчитывать, что он ограничится лекцией на тему “как ты меня разочаровала” и отпустит восвояси.

В ресторан я входила за пять минут до назначенного времени, зная насколько отец не любит опоздания. Меня проводили за стол, за которым уже сидела Алина. Неожиданно. Он ее что, для моральной поддержки позвал? Будет кивать с серьезным видом, пока он меня отчитывает?

Я поздоровалась и уселась рядом с ней. Она начала что-то рассказывать про нашу общую знакомую, а я, наконец, обратила внимание, что стол накрыт на пять персон.

Перебивать мачеху на полуслове мне не хотелось, поэтому я с нетерпением ждала когда же она сделает паузу в своем монологе, чтобы спросить кто еще приглашен. В этот момент в зале появился Макс и я с ужасом подумала, что оставшееся свободное место, без учета отца, может принадлежать Глебу, эта парочка редко ходит по одиночке. Судя по всему, меня ждет настоящая интервенция...

Макс поцеловал Алину в щеку, сделал ей комплимент и принялся сверлить меня взглядом, умудряясь при этом отвечать на ее вопросы, правда пару раз он все-таки ответил невпопад.

Отец вошел в ресторан в 19.07, нарушив тем самым свой собственный кодекс, который гласил, что являться на встречи следует вовремя. Но разумеется, никому из нас и в голову не пришло бы упрекнуть его в опоздании. Следом за ним к нашему столу направлялся незнакомый мужчина. Сначала я подумала, что они просто одновременно зашли в зал, но

добравшись до нашего стола, оба остановились и отец, обращаясь к своему спутнику сказал:

– Ну, Алину и Максима ты знаешь, а это наша Полина. Полина, это Вадим Юрьевич. Хотя, наверное, просто Вадим, да? Это мы со своими отчествами носимся, а вы, молодежь, можете и просто по имени.

Я поздоровалась и с сомнением осмотрела эту “молодежь”. Он, конечно, был младше отца, но тридцатилетний рубеж точно перешагнул. Возможно даже пару лет назад. Вадим был невысоким, но вполне симпатичным мужчиной: коротко стриженные волосы, яркие зеленые глаза, живая улыбка, в целом он производил очень хорошее впечатление. И если ужин в его компании спасет меня от отцовской лекции и интервенции, то я готова потерпеть; а в том, что отец никогда не станет обсуждать семейные дела при посторонних, сомнений не было. Так что, я расслабленно выдохнула и выдала ему свою лучшую улыбку.

Мы сделали заказ и Максим начал расспрашивать Вадима о рабочих проектах, из чего я сделала выводы, что их компании сотрудничают. Отец, видимо, уставший от разговоров о бизнесе, попытался переключить внимание на меня и в кои-то веки поинтересовался моими делами. Я, все еще радуясь, что серьезный разговор о моих приключениях откладывается, с энтузиазмом рассказывала об учебе, предпочитая как

можно меньше касаться темы личной жизни, тем более, что о ней-то и рассказывать было нечего.

Максим несколько раз пытался перевести разговор в рабочее русло, что было занудством даже для него, но к счастью, остальные его не поддержали. Вадим рассказывал о поездке в Японию, из которой он вернулся на прошлой неделе. Алина с отцом тоже были там пару лет назад, они как раз попали на цветение сакуры и я уже мысленно приготовилась, что следующие полтора часа мы будем слушать восторженные отзывы мачехи, без которых не обходился ни один семейный обед с тех пор, но вместо этого, она опять перевела разговор на меня, напомнив, что пару лет назад у меня был целый скетчбук изрисованный нарядами гейш, настолько они мне нравились. Так мы переключились на тему моего шитья, о котором я тоже с удовольствием рассказала, поймав себя вдруг на мысли, что чувствую себя как девица на выданье, родители которой с энтузиазмом расписывают ее хорошие качества перед потенциальным женихом. В следующее мгновение улыбка, вызванная этой мыслью, сменилась гримасой гнева и разочарования. Черт побери! А ведь так оно и есть!!

Глава 28

Почувствовав, что мне срочно надо привести мысли в порядок, я извинилась, и отправилась в уборную. Там я провела некоторое время перед зеркалом, всматриваясь в свое отражение.

Как я могла быть такой тупицей и поверить, что отец вдруг, действительно, проявляет искренний интерес к моей жизни? Такое впечатление, что он меня видит не как дочь, а как очередной бизнес-проект. Не ребенок, а инвестиция... Не удалось получить профит от Русеевых? Не беда, акции еще не прогорели, можно успеть вложить их в другое дело! Бред какой-то!!! Умом я понимала, что от всего этого стыдно должно быть именно отцу, но почему-то щеки сейчас полыхали у меня. У него же, держу пари, даже мыслей не было о том, что он делает что-то не то. Как же это унижительно! Господи, какой позор! Мои щеки уже не просто горели, они полыхали самым настоящим пламенем и где-то в недрах груди готовился к извержению мощный вулкан.

Может я преувеличиваю? Почему я всегда сразу хватаюсь за худший вариант? Почему отец просто не может нахваливать мои достоинства перед своим новым партнером? “Потому что до этого он никогда этого не делал,” – услужливо подсказывает внутренний голос. Раньше это, наверное, было

бы странно, я же была невестой Кирилла и было бы странно если бы отец меня знакомил со своими коллегами. Хотя какой в этом толк сейчас? Фирма все равно перейдет по наследству Максусу...

Еще несколько минут во мне спорили две разные сущности, одна все еще верила, что отец меня любит, вторая же давно сняла розовые очки и предпочитала не выдавать желаемое за действительное.

Взглянув на часы, я поняла, что мое нахождение в уборной затянулось. Еще чего доброго, решат что я раскусила их план и решила сбежать. Сделав глубокий вдох, я вышла и почти нос к носу столкнулась с братом.

– Вижу, до тебя дошло какие у отца планы. Я же предупредил, что нам нужно поговорить.

– То есть ты знал?? – Шокированно спросила я, и тут же себя одернула: чему я удивляюсь?

– Знал. Но это не значит, что я в восторге от этой идеи, – угрюмо сказал он.

– Огорченным ты тоже не выглядел.

– Ты и сама не особо печалилась еще пять минут назад. “Вадим, ты такой интересный, ты такой умный...”, – передразнил он меня.

– Пять минут назад я радовалась, что отец не отчитывает меня за историю с фото и полицией, я была готова расцеловать этого гребанного Вадима за то, что спас меня от унижительной лекции о том, как я позорю наше благородное се-

мейство.

– Можешь не переживать об этом. Я ему ничего не говорил.

– Что? – Я не смогла скрыть удивление. Я была уверена, что Макс набрал номер отца еще до того как позвонил адвокату. – Но почему?

– Потому что ты моя сестра, Полли. – Его голос прозвучал очень мягко, но в глазах была боль, как будто быть моим братом – это худшее, что могло с ним произойти. Я попыталась сделать вид, что данное осознание меня нисколько не коробит и вместо этого спросила:

– Кто вообще, этот Вадим? Откуда он взялся?

Макс пожал плечами:

– Вообще, он нормальный мужик, толковый. Основал компанию шесть лет назад и сейчас входит в десятку в отрасли, у них с отцом партнерство по южному округу.

– Окей, – вздохнула я. – Мотивы отца более менее понятны, он всегда мечтал удачно выдать меня замуж. А Вадиму-то это зачем надо? С таким баблом у него, по идее, отбоя нет от женского пола. Нахрена тащиться на свидание вслепую?

– Ты себя в зеркало видела? – поинтересовался брат.

– И что? Мало вокруг красивых женщин? Отец что, ко всем своим партнерам с моей фотографией ходил в надежде, что кто-то влюбится в меня с первого взгляда?

– Не удивлюсь, – угрюмо ответил он.

– Так... я что-то не понимаю. Это уже пахнет отчаянием. У фирмы что, большие проблемы?

– Не знаю. Отец не дает мне доступ к финансам. Твердит постоянно, что скоро это все станет моим, но на деле, даже близко не подпускает к реальным делам. Я поэтому и не стал у него стажировку проходить. Не поверишь, он мне предложил место в отделе кадров.

Я удивленно посмотрела на брата. Я думала, он уехал в Ригу потому что сам не хотел работать с родителем, а оказывается, это отец отказал ему. Интересно... Хотя, по большому счету, меня это не касается.

– Дела фирмы – это ваши с ним проблемы, – добавив твердости в голос, произнесла я. – Сами разбирайтесь и отцу передай, что подкладывать меня в постель к партнерам не очень благородная затея.

Макс при этих словах побагровел: – Я пытался тебе предупредить.

– Seriously? – от возмущения мой голос стал походить больше на шипение змеи, чем на членораздельную речь. – И что бы это изменило? Я бы подготовилась заранее, пришла без макияжа и оделась в лохмотья, чтобы потенциальный жених испугался и сбежал? Не надо сейчас делать вид, что тебе от этой ситуации так же противно, как и мне. Если бы тебя действительно волновала моя судьба, то вместо того чтобы пытаться предупредить меня, не очень настойчиво, прошу заметить, ты бы поговорил с отцом и попытался убедить его,

что сея затея ни к чему хорошему не приведет.

Максим ничего не ответил, и я направилась к выходу из ресторана, бросив ему напоследок:

– Передай отцу: я сбежала, испугавшись, что если проведу в его компании ещё хоть минуту, то меня стошнит прямо на его дорожный костюм.

Глава 29

Утро встретило противным звуком капель по стеклу. С дождями у меня были довольно противоречивые отношения – я обожала ливни и ненавидела мелкие капли моросящего дождя. И судя по звуку, сейчас был именно второй вариант.

Впрочем, хмурая погода как нельзя кстати отражала мое настроение, хотелось завернуться поглубже в теплое одеяло и спрятаться там от жестокого большого мира, в котором мужчины изменяют своим женщинам, молодые девушки исчезают в неизвестном направлении, а отцы подкладывают дочерей в постель своим бизнес-партнерам. Да, разумеется, отец не прочил меня в любовницы Вадиму, наверняка у него были далекоидущие планы типа пышной свадьбы на миллион гостей, но факт остается фактом: он пытается управлять моей личной жизнью. Опять.

Вчера я снова отключила телефон и честно признаться, включать его обратно желания не было, но накануне я забыла поинтересоваться у Алекса нужно ли за ним заезжать, поэтому мобильный все-таки пришлось включить. На этот раз было всего несколько новых сообщений и ни одного уведомления о пропущенных звонках. Одно сообщение было от Алины, она заботливо интересовалась моим самочувстви-

ем и сожалела, что мне пришлось так рано уехать. Видимо, Максим не решился назвать реальную причину моего побега и выдумал какую-то чушь про расстройство желудка. Ну и фиг с ним, так даже лучше. Вряд ли мысли о моих проблемах с кишечником поспособствуют романтическому настроению Вадима, а значит мне следует поблагодарить брата.

Поездка в универ прошла по уже знакомой схеме, я забрала Алекса, мы заехали за Дарьей и она снова просидела всю дорогу, уткнувшись в телефон. Алекс, в принципе, расстроенным не выглядел, тоже достал смартфон и с забавной улыбкой что-то печатал. В зеркало заднего вида я заметила, как лицо Дарьи покрылось румянцем и начала подозревать, что именно ей Булавин с загадочным видом строчит сообщения. Господи, как дети малые... Если до завтрашнего дня они не заберут свои авто из сервиса, клянусь, я заеду за ними на огромном лимузине с перегородкой, отгораживающей водителя, если уж они так стесняются меня, что даже поговорить нормально не могут в моем присутствии.

Любопытные взгляды, конечно, никуда не исчезли, но видимо я, наконец, выработала иммунитет, поэтому Булавину не пришлось сегодня заговаривать мне зубы.

Кирилл на первой лекции не появился, хотя я была уверена, что видела его в холле, а значит на занятия он все-таки приехал. К несчастью, прятался он не долго. Уже после пер-

вой пары он появился в поле моего зрения и преградил мне дорогу посреди коридора.

– Ты счастлива? – прошипел он вместо приветствия.

– Была. Ровно до этого момента, но уверяю тебя, счастье вновь вернется в мою жизнь как только ты сделаешь хотя бы пару шагов в сторону.

Вопреки моим надеждам, Кирилл придвинулся еще больше и я почувствовала запах алкоголя. Это, интересно, последствия хорошего вечера или он уже с утра пытался принести в свою жизнь немного праздника?

– Отца арестовали, – процедил он. – Поздравляю, ты добилась своего!

– Что? – я даже не знаю чему я удивилась больше: аресту или тому, что Кирилл в очередной раз обвиняет во всех бедах меня. – Я-то здесь причем? Девушку нашли?

– Нет. Но нашли ее шарф со следами крови. В его машине.

– Я..., – наверное впервые в жизни я потеряла дар речи. – Как это произошло? Если твой отец не видел Марину с той самой встречи, значит шарф попал в машину раньше. Полиция же, наверняка, сможет определить насколько застарелая там кровь.

– Ты, блин, телик поменьше смотри. Так они и определили точную дату до минуты. Да и проблема не в этом...

– А в чем же?

– Отец утверждает, что Марина никогда не была в его авто. Ни до того дня, ни после. Они всегда встречались уже на

месте, ей он вызывал такси, хотя в тот день она сбежала раньше и соответственно направилась куда-то на своих двоих.

– А шарф попал в его машину по чистому волшебству? – не удержалась я.

– В этом и загвоздка, Полина..., – он опять посмотрел на меня ненавидящим взглядом.

– Ты что, реально считаешь, что я к этому причастна? Русеев, ты больной? Откуда у меня ее шарф? Скажи еще, что я убила ни в чем не повинную девушку лишь бы насолить тебе. Логичнее было бы расправиться с Яной и подбросить ее окровавленные шмотки в твою машину.

– Тогда кто это, по твоему?

– Без понятия, – честно призналась я.

– Я... если это все из-за меня... я себе места не нахожу со вчерашнего дня.

– И поэтому ты решил, что заявиться в универ под шофе – это хорошая идея?

– Хороших идей у меня давно не было...

Я не стала уточнять намекает ли он на то, что встреча с Яной была плохой идеей, по сути, меня это не касается. Да, он неплохо задел мое самолюбие, когда затащил Яну в свою постель, в душе я, наверное, надеялась, что мы найдем какой-то более благородный повод расстаться.

Хотя ничего толкового даже в самых смелых мечтах я придумать не могла. Максимум на что меня хватило – это

представлять перед сном, как Кирилл со слезами в глазах и болью в голосе сообщает мне о том, что ближайšie пять лет проведет в Африке с миссией Красного Креста и просит не ждать его и строить свое счастье заново. Так что, неудивительно, что когда я узнала о его интрижке с Яной, вместо ненависти я испытала облегчение.

– Идем, – я взяла его за рукав пиджака и потащила к кофейному автомату. Я уже смирилась с мыслью, что следующую пару мне придется прогулять.

Вручив ему стаканчик с двойным эспрессо, я потребовала:

– Рассказывай.

– Что рассказывать-то? – проворчал Русеев. – Ты и сама все знаешь уже.

– Про шарф рассказывай. И про обыск. И вообще, про все что произошло с момента вашего визита ко мне.

– После визита к тебе ничего не произошло. А вот после твоего визита к ментам, явился следак. Со мной тоже беседовали, и матери все рассказали. – Он тяжело вздохнул и потер глаза, как будто пытался справиться с головной болью. – Мать в шоке. Она, конечно, была в курсе, что отец не безгрешен, но... короче, ладно, это сейчас неважно. Важно, что ты ментам все растриндела и алиби у него, получается, нет.

– Не растриндела ментам, а рассказала следователю на допросе. Я вам сразу сказала, что выгораживать никого не буду.

– Сути дела это не меняет. Глупо было делать ставку на то, что менты не решат проработать все варианты и не догадуются поговорить с тобой. Мы, если честно, до последнего думали, что Марине надоест прятаться и она объявится до того как менты всерьез возьмутся за дело.

Я вдруг поняла, что Кирилл не знает, что следователь не сам догадался меня вызвать, а действовал по наводке Егора. Не уверена, что сейчас лучшее время сообщать ему, как мы с Алексом облажались забыв удалить скриншот с чужого ноутбука, но раз уж мы говорим начистоту, то промолчать будет неправильно.

Выслушав меня, Кирилл выругался и спустился вниз по стенке, на которую до этого облакачивался. Сидя на полу, он закрыл лицо руками и повторил ругательство еще несколько раз. Я уселась рядом с ним и сказала:

– Я знаю, я идиотка. Я настолько была в шоке от увиденного, что удивляюсь как я флешку не забыла вытащить.

Русеев молча снял пиджак, свернул его в несколько раз и с легкостью подхватив меня одной рукой, положил пиджак на пол и опустил меня обратно:

– Пусть общие дети нам уже не светят, но сидеть на холодном полу все равно не стоит.

– Спасибо, – поблагодарила я, радуясь, что мы сидим бок о бок и смотреть ему в глаза не обязательно.

– В понедельник вечером отца вызвали. По сути, главной претензией с их стороны было, что он им не сказал что дал ей пощечину во время того разговора. Хотя хрен его знает как это меняет дело. Он сказал, что о твоей роли во всей этой истории не знал и до последнего был уверен, что снимки сделала Марина. Спасибо, кстати, что не рассказала им о нашем визите. На записи было видно, что квартиру она покинула раньше отца, как он и говорил им. Поэтому, помариновав несколько часов, его все-таки отпустили восвояси.

– А шарф? – Спросила я нетерпеливо после того как Кирилл замолчал.

– Вчера вечером пришли, сказали, что поступила наводка, попросили открыть тачку.

– Подожди, а ордер у них был?

Русеев опять тяжело вздохнул и, подозреваю, закатил глаза.

– Ты, блин, реально сериалов меньше смотри. Там и анализ крови делают с точностью до секунды, и ордер ждут... Наше законодательство не предусматривает ордеров, достаточно постановления, но следователь его сам может выписать.

На это мне было нечего ответить, разве что порадоваться, что своими знаниями я “блеснула” не перед Алексом, он, будучи студентом юрфака, точно бы до конца жизни припомнил мне такую оплошность.

– Отец спокойно открыл им машину, они сразу в багажник полезли, а там какая-то хрень шелковая, типа шейного платка. Ну а сегодня утром уже пришел результат из лаборатории с заключением, что на нем обнаружены следы крови Марины Селивановой. Без понятия где они там кровь нашли, я был рядом когда они достали этот шарф, никаких пятен я не видел. Как будто, блин, на пустом месте дело шьют. Но кому это надо? Я уже реально ничего не понимаю.

– Так а шарфик ее? На записи она без шарфа была.

– Отец говорит, что вроде ее. Она кардиган в прихожей сняла, шарф вроде тоже был, но цвет он не помнит. Да и вопрос не в этом... Как он мог попасть к нему в багажник?

Кирилл откинул голову назад, с силой ударив ее о стену и глядя на потолок пробормотал:

– Это подстава чистой воды. Но кто за этим стоит?

– На ум приходит только сама Марина. Но по-моему это уже слишком далеко зашло. Надо быть полной дурой, чтобы играть в такие игры не только с любовником, но и с полицией.

– Именно. Дурой она точно не казалась. Тогда кто?

– Ты ее знал, что ли? – удивилась я.

– Да нет, не особо, – начал Кирилл, а потом махнул рукой. – Какая уже, нафиг, разница. Это я ей помог устроиться к отцу. – И будто прочитав мои мысли, тут же добавил. – И нет, я с ней не спал.

– Откуда ты ее, вообще, знал? – Я была не из тех девушек,

что контролируют каждый шаг своего парня, но в универе мы всегда были вместе, да и вне учебы редко когда расставались. По крайней мере, до этого лета. А стажировка, вроде как должна была начаться до этого.

– Помнишь, прошлой весной Леха Горов позвал нас на день рождения?

– Помню, – сказала я. – Я тогда не захотела идти и ты без меня тоже решил там не появляться.

– Я сначала и не собирался, – признался Кирилл. – Потом Леха позвонил, сказал что у них там веселье во всю и что он обидится если я не приеду. В общем, я решил... почему бы и нет.

– И встретил там Марину?

– Встретил. Но не так как ты думаешь. Мы просто поговорили и все. Я тебе клянусь. – Он посмотрел мне в глаза и я кивнула. Несмотря на обстоятельства, я Русееву верила. Да и смысл ему сейчас мне врать?

– Она была чем-то расстроена. Я из вежливости спросил что случилось, ну она и сказала, что пролетела со стажировкой. Вроде ей обещали какое-то место, а в последний момент взяли кого-то другого. И теперь ей нужно было срочно найти новый вариант, иначе в деканате распределят в какой-нибудь сельский суд бумажки перебирать. Ну и я сказал, что спрошу у отца. Не знаю нахрена, честно. Можешь мне не верить, но у меня реально никаких левых мыслей не было. Просто захотелось помочь человеку. А теперь, получается, что я от-

ца подставил.

– Слушай, ну это бред полный. Ты ее отцу в постель не подкладывал. Никто не заставлял его с ней спать. Да и тем более, совсем не факт, что она сама подстроила свое исчезновение. Ты же сам сказал, она не производила впечатление полной дуры.

– Но если не она, тогда кто? – Кирилл, кажется, уже десятый раз задал этот вопрос.

Я всеми силами пыталась придумать как можно более мягкий способ сказать следующие слова, но иногда, наверное, мягкого способа просто не существует:

– Что если твой отец тебе не все рассказал?

– Только не говори мне, что думаешь, что он расправился с любовницей из-за дебильного шантажа, а потом сам же позвонил в полицию и предложил им обыскать свой багажник. Поверь мне, если бы отцу и пришлось перевозить чей-то труп в машине, то у него бы хватило ума позаботиться о том, чтобы там не осталось улик. Он бы еще и полную химчистку салона после этого сделал. – Кирилл на мгновение замолчал, а потом заорал: – Стоп!

Он хлопнул себя по лбу и развернувшись в его сторону, я увидела, что он сидит с открытым ртом и на лице явно читалось напряжение.

– Отец летал в командировку уже после их последней встречи, как он и сказал ментам. В его тачке, наверняка, де-

дали полную уборку в это время. Надо позвонить его помощнице и узнать. Обычно он просит, чтобы к его возвращению все сияло. Если бы шарф уже был там, его бы вытащили и как минимум положили в салон. Они всегда все находки в бумажный пакет складывают. Помнишь, как ты браслет свой потеряла в моей тачке? Мы его тогда сами полчаса искали и не нашли, а после мойки нашелся.

Кирилл воспрял духом, как будто только что собственно-ручно раскрыл преступление.

Возвращать его на землю было жестоко, но радовать еще было слишком рано.

– По большому счету, это не меняет дело. Они могли встретиться и после его командировки. Предположительно, – поспешила добавить я, увидев выражение лица Кирилла. – Так, давай сразу договоримся, мы никого не обвиняем. Мы сейчас просто обсуждаем теории.

– И в конкретно этой теории, убийца – мой отец, – угрюмо заключил Русеев.

– Если тебе станет легче, можем в следующий раз представить, что убийца – я. Но сейчас давай предположим, что шарфик попал в багажник твоего отца после мойки. Что, если Марина решила продолжить шантаж? Они встретились, на этот раз уже без камер...

– И отец ее убил, засунул в багажник и прикопал в ближайшем лесочке?

Теперь настал мой черед громко вздыхать и закатывать глаза:

– С тобой невозможно разговаривать.

– Ну прости, что мне не так легко представить отца в роли убийцы.

– Так, – я решила зайти с другой стороны, – с чего мы вообще взяли, что девушка мертва. Ты сам сказал, что кровь на шарфе не видел, то есть скорее всего, ее было совсем чуть-чуть. Может, она кутикулу расковыряла и вытерла шейным платком... Подожди! Эдуард Дмитриевич сказал, что когда он дал ей пощечину, камень на кольце оставил небольшую царапину. Что, если кровь из нее?

– Вполне возможно, – согласился Кирилл. – Но сути дела это не меняет. Как шарф попал в багажник? И где Марина? Царапина была не настолько глубокая, чтобы она скончалась от потери крови. То есть, мы снова возвращаемся к теории, что Марина прячется сама и...

В этот момент прозвенел звонок и я поняла, то несмотря на то, что мы строили гипотезы больше часа, в раскрытии преступления мы так и не продвинулись, наоборот, вопросов стало еще больше.

Дверь ближайшей аудитории раскрылась и из нее начали выходить студенты. Мне определенно везет, потому что мы умудрились “приземлиться” рядом с аудиторией пятикурсников и если большинство из них просто прошли мимо, бро-

сив на нашу компанию на полу любопытные взгляды, то две пары ног остановились рядом и я услышала раздраженный голос брата:

– Вас можно поздравить со счастливым воссоединением?

– Видишь до чего меня довел отец попытками сосватать кому попало, – усмехнулась я. – Из двух зол выбирают меньшее...

– Что за попытки? – поинтересовался Урицкий, взирая на нас с Кириллом с недовольной физиономией.

– Только не говори мне, что Макс не рассказал тебе об их коварном плане выдать меня поскорее замуж. Ему даже пришлось битый час нахваливаться меня перед горе-женихом, представляешь степень его отчаяния? А я-то думала, что вы как настоящие закадычные друзья делитесь секретиками, заплетая друг другу косы перед сном.

Глеб вопросительно посмотрел на Максима, из чего я сделала выводы, что о вчерашнем ужине брат другу не поведал. А вот Кирилл присвистнул и заржал.

– Старик реально уже пытается тебя сосватать кому-то? Он не перепутал столетие? Если будет донимать, скажи ему, что после меня другие мужики тебе не милы, так как знаешь, что такое сокровище ты больше не найдешь.

– Спасибо за совет. Но проблема в том, что отцу наплевать кто мне мил, а кто нет.

– Серьезно? – Урицкий все еще ждал ответа от Макса. – И ты был в курсе?

– Я тебе больше скажу, судя по тому энтузиазму, с которым Максим вчера общался с Вадимом, он бы с удовольствием и сам к нему в постель прыгнул. Кстати, неплохая идея! Советую так и сделать в следующий раз, если решите с отцом опять лезть в мою личную жизнь.

– Мой энтузиазм, как ты выразилась, был направлен на то, чтобы отвлечь внимание от твоей персоны.

– В таком случае, надо было надеть рубашку с вырезом побольше. Как выяснилось, глубина внимания Вадима Юрьевича прямо пропорциональна глубине декольте его собеседника.

При этих словах я, наконец, поднялась с пола и отправилась в столовую, радуясь, что все трое продолжали обсуждать выходку отца и за мной не последовали.

Глава 30

Пока мы стояли в очереди в кафетерии, я пересказала Булавину разговор с Кириллом, но когда мы подошли к столу, обсуждение пришлось отложить, потому что там уже сидели друзья Алекса. Вскоре к нам присоединилась и Диана.

– У меня в этом месяце еще три выступления, – радостно поделилась она. – Так что, если вдруг, решишь устроить распродажу – зови. Кстати, моя менеджер спрашивала не шьешь ли ты на заказ, она с такими звездами работает – закачаешься. Очень расстроилась, когда я сказала, что в бабках ты не нуждаешься.

– Я давно хотела разобрать шкаф. Займусь этим на выходных и потом пришлю тебе фото, ок?

Платьев у меня, действительно, было много, но большинство из них не подходило для повседневной носки, а значит уныло висели в шкафу после того как были надеты всего пару раз.

– Серьезно? Было бы супер! Вот реально, жаль что ты не хочешь профессионально этим заниматься. К тебе бы очередь стояла.

Я поблагодарила ее за комплименты и дальше разговор перешел на тему учебы и планов на выходные. А я вздохнула с облегчением, радуясь возможности поговорить о чем-то,

кроме убийств и арестов.

Алена поведала, что один из пятикурсников устраивает вечеринку в субботу.

– Даже не мечтай, что тебя туда пригласят, – засмеялся Богдан.

– Алиса идет, – поделилась Алена, а я только сейчас заметила, что на обед она не пришла.

– У Алисы с Маратом давняя история, – сказал Богдан. – Им нравится мучить друг друга, не удивлюсь, если она туда заявится с каким-то левым мужиком чтобы подействовать ему на нервы.

– Ага, так Марат кого-то левого туда и пустил. Так что, это скорее Алиса будет наблюдать как он зажигает с другими девками.

Они продолжали обсуждать предстоящую вечеринку, а я, заметив в толпе знакомое лицо, рассеянно попрощалась и быстрым шагом направилась к выходу из столовой. Парень, будто почувствовав мой интерес, ускорил шаг и теперь мне пришлось почти бежать за ним. Наконец я его нагнала и легонько коснувшись плеча, поздоровалась:

– Привет! Ты ведь Егор, да?

Парень повернулся и на секунду на его лице возникла паника. Наверняка парень испугался, что я бежала за ним, чтобы высказать претензии по поводу его похода в полицию. Но он быстро совладал с эмоциями и сейчас осматривал меня с

легким раздражением.

– Что тебе надо? – недружелюбно поинтересовался он.

– Я хотела поговорить с тобой. О Марине. Вы ведь дружили? В смысле, дружите? – мысленно я отругала себя за то, что говорю о ней в прошедшем времени. Это все отголоски разговора с Кириллом, неудивительно, что после всех наших теорий, я уже не уверена в том, что девушка жива.

– Смотря что ты подразумеваешь под дружбой, – угрюмо ответил Егор. – Секретами она со мной не делилась. В смысле не делится. – Он недобро посмотрел на меня, видимо, злясь, что я и его “заразила” прошедшим временем.

– Ее подруги говорили, что вы много времени проводили вместе.

– Подруги? Это кто, интересно? Марина здесь особо ни с кем не дружит, так что понятия не имею кто там тебе что наболтал.

Он сделал попытку развернуться, но я схватила его за руку и попросила:

– Подожди. Я пытаюсь помочь.

– Кому? Своему дружку? Точнее, его папаше?

– Вообще-то, я имела ввиду Марину. Но и им тоже. Я думаю, если мы разберемся во всей этой истории и поймем куда пропала Марина, мы поможем всем.

– Извини, но ничем помочь не могу. Я все рассказал полиции, Марину я не видел уже давно, сам только на прошлой неделе со стажировки вернулся. Так что лучше с ее любов-

ником поговори.

– Он утверждает, что они после встречи, той что на записи, они ушли по отдельности и с тех пор не виделись.

– И ты ему, конечно, веришь. Богатые дяди никогда не врут и, что характерно, никогда ни в чем не виноваты.

– Эй, – я примирительно подняла руки, – я всего лишь пытаюсь разобраться.

– Оставь это профессионалам. Ты ведь даже не на юрфаке! Начиталась детективов и теперь возомнила себя великим сыщиком?

– Сериалов насмотрелась, – угрюмо ответила я, понимая, что нормального разговора у нас не получится. – Прости за беспокойство. Я думала, что тебе не наплевать на то, что случилось с Мариной и ты сам захочешь разобраться в ситуации.

– Мне не наплевать, – процедил он злобно. – И именно поэтому, как только я случайно нашел тот скриншот на своем ноутбуке, сразу помчался в полицию. А что насчет тебя? Ну-ка, напомни, что сделала ты? Ах да, ни-че-го! Так что, не надо сейчас пудрить мне мозги и делать вид, что хочешь разобраться. Пока полиция не взяла папашу твоего дружка за яйца, тебе было абсолютно пофигу что случилось с Мариной. Так что сделай одолжение, оставь свое лицемерие при себе.

Он в последний раз окинул меня презрительным взгля-

дом и скрылся за поворотом. Я закрыла глаза, мысленно сосчитала до десяти и развернувшись, поймала на себе взгляд двух девушек. Они стояли неподалеку и наверняка слышали весь наш разговор, потому что взирали на меня с долей сочувствия.

Глава 31

Спустя еще две пары и несколько часов, мы с Алексом направлялись в сторону парковки. Ему сообщили, что обе тачки готовы и друг попросил меня подбросить его до автосервиса.

Дорогу к моей ауди нам преграждал огромный букет красных роз. Приглядевшись, я увидела, что у букета имеются ноги в черных брюках и сверкающих ботинках 45-го размера.

Я мысленно посочувствовала девушке, ухажер которой додумался до такой банальщины и попыталась обойти букет слева. Из-за цветов раздался знакомый голос:

– Добрый день, Полина!

И несмотря на то, что это красное убожество полностью скрывало лицо мужчины, сомнений не оставалось: Вадим Юрьевич приперся по мою душу.

– Добрый ли? – раздраженно поинтересовалась я. Я прекрасно понимала, что злиться я должна на своего отца, а не на Вадима, но ничего не могла с собой поделать.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовался он из-за букета и попытался протянуть розы мне.

– Прошу прощения, но у меня жуткая аллергия на цветы, – соврала я и громко чихнула.

Вадим, наконец, убрал букет от лица и положил его на ка-

пот моей машины.

– На все цветы? – с притворным сочувствием поинтересовался он. Мне кажется, или он надо мной издевается? В его взгляде читалась усмешка.

– На все, кроме кактусов, – лучезарно улыбнулась я.

– Буду иметь ввиду, – он сверкнул ответной улыбкой.

Алекс закашлял, чтобы привлечь к себе внимание.

– У вас тоже аллергия на цветы, молодой человек? – невинно спросил Вадим.

Не дав другу ответить, я протараторила:

– Алекс, это Вадим Юрьевич. Вадим Юрьевич, это Алекс.

Мужчины пожали друг другу руки, а Вадим поинтересовался:

– Алекс просто друг или твой отец ввел меня в заблуждение?

Я уже открыла рот, чтобы соврать ему, что это мой парень, и даже была готова слиться с Алексом в горячем поцелуе, если вдруг понадобится доказать нашу любовь, но в этот момент к нам подошел Урицкий. Обернувшись, я увидела, что Макс тоже быстрым шагом следует за другом.

– Привет, дорогая! – Он по-хозяйски положил руку мне на плечо и спросил: – Это тот самый Вадим?

Легкие наполнились до боли знакомым ароматом кожи и мяты, а участок голой кожи на шее обдало жаром.

От ответа меня спас брат. К тому моменту как он подо-

шел к нашей компании, Вадим уже даже не пытался скрыть веселье.

Они поздоровались и мужчина решил пояснить свое присутствие:

– Вот, переживал о самочувствии Полины. Она не ответила на сообщение, которое я отправил ей, так что пришлось приехать, чтобы своими глазами убедиться, что все хорошо.

– Сообщение? – с удивлением спросила я, вспоминая, что пару часов назад мне, действительно, пришло смс с незнакомого номера. Оно было очень содержательным и гласило: “Привет! Как дела?”. Я была уверена, что кто-то ошибся номером, поэтому даже не стала отвечать.

– Так как я вчера не успел попросить твой телефон, Алина любезно им поделилась.

– Как мило с ее стороны, – процедила я.

Вадим, сделав вид, что не заметил сарказма, с энтузиазмом согласился:

– Очень мило, да!

Урицкий продолжал сверлить Вадима наглым взглядом, Макс выглядел смущенным, Алекс – немного растерянным, на моем лице, наверняка, читалось плохо скрываемое раздражение, но мужчина продолжал лучезарно улыбаться.

Тут рядом раздался голос Кирилла:

– Всем привет! Я ничего не пропустил?

Его язык слегка заплетался и обернувшись, я поняла, что с момента нашего разговора он явно продолжил пить.

– Кирилл Русеев, жених Полины, – представился он и громко икнул.

– Бывший, – раздалось сразу три голоса и я поняла, что я, Алекс и Глеб сказали это одновременно.

Вадим закатил глаза, видимо, наконец устав от этого цирка и обращаясь ко мне, уже серьезным тоном сказал:

– Полина, можно с тобой поговорить наедине? Обещаю руки держать при себе, – уточнил он, глядя на мужскую компанию.

Я вздохнула, но в сторону все-таки отошла.

– Прекрасное представление, – похвалил он. – Я, в принципе, и вчера понял, что ты не поддерживаешь план отца. Хотя, признаюсь, в самом начале твой энтузиазм меня смутил.

– В самом начале, – процедила я, – я не догадывалась о плане отца. К сожалению, он был так занят поисками счастливого жениха, что совсем забыл посвятить меня в свой план.

Вадим усмехнулся: – Ладно, это ваши с ним дела, я в них не лезу. Поверь, я к тебе в мужья не набиваюсь. Вижу, что и без меня тут куча претендентов, а играть в детские игры у меня нет ни времени, ни желания. Но мне нужна поддержка твоего отца в одном из проектов. Как выяснилось, имя и репутация имеют преимущество перед деньгами.

– Ну так и таскай цветы отцу, – предложила я. – Я здесь

при чем?

– При том, что твой отец явно дал понять, что поддержка будет только вкупе с тобой.

– И что ты предлагаешь? Фиктивные отношения?

И если мне надо поменьше смотреть детективные сериалы, то Вадиму явно надо завязывать с романтическими комедиями.

– Типа того. Я думаю, нам и видеться-то часто не обязательно. Максимум, сходить на совместный обед раз в пару недель. Рассматривай это как исключительно бизнес-партнерство.

– Я, конечно, в бизнесе не особо сильна, но что-то мне подсказывает, что партнерские отношения должны быть выгодны обеим сторонам. Ты получаешь поддержку отца в своем проекте, а я что? Ну, кроме безвкусных букетов, разумеется?

– Ты получаешь возможность и дальше наслаждаться жизнью на отцовские деньги. Если будешь воротить нос от меня, то ваша компания успеет обанкротиться еще до того как он найдет нового кандидата.

Вау... то есть, у отца проблемы намного серьезнее, чем я предполагала? Хотя, может это Вадим преувеличивает, чтобы я поскорее согласилась на его предложение. В любом случае, даже если компании отца реально угрожает банкротство... дает ли это ему право подкладывать меня в постель

своим партнерам?

Он ведь даже у меня не спросил, как будто мое мнение вообще не имеет значения!! Конечно, я ведь всего лишь глупая девочка, а он такой большой и умный дядя. Ну, в таком случае, пусть сам и разбирается со своими проблемами.

– Нет, – громко произнесла я. И видя удивленный взгляд Вадима, пояснила: – Нет, я не принимаю твое предложение.

– Серьезно? – от бывшего веселья в его глазах не осталось и следа. – Ты кем себя, нахрен, возомнила?

Я молча делаю шаг назад, Вадим подается за мной, но видя, что четверо парней обступили меня, разворачивается и идет к своей тачке, бросив на прощание:

– Тупая малолетка!

Первым молчание нарушил Алекс:

– Он забыл сказать коронную фразу всех антигероев “Ты об этом пожалеешь!”

– Точно, – согласилась я, стягивая с капота огромный букет. Оттащила его на тротуар, в надежде что какая-нибудь барышня обрадуется такой находке и обратилась ко всем присутствующим: – На этом представление заканчивается, всем спасибо за моральную поддержку, но в следующий раз, очень вас прошу, воздержитесь.

Максим произнес мое имя и сделал пару шагов в моем направлении, но я жестом его остановила:

– Оставь лекцию о том, как я подвела семью для отца. Се-

рьезно, если я сейчас еще хоть слово услышу о том, что у компании проблемы, я за себя не ручаюсь...

– Я не это хотел сказать..., – начал Макс, но я уже садилась в машину. Алекс занял пассажирское кресло и я тронулась с места, едва не задев выезжающую из соседнего ряда тачку.

– Ты как? – поинтересовался друг.

– Нормально, – соврала я. – Мне кажется, или моя жизнь реально превращается в цирк? Думаю, драма мне нравилась больше, – призналась я и вспомнила слова Урицкого, о том, что я без драмы не могу. Интересно, он сам себе сегодня выпишет Оскар за представление?

– Цирк определенно веселее, – улыбнулся Алекс.

– Спасибо за поддержку, друг.

Глава 32

Вечером меня ждал очередной сюрприз. Неприятный, разумеется. Приятных сюрпризов в моей жизни уже давно не было...

Отец заявился в гости и с порога начал гневно меня отчитывать. Оказывается, Вадим Юрьевич успел наябедничать, что я не приняла его ухаживания и отец приехал выяснять причину моего плохого поведения.

Самое обидное, он даже не пытался поинтересоваться понравился ли мне Вадим или нет, как будто мое мнение вообще не имело значения. Я решила, что отец смягчится если я сделаю вид, что не знала о возложенной на меня миссии:

– Я думала, что ты просто решил познакомить меня со своим бизнес-партнером. Если бы ты сказал, что у вчерашнего ужина была романтическая подоплека, я бы отказалась, папа. Я только две недели как рассталась с Кириллом и еще не готова к новым отношениям. Тем более, после всей этой истории с фотографиями. Дело не в Вадиме, просто мне нужно время перед тем как начать хотя бы задумываться о личной жизни.

– Полина, – отец замешкался и я с холодным равнодушием поняла, что он сейчас усиленно пытается смягчить фразу “меня не волнует к чему ты там готова”, – Такой девушке, как ты нельзя без сильного мужчины. Подумай о своем бу-

душем! Когда-то меня не станет и мне бы хотелось знать, что рядом с тобой будет кто-то, кто о тебе позаботится.

Я с подозрением посмотрела на отца, ему было всего 46, рановато собираться на кладбище...

– У тебя проблемы со здоровьем? – участливо поинтересовалась я.

– Что? При чем тут мое здоровье?

Потом он, похоже, проследил за ходом моих мыслей и добавил:

– Все нормально с моим здоровьем, но это не значит, что я буду всю жизнь тебя содержать. Когда-то тебе придется начать жить самостоятельно.

– Вот именно, – воскликнула я. – Самостоятельно. А ты мне предлагаешь сразу из-под твоего крыла переместиться под заботливое крыло мужа. Где же здесь самостоятельность?

– И как ты самостоятельно собираешься поддерживать такой уровень жизни? – спросил он, кивнув куда-то вглубь квартиры.

– Найду работу, – ответила я, но из-за неуверенности в голосе, мои слова приобрели вопросительную интонацию.

– Ты хоть знаешь сколько ты тратишь в месяц? Конечно нет, ты привыкла, что деньги волшебным образом появляются у тебя на карте. Никакая работа “на дядю” такой уровень жизни тебе не обеспечит.

– Вообще-то, у меня есть идеи насчет собственного дела, –

призналась я. Эти идеи я вынашивала давно, но отец никогда раньше не интересовался моими планами на будущее, поэтому я не видела смысла посвящать его в свои мысли.

– Какое, интересно? Салон красоты открыть? Любой нормальный бизнес требует стартовый капитал, – раздраженно сказал он.

Я молча проглотила его реплику насчет салона красоты и напомнила:

– Твой бизнес тебе достался по наследству от родителей.

Глаза отца превратились в две щелочки:

– Полина, мы это уже обсуждали. Компания достанется Максиму.

– Я знаю! Я на нее и не претендую, – и не стала уточнять, что упомянула это для того чтобы напомнить ему, что у него было больше, чем просто стартовый капитал. У него была сразу готовая компания. – Но это не значит, что у меня нет шансов на нормальную жизнь, если я не выскочу замуж в двадцать лет.

– Твоей матери было двадцать, когда мы поженились.

– Я помню, – сказала я, а про себя добавила, что то что у них было с отцом вряд ли можно было назвать “нормальной жизнью”. Он никогда не забывал ей напоминать кто приносит деньги в дом. Я сделала глубокий вдох и постаралась как можно спокойнее сказать:

– Папа, я ценю твою заботу, но выходить замуж за незнакомца я не собираюсь.

- Полина, я всего лишь забочусь о тебе, – сорвался он. – Не будь упрямой душой.
- Подкладывать дочь в постель к своему партнеру – это забота? – не выдержала я.
- Что ты сказала? – Отец побагровел. – Ты в своем уме? Какая постель??
- А что мы, по-твоему, будем с Вадимом делать – за ручки держаться и читать друг другу стихи?
- Полина, не доводи этот разговор до абсурда. Я тебе предлагаю мужа, а не любовника!
- Серьезно? То есть, если я сейчас соглашусь, то мы на следующей неделе пойдем в загс?
- Почему сразу на следующей неделе? Никто вас не заставляет торопиться, можешь закончить учебу.
- Отец, видимо, сарказм в моем голосе не уловил.
- И все два года у нас будут чисто платонические отношения? Без постели?
- Что за чушь? Почему ты все сводишь к постели? – отец сорвался на крик.
- Потому что я предпочитаю называть вещи своими именами! И не смей сейчас повторять, что ты просто заботишься обо мне! Не нужна мне такая забота, спасибо!
- Это мы еще посмотрим, – зло процедил отец. – Поверь мне на слово, ты об этом пожалеешь, дочь.

Может всему виной общее напряжение, накопившееся в

последние дни, а может слова Алекса о любимых фразах антигероев, но услышав эту фразу, я начала громко и звонко смеяться.

Отец посмотрел на меня с недоумением, но когда я хохотать не перестала, недоумение сменилось злостью, он сделал шаг в мою сторону, поднял руку и я даже успела подумать “сейчас он меня ударит”, но он только махнул рукой, злобно выругался и вышел из квартиры, не забыв громко хлопнуть входной дверью.

Я опустилась на пол, продолжая смеяться, в какой-то момент к нездоровому смеху прибавились слезы и я порадовалась, что нахожусь в квартире одна и никто не стал свидетелем моего нервного срыва. А в том, что это именно он, сомнений у меня не было.

Глава 33

Пол ночи я ворочалась, ожидая что с минуту на минуту отец вернется в сопровождении санитаров и упечет меня в психушку. Несмотря на то, что Алекс заверил меня, что по закону это сделать практически нереально, воспоминания о беспомощности и осознании, что собственная жизнь мне не принадлежит, нахлынули с полной силой. Я как будто оказалась посреди океана в шторм, только вместо волн меня атаковали собственные страхи и комплексы.

Утром меня все еще трясло и я с досадой подумала, что слишком быстро Алексу отремонтировали машину. Я бы с удовольствием еще раз поработала таксистом, лишь бы не входить сейчас в холл универа одной. Впервые за последнее время я не смогла найти в себе силы, чтобы гордо выпрямить спину и задрать голову будто в моей жизни не происходит самый настоящий апокалипсис.

На лестнице я столкнулась с какой-то девушкой и едва не упала на мраморные ступени, лишь в последний момент умудрившись схватиться за перила. Два ногтя на правой руке встречу с поручнем не пережили, но лучше они, чем лицо. Отличное начало дня, просто прекрасное!

Неприятности на этом, конечно, не закончились. Снача-

ла на семинаре преподаватель решил устроить незапланированную контрольную, посреди которой у меня потекла ручка. А на большой перемене, именно на мне сломался терминал оплаты и отказался принимать мою карту, и пока работница пыталась провести оплату опять и опять, раздражение в очереди начало расти.

– Он уже третий раз не этой неделе ломается. Я, блин, только из-за этого с собой наличку и ношу, – раздался рядом мужской голос. – Вот, возьмите за меня и за девушку.

Парень протянул кассиру деньги и я, поблагодарив его, начала одной рукой шарить в сумке в поисках наличных.

– Не надо, – махнул он рукой и направился к свободному столу.

Я уселась на свободный стул рядом с Алексом и теперь уже обеими руками пыталась найти в сумке хоть какие-то деньги, чтобы вернуть благодетелю, попутно жалуясь друзьям, что терминал опять тормозит.

– Я уже предлагал им долговой журнал завести или как там эта фигня раньше называлась? Ну, типа когда в кабаках никто сразу не платил, а записывали на счет, – поделился Богдан.

– Ага, – подхватила Алена, – так реально голодным останешься. У них вечно, то связи с интернетом нет, то еще что-то.

– У меня сегодня целый день через одно место, так что

неудивительно. что именно на мне сломался терминал, – пожаловалась я и продемонстрировала обломанные ногти на правой руке.

– Капец. Как ты так умудрилась?

– Схватилась за перила на лестнице, но альтернатива была... – я замолчала, не успев закончить фразу потому что собирая разбросанные по сумке купюры, я вытащила сложенный листок бумаги, развернув который прочитала: “Марина Селиванова не первая пропавшая девушка. Если хочешь узнать больше, приходи сегодня в “Остин” в 21.00.”

– Альтернатива была... – поторопила меня Алиса.

– А, точно... альтернатива была встретиться со ступеньками лицом, – закончила я, наконец, и глядя на почти полный поднос с едой Булавина, поинтересовалась: – Ты долго еще? Мне надо с тобой поговорить.

Алекс перевел взгляд на мою нетронутую еду, но я лишь махнула рукой. Аппетит у меня и до этого был неважный, сейчас же все мысли были о тайном послании.

Это, интересно, шутка чья-то? Хотя, кто бы додумался шутить о таком? Может Кирилл протрезвел и пожалел о вчерашнем разговоре? Или, наоборот, не протрезвел, продолжил пить и теперь так забавляется? Кто, вообще, был в курсе того, что меня интересует исчезновение Марины? Вчера я расспрашивала Егора... Может он передумал и решил поделиться своими мыслями?

Алекс закончил трапезу за семь минут до конца большой перемены и мы вышли из кафетерия в поисках укромного места, чтобы нашему разговору никто не помешал.

Я полезла в сумку за запиской, но друг меня опередил:

– Дай угадаю, – угрюмо сказал друг. – Отец объявился и пожурил тебя за то что отшила потенциального жениха?

– Как ты догадался?

– По твоему “счастливому” лицу, конечно. Все-таки, Урицкий тебе льстит, когда утверждает, что ты отличная актриса. Надо было опять отключить телефон. Или еще лучше – выбросить его, нафиг.

– Боюсь, это бы меня не спасло. Он приехал с личным визитом.

Алекс присвистнул:

– Все еще хуже, чем я предполагал. Угрожал?

– Куда ж без этого... Сказал, что я об этом сильно пожалею. Алекс, я не хочу в психушку.

– Спокойно. Никто тебя туда не отправит. У меня, кажется, есть идея.

– Идея? – удивилась я. – Только не говори, что предлагаешь мне фиктивные отношения.

– Если бы был хоть один шанс, что это тебя спасет от угроз отца, я бы уже стоял на одном колене и ты бы жмурилась от огромного бриллианта, – сказал он и я поняла, что он говорит вполне серьезно. Алекс бы реально пошел на это ради

меня. От этой мысли внутри все потеплело и на глаза, кажется, навернулись слезы.

– Но идея в другом, – продолжил друг. – Тебе надо записаться к психотерапевту.

– Что?? По-моему, это отцу надо к психиатру, а не мне! Спасибо, друг!

Булавин воздел глаза к небу и, кажется, прошептал что-то вроде “господи, за что мне это?”.

– Может, попробуешь выслушать для начала?

– Ладно, ладно, – я подняла руки в примирительном жесте. – Жги.

– Как я уже говорил, легально у него мало шансов отправить тебя “на реабилитацию”. Разве что он где-то обманным путем раздобудет заключение о том, что ты являешься психически неуравновешенной и все такое... Но, если к этому моменту у тебя будет свой личный психотерапевт, который сможет подтвердить твою вменяемость и профессионально обосновать несуразность того левого заключения... Видишь, куда я веду? Я постоянно думал об этом с момента нашего прошлого разговора. Если бы ты только рассказала мне об этом раньше...

– То мне бы не пришлось заваривать всю эту кашу с фотографиями, – продолжила я за друга.

– Именно. Ты официально будешь в терапии. Как ты раньше там не оказалась, вот в чем вопрос. Сейчас у каждой собаки есть свой собственный психолог. Могла бы хоть в чем-

то отдать дань моде! Я записал тебя на сегодня. Вчера пол ночи читал отзывы и выбирал специалиста, но по сути, нам не нужен самый лучший, так что нет смысла месяц ждать записи. Я скину адрес, будь на месте в 18.00. Я хотел сам с тобой поехать, но... возникли кое-какие планы, которые включают Дарью. Ты как, сможешь обойтись без моральной поддержки?

Я кивнула и попыталась выдать из себя слова благодарности, но испугалась, что разрыдаюсь едва открыв рот. Поэтому просто повисла на его шее и уткнулась носом в твердое плечо. Он погладил меня по спине и заверил, что все будет хорошо.

– Эй, ты ведь не будешь рыдать? Мне через пару минут выступать с докладом на семинаре, мокрое пятно на груди будет весьма некстати.

– Не собираюсь, – успокоила я его, но в сумку за бумажными салфетками полезла. И наткнулась на тайное послание, о котором абсолютно забыла.

– Черт. Я вообще-то не об этом хотела с тобой поговорить, ты меня сбил.

Алекс с минуту глядел на записку и потом перевел взгляд на меня:

– Что это за хрень?

– Без понятия. Нашла сегодня в сумке.

– И как это попало в твою сумку? Где ты ее оставляла?

– Нигде. На парах она стояла на полу рядом с партой, но я

не помню, чтобы кто-то близко ко мне подходил. Да и какая разница как она ко мне попала. Главное, что у нас есть шанс получить хоть какие-то ответы.

– Только не говори, что ты собираешься туда идти.

– Собираюсь, – честно ответила я.

– Ты не думала, что это может быть ловушкой?

– О Господи, Алекс! И кто меня ловить собрался? Тем более, это общественное место. Если бы это был какой-то недоброжелатель, он бы назначил встречу в темной подворотне.

– А если бы это был доброжелатель, он бы просто подошел и сказал все что знает, без всякой хрени, типа тайных посланий. Так... с кем ты говоришь на лестнице столкнулась? – вдруг спросил он.

– С какой-то девушкой. Причем тут это? – и тут до меня дошло. – Ты думаешь, что это она подбросила мне записку?

– Не знаю, – пожал плечами друг. – Но как-то же она к тебе попала.

– Тогда тем более нечего бояться. Было бы хуже, если бы на встрече меня ждал огромный амбал.

– То что записку подбросила девушка еще не гарантирует, что на встрече не будет амбала.

– В любом случае, встреча будет в общественном месте. Чего там бояться?

– Я пойду с тобой, – вздохнул Алекс, осознав, что спорить со мной бесполезно.

– Ты же сказал, что у тебя планы на вечер.

– Придется отложить.

– Отложить Дарью?? Ты охренел?

– Да она даже не в курсе, что у нас совместные планы, расслабься. Просто случайно узнал, где она будет вечером, хотел заявиться туда же. Обычные будни маньяка-сталкера, сама понимаешь...

– Понимаю. И поэтому не надейся, что лишу тебя такой возможности. Хочешь, я охранника найму для твоего спокойствия? Я бы взяла с собой Русеева, так как это дело его касается тоже, но велик шанс, что незнакомка не пожелает разговаривать при нем, как никак, его отец главный подозреваемый в этом деле. Будет смешно, если на встречу заявится сама Марина... А что, поняла, что ее игра зашла слишком далеко...

– И решила просить твоей помощи? – скептически продолжил друг. – Причем здесь тогда слова о том, что это не первая пропавшая девушка?

– Эй, не мешай мне строить теории!

В этот момент прозвенел звонок и Алекс заторопился на семинар, не забыв на прощание взять с меня обещание, что одна на встречу не пойду.

Глава 34

Я честно планировала сдержать обещание, но к тому моменту как я добралась до дома после встречи с психологом, которая кстати, прошла весьма успешно, и позвонила в охранную фирму чтобы заказать сопровождение, было уже поздно. Мне сказали, что заявку надо подавать как минимум за полдня и, может, в обычный день они бы пошли мне навстречу, но сегодня у какой-то важной шишки было мероприятие за городом и почти весь персонал агентства стянулось туда. Можно было, конечно, обзвонить все остальные компании города, а можно было забить. Что я и сделала, разумеется. “Остин” находился неподалеку от нашего университета и общежития, поэтому вечерами там всегда было многолюдно. Так что я была уверена, что опасаться мне нечего.

Времени на ужин у меня не оставалось и я порадовалась, что встреча с автором послания будет в кафе, надеюсь, она или он не расскажут мне что-то такое, что испортит аппетит. Я уже обед пропустила из-за этой записки, будет кощунственно остаться еще и без ужина.

Выйдя из подъезда, я направилась к своей машине и тихо выругалась, когда стоящая неподалеку тачка ослепила меня своими фарами. Я мысленно прокляла водителя и он, будто,

услышав мои мысли, громко посигналил. Я раздраженно показала ему средний палец и услышала, как открылась дверь.

“Он что, реально сейчас будет скандалить из-за жеста, который я ему показала? Сам, блин, виноват! Какого черта было светить мне в глаза дальним светом?”

– Все-таки, не зря Булавин переживал об отсутствии у тебя мозгов, – раздался знакомый голос.

Я опять выругалась, на этот раз погромче.

Не могу поверить, что Алекс сдал меня Урицкому!

– Что ты здесь делаешь?

– Исполняю роль няньки, неужели непонятно?

Он скользнул по мне взглядом, задержавшись дольше, чем нужно, на разрезе юбки. Можно подумать, до этого в свете фар он меня не достаточно хорошо рассмотрел.

– Эй, хватит пялиться на мои ноги, – попыталась я пристыдить его.

Но Урицкий ничуть не смутился, и с наглой улыбкой ответил:

– Не могу. Глядя на эту юбку, я вдруг вспомнил твое красное платье и к чему это привело... Хотя, не то чтобы мне изначально удалось об этом забыть.

Чувствуя как по лицу разливается краска, я отвернулась и все-таки направилась к своей машине. Не хватало еще опоздать на встречу из-за этого болвана.

– Если ты, вдруг, еще не поняла, то на встречу мы едем вместе. – Глеб оказался в опасной близости рядом со мной.

Как у него это получается? Он ведь меня даже не касается, но все, до чего дотрагивается его взгляд, разливается жаром.

– Поняла, к сожалению. – ответила я без радости. – Но это не значит, что нам нужно ехать в одной машине. Встретимся на месте.

– То есть, экология и будущее нашей планеты тебя совсем не волнуют? – насмешливо поинтересовался он. И увидев мой недоуменный взгляд, продолжил: – Ты разве не знаешь какой урон планете наносят автомобильные выхлопы? Надо заботиться о будущем, так что поехали вместе. Можем на этом не останавливаться и потом еще и душ вместе принять чтобы сэкономить воду.

Я закатила глаза, но в его машину все-таки села. По дороге выяснилось, что Булавин не ввел его в курс дела, просто сказал, что вечером мне нужно будет сопровождение.

– И ты так просто взял и приехал? – удивилась я. – Что, если выяснится, что мне просто надо съездить в супермаркет?

– Значит просто съездим в супермаркет. Хотя, признаться, когда увидел как ты вырядилась, грешным делом подумал, что ты собралась на свидание.

– Да что ты пристал к моему наряду? Юбка ниже колен! Большинство моих ровесниц носят юбки, которые едва прикрывают зад!

– Не всем девушкам нужно носить мини для того чтобы

мужикам башню сносило.

Я предпочла оставить эту фразу без комментариев и вместо этого рассказала ему о записке.

– То есть, вариант свидания я все-таки рано исключил. Ты не думала, что это может быть твой тайный поклонник?

– Тогда, думаю, я все-таки передумаю убивать Булавина за то что втянул тебя в это, особенно если у тебя получится отбить у этого самого поклонника страсть к тайным посланиям на всю оставшуюся жизнь.

– Уж в этом можешь не сомневаться, – заверил меня Урицкий. – Есть еще один вариант: твой Алекс решил поиграть в купидона и организовал нам тайное свидание. Только представь, мы приезжаем в кафе, там нас ждет романтический ужин со свечами...

Тут я не выдержала и в голос засмеялась, а Урицкий поинтересовался:

– Что такого смешного? У него, кстати, был реальный шанс подбросить тебе записку.

– Отличная теория, но поверь мне, задумай Алекс организовать мне тайное свидание, твою кандидатуру он бы рассматривал в последнюю очередь. Я думаю, даже после Вадима Юрьевича, с которым ты вчера имел честь познакомиться.

– Не напоминай, – угрюмо буркнул Глеб. – И с чего это Булавин меня так не любит?

– С того, что он любит меня и прекрасно помнит что про-

изошло четыре года.

– Мы все помним, Полли. Но возможно, некоторые из нас уже готовы забыть. Ну или признать, что... что ты изменилась.

На то мгновение, что он замолчал, я успела представить, что сейчас он скажет, что готов признать, что был не прав. Но нет, он все еще считает, что правда была на его стороне, точнее на их с Максом стороне. Господи, почему после стольких лет это до сих пор причиняет боль?

– Нет, ты ошибся. Я не изменилась.

Я видела, что он хотел что-то еще спросить, но так как мы уже приехали, я выбежала из машины, бросив ему:

– Не иди сразу за мной, выжди пару минут, чтобы не спугнуть автора записки.

Глава 35

Войдя в кафе, я осмотрелась, но знакомых лиц не увидела. В тот момент, когда ко мне подошла администратор, чтобы предложить столик, из середины зала помахала девушка и я направилась к ней. Только подойдя вплотную, я вспомнила, что видела ее вчера. Теперь понятно, откуда она знает, что я интересовалась исчезновением Марины – она была одной из девушек, которые слышали мой разговор с Егором. Она смущенно улыбнулась и представилась:

– Привет! Я Оксана.

Я тоже представилась и бегло скользнув по меню, сделала заказ подошедшему официанту.

Оксана тяжело выдохнула, будто собиралась с духом и затараторила:

– Извини, что в универе не решилась подойти. Я вообще, не знаю, может я зря отнимаю твое время. Я просто слышала вчера как ты того парня расспрашивала о пропавшей девушке... и подумала, а вдруг это связано? Я ведь об этом думаю уже пару недель, с тех пор как полиция тогда пришла и...

– Так! – я поняла, что не успеваю за этим потоком мысли. – Давай по порядку.

– Да. Извини, я просто волнуюсь. Я всегда тараторю, когда волнуюсь.

– Ты что-то знаешь об исчезновении Марины?

– Нет. Ну, то есть возможно. Моя подруга Лена пропала два года назад, она тоже училась здесь, на юфаке.

Два года назад я как раз была на первом курсе, но ничего не слышала о пропавших девушках. Но если она училась на другом факультете, то возможно эта информация прошла мимо меня.

– Ладно, рассказывай про подругу, а потом решим связано это или нет.

Оксана открыла рот, но тут же закрыла его, уставившись мне за спину. А через мгновение у нашего столика появился Урицкий, о котором я уже успешно успела забыть.

– Добрый вечер, дамы! – галантно поздоровался он. – Я не помешаю?

Оксана посмотрела на меня, а я кивнула:

– Он со мной.

– Я... извини, что отняла твое время, – девушка начала подниматься и, кажется, собиралась уйти. Она что, Урицкого испугалась?

– Подожди! – я не стала хватать ее за руку, по своему опыту зная как это раздражает. – Вернись, пожалуйста. Если хочешь, он подождет за другим столиком. Мы просто... мы не знали кто придет на встречу и Глеб беспокоился обо мне.

– Вы... встречаетесь? – удивилась Оксана.

– Нет, – заверила я ее и густо покраснела. – Он лучший друг моего брата и сегодня выполняет роль моего телохранителя.

– Ты ему доверяешь? – поинтересовалась она.

– Да, – ответила я не раздумывая и поняла, что это действительно так. Да, четыре года назад Урицкий поступил как настоящий мудака, но сделал это, надо признаться, из лучших побуждений и несмотря на наши разногласия, я ему доверяла. По крайней мере во всем, кроме своего сердца.

– Ладно, – Оксана вернулась на свое место и начала рассказ: – У меня была подруга, Лена Еремчук. Мы из одного города, недалеко отсюда. Она старше на три года, но нам это не мешало дружить. Три года назад ее мама снова вышла замуж и они переехали сюда, мы продолжали общаться, потом она поступила в универ и ее как подменили! Она начала ходить в ночные клубы, у нее появился парень... и потом она пропала.

– Что за парень? Он тоже был из универа? Имя она тебе не говорила?

– Говорила. Марат Скалаев.

Урицкий присвистнул и мы обе уставились на него.

– Ты его знаешь? – поинтересовалась я, вспомнив, что недавно Алена с Богданом обсуждали вечеринку у какого-то Марата.

– Знаю, – подтвердил Глеб. – А ты уверена, что они прям встречались? Насколько я знаю, Марат, как бы так сказать... короче, то он делает с девушками “встречанием” можно назвать с натяжкой.

– Я слышана, – ответила Оксана со злостью, – но Лена

не такая. Она бы не стала просто спать с кем попало.

– Окей-окей, – Урицкий поднял руки в примирительном жесте.

– Подождите, – вдруг вспомнила я слова Богдана. – У них же вроде какая-то история с Алисой.

– Лучше даже не лезь в это, – любезно предупредил Урицкий. – Там сам черт ногу сломит, то что между ними что-то было – это факт, но это не мешает им сейчас развлекаться с другими, причем зачастую демонстративно друг перед другом.

“Вот это у людей развлечения”, – подумала я, но вслух сказала:

– Что она тебе рассказывала про своего парня?

– Почти ничего. У нее все время учеба отнимала, она и в сети-то не каждый день появлялась, иногда не отвечала на сообщения по несколько дней.

– Ладно, – решила я зайти с другой стороны, – а что насчет ее семьи?

– Я их не нашла, – призналась девушка. – Нового адреса я не знала, мать же замуж вышла, фамилию поменяла, хоть Лена так и осталась Еремчук.

– Хорошо... а в университете что говорят? Ты спрашивала в деканате?

– Они сказали, что она просто забрала документы.

– Так может так и было? – высказал Урицкий мои мысли. – С чего ты взяла, что она исчезла? Может, они всей семьей

переехали куда-то?

– Она бы мне сказала, а она во всех соцсетях не появлялась с того времени.

– А в полицию ты не ходила?

– Ходила. Но мне ничего не сказали, я же не родственница. Удобно, да? Человек исчезает, но ничего никому неизвестно. А через некоторое время у этого самого Марата появляется дорогущая машина, хотя до этого он не особо при деньгах был. Я о нем все узнала, фирма его отца обанкротилась еще несколько лет назад и откуда у него тогда такие деньжищи?

– И что? – вопрошает Урицкий. – Ты считаешь, что он продал ее в арабский гарем, купил себе Мазерати и до сих пор шикует на сдачу?

– Понятно, – обиделась Оксана и предприняла очередную попытку уйти. – И чего я только подумала, что вам будет не наплевать, если даже полиции до этого нет дела. Извините за беспокойство.

– Подожди! Я не говорила, что мне все равно. Спасибо, что рассказала. Любая деталь сейчас важна. Напиши мне, пожалуйста, полные данные твоей подруги, с датой рождения. Я попробую узнать в полиции заводится ли дело об ее исчезновении.

– Я же сказала, что они ничего не скажут, я пыталась.

– Я попытаюсь узнать эту информацию через знакомых, – заверила я Оксану.

Девушка протянула мне листок с информацией о своей подруге и, попрощавшись, покинула заведение. Я тоже сделала попытку встать, но Урицкий меня остановил:

– Ты куда собралась? Поешь сначала, – он кивнул на мою тарелку, которую официант принес еще в середине нашего разговора, но я так и не успела к ней притронуться.

– Дома поем, – отмахнулась я и начала вставать.

– Полина, это глупо, – его рука мягко приземлилась на мою талию и притянула меня обратно. – Еду уже принесли, какие проблемы?

Я уселась обратно, но Глеб руку свою почему-то убирать не спешил. Хотела бы я сказать, что она лежала на моей талии тяжелым грузом, но на самом деле, по телу наоборот растекалось приятное тепло и сердце начало отбивать чечетку о ребра.

– Давай, скажи еще, что я опять не думаю о будущем нашей планеты и вообще, в Африке дети голодают, а я отказываюсь от еды...

– Точно! – улыбнулся Урицкий, придвинув тарелку ближе ко мне. – Именно это я и хотел сказать. Ешь давай. Хотя, конечно, если мы все-таки примем совместный душ, то это перекроет твоё пренебрежительное отношение к еде.

– Не дождешься, – сказала я, схватив приборы. – Расскажи мне пока об этом Марате. Он тоже на пятом, да? Ты его хорошо знаешь?

– Да, на пятом и нет, не могу сказать, что знаю его хорошо.

Я вообще не уверен, что кто-то может этим похвастаться. Даже Дарья.

– Савельева? Они дружат?

– Вроде того.

– Что значит вроде того? Почему у меня такое впечатление, что мы обсуждаем какого-то секретного агента, а не обычного парня.

– Потому что Марат не обычный парень. И поверь, это не комплимент. Пару лет назад у него был довольно сложный период в жизни, я не знаю связано ли это со смертью отца или были другие причины, но справлялся он с этим хреново.

– Ну хоть что-то ты о нем знаешь? – Я уже поняла, что источник сплетен из Урицкого неважный и смирилась, что завтра придется расспросить Алену и Алису об этом загадочной парне, но хоть что-то же он должен знать. – Что там Оксана говорила по поводу внезапного богатства?

– Из богатства у него только тачка, вроде как продал квартиру, которая досталась ему после смерти отца.

– Seriously? Продал квартиру и купил “мазератти”? Хорошая квартира была, видать. А сам где живет теперь?

– Не поверишь, на фабрике, – лучезарно улыбнулся Глеб.

– Только не говори, что он там работает в ночную смену чтобы заработать на бензин и расходники, такую тачку наверняка недешево содержать.

– Фабрика не функционирует. Принадлежала его отцу, но тот несколько лет назад обанкротился, ходили слухи, что

фабрика была только прикрытием, а на самом деле бизнес был не совсем легальным.

– И он продал квартиру и переехал туда. Подожди! Это не та фабрика, на которой постоянно тусовки?

– Она самая.

– Все чудесатее и чудесатее, – процитировала я Алису в стране чудес. О “фабрике” я была наслышана, а вот то что она принадлежит этому самому Марату, узнала только сейчас. Еще на первом курсе одноклассница рассказывала нам с Кириллом о закрытых вечеринках там. Вроде как место стало популярным после того как один блогер арендовал помещение бывшего цеха для празднования своего дня рождения, тогда фото обрели бешеную популярность, что, разумеется, сказалось и на популярности самой фабрики.

– Ты там был? – поинтересовалась я с полным ртом. – Это не там будет тусовка в субботу?

– Был. Там. Но, – он строго посмотрел на меня, – даже не думай!

– Не думать о чем? – невинно поинтересовалась я.

– О том чтобы туда попасть.

– Почему? Чем это отличается от обычного ночного клуба?

– Всем, – отрезал Урицкий и замолчал.

– Серьезно? Так ты только провоцируешь мое любопытство. Что там такого на этих тусовках происходит?

– Ничего о чем можно рассказывать в приличном обще-

стве, – усмехнулся Глеб.

– Только не говори, что он там оргии устраивает.

Глеб заржал:

– Вроде нет, по-крайней мере, те пару раз, что я там был, до них дело не доходило. Я смотрю, оргии все не дают тебе покоя.

Я уже открыла рот, чтобы спросить его что он имел ввиду, но тут же густо покраснела, вспомнив к чему отсылается Урицкий...

Когда мне было 13 лет, а Глебу, соответственно 14, он заболел ветрянкой. Я успела переболеть в три года и поэтому у меня был иммунитет, а вот Максим в детстве умудрился пропустить эту болезнь и так как совсем недавно перенес воспаление легких, родители испугались, что ветрянка может закончиться осложнениями и запретили ему встречаться с другом пока тот болеет. Отец Урицкого постоянно торчал на работе и Макс попросил меня составить компанию другу, чтобы тот совсем не зачах в одиночестве. Тем более, что болезнь, которая в раннем детстве переносится довольно легко, Урицкого свалила с высокой температурой.

На активные игры он не был способен, да и разговор поддерживал с трудом, поэтому в основном я просто сидела рядом и читала ему вслух. И вот угораздило же меня выбрать в кабинете его отца книгу Достоевского “Идиот”, тогда чувства к Глебу даже не думали зарождаться и притащив томик

в его спальню я с улыбкой заявила, что буду читать его биографию.

И вот, когда я увидела незнакомое слово, я решила уточнить у Урицкого, что же такое эта “оргия”. Он тогда так ржал, что потом еще полчаса кашлял без остановки. Сейчас он тоже смотрел на меня с весельем в глазах.

– Ты мне всю жизнь будешь это вспоминать?

– Прости, не удержался, ты такая милая когда смущаешься...

Я лишь закатила глаза и жестом показала официанту, чтобы принесли счет. Задерживаться здесь смысла не было, вряд ли Урицкий расскажет еще что-то интересное. Одна надежда на девчонок завтра.

По дороге домой Глеб на удивление молчал, что позволило мне погрузиться в свои мысли. Что-то подсказывало мне, что исчезновения двух девушек вряд ли связаны, но перед тем как отбрасывать эту версию, надо было выяснить знала ли Марина Марата. Ну, то есть знала, конечно, раз уж учились на одном курсе, но было ли между ними что-то большее? Могла Марина встречаться сразу с двумя мужчинами? Или может, Марат узнал про Эдуарда Дмитриевича и приревновал ее? Вопросов, как всегда, больше чем ответов... Вряд ли Марат захочет ответить на них, но попытаться стоит.

– Ты говорил, что Марат проводит закрытые вечеринки.

Насколько они закрыты? Как туда попасть?

– Полли, забудь. Я сказал тебе, что это место не для тебя.

– К твоему сведению, я уже большая девочка и позволь мне самой решать какие места для меня, а какие нет.

Урицкий только махнул рукой:

– Какая разница, все равно тебе ни за что не раздобыть приглашение. Списки одобряет сам Марат и из универа, никто младше пятого курса еще ни разу туда не попал.

– А как же Алиса? Она на четвертом. И мы с ней одного возраста, хоть я и на курс младше.

– Алиса – исключение, у них с Маратом давняя история. Не удивлюсь, что главная задача этих тусовок – это привлечь ее внимание. Но еще раз повторяю, забудь!

Я поняла, что спорить с ним смысла нет и вышла из машины. Урицкий по традиции открыл мне дверь и направился за мной.

– Провожу до подъезда, – пояснил он, видя мой вопросительный взгляд. – Не бойся, сегодня без лифта.

Я хотела ответить, что бояться нужно ему, а не мне, но в последний момент передумала. Да, я боялась. Причем не столько того, что он последует за мной до квартиры, сколько того, что сейчас просто уйдет.

Урицкий словно прочитав мои мысли, сделал шаг навстречу и легонько, едва касаясь, притянул меня к себе. Но даже это было лишним, я понимала, что Глебу достаточно

было поманить меня пальцем и я бы точно так же прильнула к нему.

На мгновение наши глаза встретились, а затем и губы. Я понятия не имею кто сделал первый шаг. Вот мы стояли и смотрели друг на друга, а в следующую секунду я уже чувствовала горячее мятное дыхание на своих губах.

Этот поцелуй не был «срывающе одежду» страстным, он не был прелюдией к чему-то большему. Но в то же время, он был именно тем что мне нужно. Он был заземляющим.

В последние дни я чувствовала себя словно воздушный шарик, привязанный к земле тоненькой ниточкой. И вот меня, как и шарик, мотало из стороны в сторону и каждый мало мальский порыв ветра грозил унести куда-то далеко. А с Глебом я чувствовала спокойствие. Крепкие руки прижимали меня к себе и я хоть на какое-то время забыла об угрозах отца, о пропавшей девушке и о том, что Урицкий – последний человек с которым мне бы стоило сейчас предаваться поцелуям.

Я закрыла глаза, чувствуя как сердце сначала пропустило несколько ударов, а затем пустилось галлопом, когда не только легкие, но и все внутренности заполнились его запахом. Он пах кожей, мятой, соблазном... самоуверенностью.

И да, я прекрасно осознавала иронию того, что именно с подачи Глеба началась моя неуверенность в себе и страхи, но тем не менее, это его близость меня сейчас успокаивала.

Откуда-то из другой вселенной раздались чьи-то шаги, хлопок двери, даже высокомерное цоканье языком. Но в этот момент мне было абсолютно наплевать на то что мы похожи на двух школьников у подъезда. Я хотела ощутить все это в полной мере, без оглядки на прошлое и без страха за будущее. Оказывается, иногда просто быть здесь и сейчас очень приятно.

– Даже не рассчитывай, что приглашу к себе, – прошептала я с улыбкой в его губы.

– Я готов подождать. – Усмехнулся он.

– Отлично. Только желательнее не здесь, – я потянула за ручку двери. – Мы и так привлекли достаточно внимания соседей.

– Это они еще не знают как мы осквернили их лифт, – засмеялся он и уже мне в спину добавил: – Спокойной ночи, Полли.

– Спокойной ночи, Глеб, – сказала я в уже закрывшуюся дверь. И зайдя в лифт, я совсем не думала ни о нем, ни о том вечере. Совсем! Абсолютно!

Глава 36

Ни ночью, ни по дороге в универ, я так и не смогла придумать тактику как мне умудриться заполучить приглашение на вечеринку. Ладно, допустим, ночью мои мысли были заняты совсем не этим. Каюсь. Я как влюбленная школьница провалялась в кровати вспоминая наш поцелуй и не могла перестать водить пальцами по опухшим губам. Ох, очень плохое сравнение, очень. Мало того что я не школьница, так тем более и не влюбленная. Ведь так? На этот вопрос мне было очень сложно ответить, даже самой себе.

Так что сейчас я очень радовалась тому, что можно нырнуть с головой в мысли о вечеринке Марата. Честно признаться, я мало представляла чем мне это поможет. Даже если мне удастся туда попасть, то что? В лучших традициях триллеров отправиться в подвал и искать там пропавших девушек? Дурацкая и довольно опасная затея, признаю.

Но сейчас я была готова на что угодно, лишь бы перестать думать о Глебе и поэтому с двойным рвением перебирала в голове всевозможные идеи.

Единственный вариант был попробовать пойти с Алисой. Не то чтобы мы были подругами, но часто обедали вместе, так что стоило хотя бы попытаться.

Войдя в холл, первым делом я увидела Глеба с Максимом,

они стояли в компании еще двух парней, один из которых явно отличался внешним видом. Нет, изъянов во внешности у него не было, но на негласный дресс код университета ему явно было наплевать. На нем были рваные черные джинсы, причем, что-то подсказывало мне, что огромная дыра на колене не была задумана изначально каким-либо именитым дизайнером, а появилась там сама собой. Вместо рубашки и пиджака, коими щеголяли большинство наших студентов, парень отдал предпочтение потертой толстовке.

Что там Глеб говорил про то, что Марату Скалаеву наплевать на деньги? Мог этот странный парень быть им? А еще он был очень худым, особенно на контрасте с другими парнями в его компании. Во мне почему-то сразу проснулась заботливая бабуля и я была в одном шаге от того, чтобы вытащить из сумки телефон и погуглить рецепт пирожков для “внучка”. Лицо парня было незнакомым, может я и встречала его раньше в стенах универа, но явно не успевала обратить внимание. В столовой я его точно не видела, там я любила рассматривать незнакомые лица. Он, скорее всего только вернулся со стажировки.

Следующий мой шаг удивил не только присутствующих, но и саму меня. Я направилась к этой компании и лучезарно улыбнувшись брату, поздоровалась. Глеб посмотрел на меня с подозрением, а Максим сказал:

– Хорошо что ты подошла, я как раз хотел с тобой поговорить. Давай отойдем в сторонку.

Это в мои планы не входило и я попыталась изобразить смущение:

– Ой, я не заметила, что ты в компании. Извините, если помешала, – и все так же смущенно улыбаясь, я протянула руку парню, стоявшему от меня справа и представилась: – Полина.

– Игорь, – ответил парень и мягко пожал мою руку.

Я протянула руку второму парню, предположительно Марату, но он лишь посмотрел на нее с усмешкой и брат поспешил мне на помощь: – Это Марат. Марат, это моя сестра Полина.

В серых глазах мелькнул интерес и он скользнул по мне одобрительным взглядом, от которого Урицкий, стоявший слева от меня, заметно напрягся. Я буквально кожей ощущала его напряжение, но тем не менее, обнять или как-то подругому продемонстрировать нашу связь он так и не решился. Интересно, чей реакции он опасался больше – моей или Макса?

– Не знал, что у тебя есть сестренка, – протянул Марат, все так же не отрывая взгляда от меня. – Хотя, должен признать, понимаю почему ты ее скрывал.

– Только попробуй, – сухо предупредил Максим.

– Это вызов, Воронцов? – с усмешкой поинтересовался парень.

– Нет, это предупреждение, – встрял Урицкий.

Я раздраженно переводила взгляды с одного парня на другого, они бы еще помочились на мои туфли чтобы пометить территорию.

– Ладно, – Игорь толкнул Скалаева в плечо, – скоро звонок, идем уже. Было приятно познакомиться, – кивнул он в мою сторону и оба парня удалились.

– Ты куда? – удивился брат, когда я тоже развернулась, хоть и направлялась в другую сторону.

– На пары. Собственно, ради них мы и ходим сюда, ты забыл?

– Но нам же надо поговорить.

– Нам? О чем, интересно?

– Полина, блин, ну ты же сама ко мне подошла.

– Не хочу тебя разочаровывать, мой друг, но Полли подошла сюда, чтобы познакомиться со Скалаевым. Нашей девочке не дает покоя слава Шерлока и она решила попробовать себя в роли детектива.

– Что? – Максим даже не попытался скрыть недоумение. – Что за фигня? Какой еще детектив?

Уверена, Урицкий позаботится о том, чтобы ввести его в курс дела, у меня же не было ни малейшего желания продолжать этот разговор, поэтому я, не прощаясь, направилась к своей аудитории. На что я, вообще, рассчитывала когда подходила к парням? Что Скалаев будет сражен наповал моей

внешностью и потеряв рассудок, будет умолять чтобы я по-
чтила присутствием его вечеринку? Приходилось признать,
что импровизация не мой конек... Ладно... остается наде-
яться, что Алиса сможет провести меня на “Фабрику” с со-
бой.

Глава 37

Перед тем как направиться в столовую и атаковать девчонку вопросами о загадочном Марате, я решила зайти в уборную. Каково же было мое удивление, когда я обнаружила там Дарью Савельеву и Марата. Первая явно была чем-то расстроена, возможно, огромным темным пятном на своей белоснежной блузке, второй ее успокаивал. Хотя, это конечно, спорный вопрос. Он с энтузиазмом пытался ее убедить, что громадное пятно было едва заметно, но так как Дарья слепой не была, то вместо того чтобы успокоиться, она лишь ещё больше раздражалась.

На меня они оба посмотрели как на врага народа, будто это я не в состоянии донести чашку до рта, не расплескав при этом все содержимое.

Проигнорировав их недружелюбные взгляды, я прошла в самую дальнюю кабинку. Когда я подошла к умывальнику вымыть руки, Дарья предпринимала отчаянную попытку отстирать пятно жидким мылом прямо на себе, хотя не совсем понятно чем она в случае успеха собиралась сушить насквозь промокшую блузку.

Марат, наблюдавший за ее действиями со скептицизмом, вдруг предложил:

– Давай я тебе дам свою толстовку? Подумаешь, будет немного оверсайз...

Я не сдержалась и закатила глаза, представляя как Дарья будет смотреться в юбке-карандаш, на шпильках и в этой толстовке. Увидев мое выражение лица, она одарила меня очередным недобрым взглядом и зашипела на своего друга:

– Марат, блин, на этой конференции будет вся кафедра и потенциальные работодатели, и тут я во всей красе в мужской толстовке!

Я вспомнила что Алекс мне говорил по поводу сегодняшней конференции на юрфаке и с двойным сочувствием посмотрела на девушку. Их кафедра устраивает конференции каждый год, но именно в этом году на нее решил заявиться хозяин одной из лучших компаний города. Булавин мне, конечно, и фамилию его говорил, но я за ненадобностью ее благополучно забыла. А вот Дарья, судя по всему, намеревалась заполучить его внимание. Что и неудивительно, если кто из студентов и достоин работать с лучшим юристом, то это явно она.

Девушка тяжело вздохнула и закрыла ладонями глаза:

– Где ближайший магазин? На твоей тачке можно успеть..., – она посмотрела на свои часы и выругалась, потом с силой ударила ладонью по раковине и заключила:

– В таком виде мне лучше там вообще не появляться.

– Окей, – вздохнула я, не успев как следует обдумать свое

решение, – хватит драмы, давай меняться.

С этими словами я начала расстегивать пуговицы на своей леопардовой блузке и заметив, что никто из них не шевелится, кивнула Марату: – Снимай это убожество. Вам повезло, что моя репутация сейчас находится на уровне «хуже уже не будет», потому что раньше я бы это на себя не надела даже под угрозой расстрела.

Они все ещё шокировано смотрели на меня, но вещи снимать начали. Марат бросил мне свою толстовку и отвернулся, оставшись лишь в чёрной майке. А я поняла, что была слишком строга к его фигуре. Парень был очень худым, да, но в то же время жилистым и спортивным, и несмотря на чисто славянскую внешность, телосложением напоминал азиатских актеров боевиков.

Дарья сняла грязную блузку и скомкав ее, бросила в урну. – Вау, – не удержалась я, глядя на ее кружевной бюстгалтер и то что в нем находилось. Кажется, я начинаю понимать что Алекс в ней нашёл.

Дарья улыбнулась и даже подмигнула мне:

– Ответное вау!

Мы засмеялись и тут раздался ставший вдруг глухим голос Марата:

– Дамы, если вы сейчас начнете целоваться, ну или хотя бы потрогаете друг друга, хоть минутку, мой мазератти ваш.

– Придурок, – беззлобно сказала Дарья, а я поспешила поскорее надеть его толстовку, догадавшись, что несмотря на то что он отвернулся, в зеркало ему открывался отличный вид на наши прелести.

– Я серьезно, – не унимался парень. – У меня незакрытый гештальт! Клянусь вам, самое первое порно в моей жизни начиналось точно так же: школьная раздевалка, две любопытные красотки...

Мы с Дарьей одновременно закатили глаза и она попросила:

– Замолкни, пожалуйста, – и повернувшись ко мне, спросила:

– Так, теперь когда твоя одежда на мне и у тебя уже нет шанса передумать, я все-таки спрошу: зачем тебе это? Мы ведь едва знакомы!

– Алекс, – честно сказала я, понимая, что даже если бы у меня не было необходимости втереться в доверие к Марату, я бы все равно предложила ей свою блузку. – Так что можешь оставить слова благодарности для него, ему будет приятно. Он бы меня не простил если бы я просто прошла мимо.

– Спасибо, – сказала она серьезным тоном.

– Не хочется прерывать столь трогательный момент, – подал голос Марат, – но до конференции у тебя две минуты.

Дарья выругалась и рванула к выходу. Марат мне весело подмигнул и спросил:

– Ну что, принцесса, готова к выходу? Или просидишь здесь всю большую перемену, чтобы как можно меньше людей увидели тебя в этом «убожестве»?

– Только не говори, что это твоя любимая толстовка и назвав ее убожеством, я задела твои чувства. И нет, отсиживаться здесь я не собираюсь, я же говорила, что мне уже нечего терять.

– Тогда прошу, – он распахнул передо мной дверь и мы шагнули в переполненный коридор. Видимо, ему показалось недостаточным того факта, что мы вышли из женского туалета, поэтому он положил свою руку мне на плечо и так в обнимку мы и направились в столовую.

– Охренеть! Мне кажется, Дарья зря переживала насчёт своей блузки, она бы могла сейчас голышом идти за нами и никто бы не заметил. Каково это быть тобой, девочка-популярность?

– Думаешь, это только моя заслуга? Часто ты разгуливаешь по универу с девицами в своей одежде?

– Туше, – засмеялся он. – Ещё раз спасибо, принцесса. Если тебе когда-нибудь что-то понадобится от меня, не стесняйся.

– А сильно моветоном будет, если я прям сразу сейчас попрошу?

Марат удивленно вскинул брови:

– Жги, принцесса.

– Я слышала, у тебя на днях намечается вечеринка.

Мы зашли в столовую и я кожей почувствовала как все взгляды оказались прикованы к нам.

– Хочешь приглашение? Не вопрос, можешь подружку взять, особенно если она такая же красотка как ты. – Он бегло прошелся взглядом по занятым столам, в его глазах мелькнула озорная искра и он весело предложил: – Могу даже на колени встать, нам ведь и правда уже нечего терять! Ох, этот день становится все интереснее и интереснее.

И с этими словами он реально плюхнулся на одно колено посреди кафетерия и довольно громко зачитал мне приглашение на свою вечеринку.

А я вдруг подумала, что ещё месяц назад, я бы умерла на месте от такой клоунады, а сейчас вполне искренне смеялась и даже не думала что обо мне подумают окружающие.

Он вскочил с колен и обращаясь к нашей многочисленной публике, радостно объявил: – Ура! Она сказала да!!

Честно говоря, я рассчитывала, что мы пообедаем вместе и мне удастся незаметно расспросить его о пропавших девушках, но сразу после этого Марат помахал мне рукой и вышел из столовой. Разочарованная, я направилась к столику, за которым уже сидел Алекс с друзьями, вся компания взирала на меня с открытыми ртами. Да и не только они – оглядевшись, я поняла, что сегодня любопытных взглядов еще больше, чем обычно. Но, надо признаться, не все смотрели на меня с любопытством. Алиса, судя по всему, пыта-

лась испепелить меня взглядом и ничуть не скрывала свое раздражение.

– Что это было? – первым в себя пришел Булавин.

– Именно! – процедила Алиса. – Что это было, Полина?

– Это была я, спасающая честь Дарьи. В знак благодарности можешь поделиться со мной обедом, – сообщила я другу, нагло стащив с его круассан и повернувшись к Алисе поспешила добавить: – На честь Марата я не посягала, честное слово.

– Причем здесь Дарья? – удивился Алекс, а Алиса вздрогнула и даже немного вжалась в свой стул.

– Ты чего? – уставилась я на нее.

Алиса промолчала, а Алекс теперь буравил взглядом нас по очереди дожидаясь ответа. Я вкратце рассказала что произошло в уборной и Богдан разочарованно вздохнул:

– Эх, я уже успел представить себе гораздо более интересную историю.

– Прости, что разочаровала, – улыбнулась я.

А вот Алексу было не до смеха, он продолжал сверлить взглядом Алису и, наконец, произнес:

– Это твоих рук дело? Ты облила ее кофе?

От его голоса по коже пробежал холодок и я начала всерьез переживать за девушку. Булавин всегда производил впечатление беззаботного парня, такого себе золотого мальчика, который подбирает бездомных котиков и помогает обездоленным. Мало кто знал на что он способен в гневе, а

сейчас он именно в нем и прибывал.

– Я, кажется, говорил тебе оставить ее в покое, – отчеканил он.

– А я говорила ей оставить в покое Марата.

– Ты прекрасно знаешь, что Марат просто с тобой играет. Раньше тебя все устраивало.

– С Дарьей все по-другому, ему не пофиг, Алекс! – по ее щеке покатила слеза. – На всех остальных ему всегда было наплевать, я знала, что они часть игры. Ты можешь сколько угодно внушать себе, что они друзья, но ты их не видел сегодня! Ты не видел как он ее обнимал!

Если это и было новостью для друга, он виду не подал, а стойко продолжил защищать честь Дарьи:

– Алиса, я сейчас повторю в последний раз: оставь ее в покое. Даже не приближайся к ней, поняла?

– Иди к черту, Булавин! – Алиса поднялась и сделала попытку уйти, но Алекс схватил ее за руку и процедил:

– Ты никуда не уйдешь пока я не услышу что ты меня поняла.

– Успокойся, придурок. Я тебя поняла, я не буду приближаться к твоей драгоценной Дарье. Только давай сразу договоримся, никаких рыданий на моем плече, когда до тебя наконец дойдет, что они не просто друзья.

– Договорились, – пообещал Алекс и отпустил ее руку.

Глава 38

Вскоре прозвенел звонок и Богдан с Аленой тоже заспешили на пары. Я же решила прогулять и остаться с другом.

– Я не знаю о каких объятиях говорила Алиса, но они не выглядели парой. Ему определенно на Дарью не наплевать, тут она права, но...

– Я знаю, – сказал Булавин гораздо спокойнее. – Но Марат все равно мудака, что втянул ее в это. Он прекрасно знал как отреагирует Алиса.

– Что между ними, вообще, происходит? Я в курсе, что там какая-то давняя история, но что за игра?

– Не спрашивай, – мрачно ответил друг и закатил глаза. – Они раньше встречались, потом Алиса его бросила, вроде как после того как его отец разорился, но сама видишь, чувства еще остались, хоть и проявляет она их очень странным образом. Что там Марат чувствует я без понятия, особенно если учесть, что он меняет баб как перчатки, но к Алисе никого близко не подпускает, хотя и сам вроде как не особо претендует на ее постель. Короче, не отношения, а готовый сценарий мексиканского сериала...

Столовая постепенно опустела, народ разошелся по парам, остались только мы с Алексом и компания пятикурсников за столом у окна. Не успела я порадоваться, что Максим

и Глеб не в их числе, как они, словно двое из ларца показались у нашего столика.

Я закрыла лицо ладонями, в надежде, что они пройдут мимо, но кажется, лимит везения на сегодня я уже исчерпала.

– То есть, это правда... – угрюмо сказал брат разглядывая мой наряд. – Мои поздравления, ты добилась своего. Могу я спросить как или мне лучше не знать?

– Лучше не знать, – я выдала ему свою лучшую улыбку.

– Полина. Как. На. Тебе, Оказалась. Его. Одежда? – спросил Урицкий, чеканя каждое слово. И я вдруг поняла, что он злится. Не просто злится... Наши глаза встретились и я с удивлением обнаружила в его взгляде обиду или даже боль. Он что, реально думает, что я переспала со Скалаевым ради приглашения на тусовку? Ну или как минимум зажималась и он в порыве страсти оторвал пуговицы с моей блузки и как истинный джентльмен, отдал мне свою одежду. Нет, ну действительно, чего еще от меня ожидать?

Не знаю почему, но мне вдруг захотелось рассказать им правду, хотя по идее их мнение о себе меня уже давно не волновало.

Остается только догадываться какие картины они успели нарисовать в своем воображении, потому что оба вздохнули с облегчением и Урицкий, наконец, разжал кулаки, которые до этого сжимал так, что побелели костяшки.

– Каковы мои шансы отговорить тебя идти завтра на “Фаб-

рику”)? – поинтересовался брат, кажется, заранее зная ответ. Урицкий точно знал, поэтому лишь вздохнул и протянул:

– Не переживай, я присмотрю за ней.

– Это вовсе необязательно, я пойду с Алексом.

– Ты уже ходила в клуб с Алексом, напомнить тебе чем это закончилось?

Я вспыхнула вспомнив лифт, а Глеб поспешно добавил:

– Я не это имел ввиду, я говорил о террасе и том придурке.

Максим удивленно перевел взгляд с друга на меня, но вопросов не задавал.

– Можешь не волноваться, на этот раз никаких красных платьев, – успокоила я его.

– Можно подумать, проблема была только в нем, – пробормотал Урицкий.

– Ладно, мне нужно успеть хотя бы к концу конференции, – сообщил брат, – но перед этим мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз.

На конференцию? Это та, на которую так торопилась Дарья? Брату-то зачем встреча с потенциальными работодателями если он будет работать в фирме отца? Язык жгло от желания задать все эти вопросы, но я сдержалась. Макс давно дал мне понять, что не желает видеть меня в своей жизни, а значит и мне должно быть все равно.

– Можешь говорить здесь, у меня нет секретов от Алекса. Но сразу предупреждаю, если это касается очередного жени-

ха, то я за себя не ручаюсь, будь готов, что содержимое этого подноса полетит в тебя.

– Это не касается женихов, это касается последствий.

При этих словах, у меня земля ушла из под ног и я порадовалась, что сидела. Отец реально подослал его чтобы запугать меня еще больше? Может братец сейчас предложит мне выбор: добровольно ехать с ним в какую-нибудь навороченную клинику для реабилитации или ждать когда меня под белы ручки выведут санитары? Хотя нет, отец на такую показуху никогда не пойдет, он позаботится о том, чтобы об этом никто не узнал.

Лицо, еще минуту назад, пылающее как от пожара, сейчас, наверняка побелело, по-крайней мере я чувствовала как от него отлила кровь. Алекс с тревогой посмотрел на меня, а Урицкий, о присутствии которого я каким-то образом умудрилась забыть, непонимающе уставился на нас.

– Как хочешь, – пожал плечами брат и вытащил из своего рюкзака пачку денег. – На первое время тебе должно хватить. – Стопка пяти тысячных купюр приземлилась на стол передо мной и я перевела вопросительный взгляд на брата.

– Предлагаешь мне бежать из города? Все настолько серьезно?

– Что? – теперь настал черед Максима взирать на меня с недоумением. – Причем тут побег?

– Я думала ты хочешь помочь мне скрыться от отца, – ответила я. – Если дело не в этом, то нахрена мне твои деньги?

– Чтобы было на что жить. Зачем тебе бежать от отца? Он сделал свой ход и теперь ждет когда ты сама прибежишь к нему.

– Какой ход? – Меня, кажется, начало трясти. Он реально записал меня на реабилитацию, это не шутки...

– Полина, хватит валять дурака. Отец лишил тебя денег, я тебе их даю, что тут непонятного?

– Что? – Я всерьез начала опасаться, что мои глаза от удивления вывалятся из глазниц и через мгновение, когда до меня дошел смысл его слов, я почувствовала как где-то внутри зарождается смех и выплескивается из меня, словно цунами. Все напряжение, которое сковывало меня последние пару дней после разговора с отцом, испарилось и я не могла скрыть облегчения. Да, собственно и не хотела. Я продолжала хохотать и заикаясь пробормотала:

– Я боялась... Господи, он действительно всего лишь лишил меня денег?

– А ты не заметила, что твои карты уже второй день заблокированы?

– Не знаю... нет, – я попыталась вспомнить когда в последний раз платила за что-то. Вчера в столовой оплата не прошла, но я подумала, что дело в вечно неисправном терминале. Вечером, когда я подошла к администратору оплатить сессию с психотерапевтом, выяснилось, что Алекс про-

извел оплату заранее, а потом в кафе платил Урицкий.

– Выходит, зря он на меня наговаривал, не так много я и трачу, – сказала я уже спокойнее и придвинула пачку купюр обратно Максиму. – Твои деньги мне тоже не нужны, тем более, по сути они все равно принадлежат отцу.

– Полина, сейчас не время показывать гордость. На что ты жить собралась?

– Найду работу, – пожала я плечами. Конечно, я прекрасно понимала, что в ближайшее время моя жизнь круто изменится и прежней уже не будет. Возможно, случись этот разговор год назад, окна университетской столовой содрогались бы от моих рыданий, а не от смеха. Но сейчас мне это, действительно, казалось мелочью. “Мне не грозит психушка”, – как мантру повторяла я мысленно, – “мне не грозит психушка”.

– Серьезно? Какую, интересно? – голос брата отвлек меня от внутреннего ликования.

– Еще не знаю, но уверяю тебя, для того чтобы я взяла его деньги, мне как минимум должны отказать в должности уборщицы все конторы города. И даже после этого всегда остается панель, – мои губы расплылись в широкой улыбке.

– Какая панель с твоими данными? – встрял Алекс, – как минимум – эскорт.

– Спасибо, друг!

– Всегда пожалуйста, – улыбнулся он и подставил ладонь,

чтобы я “отбила пять”.

– Полина, блин, я тебя не понимаю. Чему ты, мать твою, радуешься?

– Тому, что он всего лишь заблокировал мои карты, поверь мне, я готовилась к худшему.

– Что ты имеешь ввиду?

– Какая разница, – отмахнулась я.

– Чем он тебе угрожал? – спросил Урицкий, хранивший до этого молчание.

Я не стала отвечать и лишь махнула рукой:

– Вам, кажется, пора. Мне еще надо разослать резюме и составить пару объявлений для Авито о продаже..., – я перевела взгляд на свою руку, – скажем вот этих часов.

– Это и есть твой план? – вскинул брови Максим. – Распродавать украшения?

– А почему нет? – удивилась я. Честно говоря, меня всегда удивляло в фильмах, когда герои, теряя работу или доступ к своим счетам, как я, сразу начинали голодать. Я думаю, моих брюликов хватит как минимум на несколько месяцев беззаботной жизни, да и работу, я действительно, планировала найти. – Тем более, мне нужно всего лишь протянуть до лета. Если ты вдруг забыл, меня ожидает наследство от бабки. Не думала, что когда-нибудь буду испытывать к ней светлые чувства, но молодец старуха, что заставила меня ждать до 21 года.

– Что насчет учебы? – поинтересовался брат. – Ты хоть

знаешь сколько стоит здесь обучение? Этот семестр оплачен, а вот следующий...

Об этом я, конечно, еще не успела подумать, но варианты все равно были:

– Возьму кредит. Или академ... ну или продам тачку на крайняк. Только подумать, что еще полчаса назад у меня была возможность заполучить “мазератти”...

– Это Скалаев, что ли расщедрился? – догадался Алекс. – Боюсь представить что он просил взамен.

– Зря боишься, готова поспорить, тебе бы понравилось, – усмехнулась я и подмигнула другу. – Мне всего лишь надо было поцеловать Дарью. Стоит ли уточнять, что эта великолепная идея посетила его когда мы с ней были в одном нижнем белье...

– Готов пополнить призовой фонд своей “бэхой”, – сказал Булавин мечтательно.

– Ставлю свой “мерс” туда же, – вдруг добавил Урицкий с насмешкой в глазах.

– И ты, Брут? – поинтересовался Максим и устало потер виски. – Я, конечно, понимаю, что преимущество не на моей стороне, но готов пожертвовать своей “ауди” лишь бы ты этого не делала.

– Можешь не переживать. Это будет моим запасным вариантом в промежутке между “отказали в должности уборщицы” и “эскортом”.

– Спасибо, – вполне искренне поблагодарил Максим и

убрав деньги обратно в рюкзак, сказал: – Мне действительно пора.

Я не стала напоминать брату, что мы его, в принципе, изначально не задерживали, а вместо этого повернулась к Урицкому и улыбнулась:

– Не разочаровывай меня, пожалуйста, скажи, что тебе тоже куда-то надо.

Он не ответил, но за другом последовал, окинув меня напоследок холодной синево́й своих глаз.

Глава 39

Алекс проводил взглядом удаляющихся парней и пробормотал:

– Богдан был прав, с твоим появлением жизнь в универе стала определенно интереснее.

– Боюсь представить куда бы я докатилась, если бы училась в этом корпусе с первого курса. Хотя, мы кажется выяснили, что во многом причиной моего занудства был Русеев.

– Ну да, Урицкий определенно на тебя лучше влияет, – усмехнулся Булавин и тем самым нарушил запретную тему.

– Эй, Урицкий на меня абсолютно никак не влияет. Мы с ним просто... – я устало положила голову на ладони и заключила: – Я не уверена, что готова к этому разговору. Тем более, я вчера почти два часа об этом разговаривала с психологом.

– Ого, – присвистнул Булавин, – вот так... с места в карьер? Я думал на первом сеансе вы только к первым детским травмам подберетесь.

– С детскими травмами и так все ясно, – пожалала я плечами, – а вот это... Я не знаю что между нами происходит. Точнее знаю, но не понимаю. Иногда мне кажется, что он все так же меня ненавидит, а потом он делает какую-то мелочь, проявляет заботу... да просто перестает быть мудаком хоть на пару минут и сердце сразу же пропускает удар. И в такие

моменты я себя презираю еще больше чем его. Ненавижу за то как реагирую на него, ведь я его до сих пор не простила, я все также его ненавижу... Тогда какого хрена, Алекс?

– Он ведь так и не знает, что тогда произошло?

Я помотала головой, и вдруг вспомнив вчерашний разговор, горько усмехнулась.

– У него ни капли сомнения, что он тогда поступил правильно, но не поверишь, он готов признать, что я изменилась...

Булавин поперхнулся кексом и откашлявшись, заметил:

– По идее, в этот момент ты могла бы рассказать ему правду и наслаждаться его реакцией. Уверен, это бы стерло наглую ухмылку с его физиономии.

– Думаешь, он тоже изменился?

– Хочется в это верить, – пожал плечами друг. – Ему тогда было больно... и за себя, и за твою маму, которая ему была как родная, и за тебя. Ничего удивительного, что он так ухватился за шанс выместить всю свою обиду на тебе. Не думай что я его защищаю, нет. Урицкий мудака и будь моя воля, я бы его и близко к тебе не подпустил...

– Твои слова поразительно похожи на то, что мне вчера сказала психолог, – заметила я, теребя прядь своих волос. – Она считает, что я не спешу рассказывать Урицкому правду потому что на подсознательном уровне понимаю, что нынешний Глеб не сможет простить Глебу-тогдашнему свое поведение и решит, что недостоин меня. И самое ужасное, что

я и сама понимаю, что еще как не достоин, но тем не менее, хочу растянуть то что между нами сейчас происходит на подольше... Это ужасно, да? То что я согласна перебиваться случайной близостью, боясь, что если поставлю на что-то большее, то потеряю и это?

– Нет, это не ужасно, – поспешно заверяет меня Алекс, – но даже если бы ты сделала что-то ужасное, я бы все равно был на твоей стороне. Я всегда буду на твоей стороне.

Булавин схватился за спинку моего стула и под аккомпанемент противного скрежета металлических ножек по кафелю притянул меня к себе. Я прислонилась к нему, моя голова оказалась на его груди и какое-то время мы просто сидели так, он меня обнимал, а я слушала ровный стук его сердца.

– Ты там спишь, что ли? – бесцеремонно поинтересовался друг.

– Прислушиваюсь к единственной стабильной вещи в своей жизни.

– Это ты сейчас стук моего сердца имеешь ввиду или урчание в животе из-за того, что кто-то сожрал весь мой обед?

Я подняла голову от его груди и с силой треснула ему по плечу.

– Ладно-ладно, прости, ложись обратно, – друг попытался снова притянуть меня к себе.

– Поздно, Булавин. Ты разрушил этот прекрасный момент. В любом случае, скоро конец пары, а я хочу поймать

Алену, чтобы расспросить ее о Марате. Изначально я, конечно, планировала обратиться к Алисе, но что-то мне подсказывает, что после сегодняшних событий она меня пошлет.

– Она бы тебя и раньше послала, – сказал Алекс с уверенностью, – особенно если бы узнала, что ты его в чем-то подозреваешь. У них странные отношения, да... иногда кажется, что они готовы убить друг друга, причем наиболее мучительным способом, но на деле они глотку порвут друг за друга.

– Да поняла я, поняла... Надеюсь, Алена будет более сговорчивой.

К сожалению, моим надеждам на сговорчивость Алены не суждено было сбыться. Хотя, может если бы она была одна, то мне бы удалось ее разговорить, но из аудитории они вышли вместе с Алисой и на парковку тоже направились вдвоем.

Я уже почти смирилась с мыслью, что придется идти на “фабрику” вслепую, когда вспомнила о Диане. Они с Маратом однокурсники, а значит она должна знать хоть мало-мальские подробности о его жизни. Тем более, я обещала пригласить ее на “разбор гардероба”, почему бы не совместить приятное с полезным?

Глава 40

Диана заявила ко мне через несколько часов с большой коробкой наперевес. Внутри были изумительные пирожные из моей любимой кондитерской.

– Это чтобы задобрить тебя и выманить побольше нарядов, – заговорщицки подмигнула она.

– Как быстро ты нашла ключ к моему сердцу, – я приняла коробку и поинтересовалась: – Чай или кофе?

Диана выбрала кофе и я отправила ее мыть руки, а сама направилась к кофемашине.

– Прикольная квартира, – заметила она. – И главное, близко к универу. А я каждое утро как минимум полчаса трачу на дорогу.

– Да, – согласилась я рассеянно, потому что вдруг подумала что понятия не имею сколько стоит арендная плата и когда ее надо вносить. Вполне возможно, что вскоре меня ждет переезд.

Диана, к счастью, смены моего настроения не заметила и продолжала с упоением рассказывать о предстоящем концерте.

– Подожди, – перебила я ее, осознав, что выступление состоится завтра. – То есть, ты на “фабрику” не пойдешь?

– Пойду. Туда все равно раньше 10 нет смысла соваться, я

думаю, к 11 уже освобожусь, как раз веселье только начнется. А что? – Ее лицо виновато поникло, – Блин, если хочешь приглашение, то прости... это реально не в моих силах. Скалаев из универа редко кого зовет и только при условии, что ты на пятом... Честно, если бы я могла, я бы тебя привела...

– Приглашение у меня уже есть, – призналась я, вспомнив, что не видела Диану сегодня в универе, а значит о нашем “перфомансе” она не в курсе.

– Да ладно, – удивилась она. – Ты прикалываешься?

Я поведала ей о сегодняшних приключениях и она пожаловалась:

– Вот надо было мне именно сегодня прогулять! Такое шоу пропустила. Я представляю как все охренели когда Марат появился в кафетерии, там увечий себе вилками/ножами никто не нанес?

– Вроде нет, – пожалала я плечами. – А что в этом такого?

– Ты что, не в курсе? Он же никогда не ест в универе. Да и вообще, на людях.

– В смысле не ест? – удивилась я. – Не нравится столовая еда?

– Я вообще не уверена, что ему нравится еда в принципе. Это одна из его фишек, никто никогда не видел чтобы он ел.

Мои глаза, кажется, полезли на лоб. Чего-чего, а такого поворота я не ожидала. Да и не похож Марат на человека, у которого есть свои “фишки” как выразилась Диана.

– Он что, под вампира косит?

Диана, откусившая в этот момент кусочек эклера, закашлялась и засмеялась:

– Нет. Хотя признаюсь, на первом курсе это была одна из наших теорий. Хотя тогда он еще не был таким... – она замолчала, пытаясь подобрать слова, но потом махнула рукой и заключила: – таким странным, короче.

– Вот как раз об этом я и хотела поговорить, – я порадовалась, что мы так быстро подошли к интересующей меня теме. – Не поверишь, но до сегодняшнего дня я понятия не имела о существовании этого самого Скалаева. И после нашего триумфального появления в столовой все только и говорят о нем и о “Фабрике”, но по сути, ничего конкретного я не узнала, одни загадки и вопросы. Так что, только на тебя надежда, а то я уже начала сомневаться идти мне туда завтра или нет... – я решила, что Диане лучше не знать истинную причину моего интереса к Скалаеву и то что на “Фабрику” я бы пошла в любом случае, даже если бы мне сказали, что он там устраивает развлечения по типу “Голодных игр”.

– Определенно идти, – заверила меня девушка. – Хотя бы для того, чтобы стать первой третьекурсницей, которая туда попала.

– А как же Алиса? Она же не на пятом, но насколько я знаю, является частым гостем “Фабрики”.

– Алиса – это особый случай. Честно говоря, не удивлюсь,

что изначально “Фабрика” зародилась как способ привлечения ее внимания.

– Марат вдохновился “ Великим Гетсби”? – мои брови поползли вверх.

– Типа того, – усмехнулась Диана. – Но по сути, никто не в курсе что там у них произошло, ни она, ни он об этом не распространяются. Знаю только, что они раньше встречались, потом, когда бизнес отца прикрылся и его вроде даже посадили, Марат резко потерял свою привлекательность для Алисы. Мы тогда на втором курсе были, не знаю как он умудрился не вылететь из универа, но, скажем так, это был для него довольно сложный период. Хотя, может там не столько расставание виновато, сколько финансовый кризис и последующая смерть отца, плюс еще слухи разные ходили о том, что компания была лишь прикрытием, а его папаша чуть ли не наркобарон. Короче, сама понимаешь, не до учебы было... Я думаю, только из-за смерти отца преподы вошли в положение и на сессии его вытянули, а потом на третьем курсе мы все охренели... он и раньше-то был немного странным, а после летних каникул вообще с катушек съехал, тогда, в принципе, “Фабрика” и появилась.

– Окей, с Маратом понятно, что ничего не понятно. Расскажи тогда о “Фабрике”. Что в ней такого особенного? Мало, что ли, заброшек по городу? Сейчас по-моему, на каждом старом заводе – то клуб, то квесты какие-нибудь.

– Так, начну с самого главного, – сказала Диана с самым

что ни на есть серьезным лицом, – первое правило: все что происходит на фабрике, остается на фабрике.

– Очень оригинально, – не сдержалась я и в душе порадовалась, что Марат решил спланировать устав с девиза Лас-Вегаса, а не из “Бойцовского клуба”, например. Тогда бы первым правилом было никому и никогда не рассказывать о “фабрике” и я бы так и не узнала ничего путного.

– Боюсь представить что там такое происходит, что пришлось установить такое правило. – Может, Урицкий меня обманул и там все-таки устраивают оргии?

– На самом деле, ничего плохого там не происходит, – улыбнулась Диана. – Представь место, где тебе можно все... Если ты решишь станцевать на столе, никто и глазом не поведет, если напьешься и устроишь пьяный стриптиз, никто не вытащит телефон с камерой, если захочешь попробовать что-то запрещенное, никто и слова не скажет, если решишь переспать с кем-то, а то и со всеми, никто не осудит... это касается даже тех, кто в паре. Если им хватило ума прийти туда вместе, конечно...

– То есть, это что-то типа закрытого секс-клуба? – разочарованно протянула я.

– Нет, – усмехнулась Диана. – Просто я решила начать с самой приятной части. На самом деле, когда я сказала, что там можно всё, я это и имела ввиду: там можно набить морду любому и никто даже не заикнется о полиции и парни этим, кстати, очень часто пользуются. Я могу продолжать беско-

нечно, все зависит от твоей фантазии. Это на первый взгляд кажется бредом собачьим, но ты не представляешь насколько “Фабрика” пользуется популярностью в наших кругах. Сама вспомни, как часто мы себя сдерживаем, чтобы не дай Бог не скомпрометировать родительский бизнес и репутацию, а там... там все наплевать кто ты и сколько нулей на счетах твоих родителей. Я думаю, ты завтра очень удивишься встретив там много знакомых лиц, и я сейчас не наших студентов имею ввиду.

– Понятно, – сказала я, хотя на самом деле находилась довольно далеко от понимания, – еще правила есть или оно первое и последнее?

– Держаться подальше от третьего этажа. На втором этаже куча комнат если кому-то захочется уединиться, но третий этаж – это личное пространство Марата, он там живет и поэтому гостям вход воспрещен.

Я попросила Диану рассказать о тех вечеринках, на которых она успела побывать, но она напонила мне про первое правило и быстро сменила тему. Так что вскоре мы переместились в гардеробную, которую Диана буквально через пару минут окрестила “сокровищницей”.

– Вообще-то на завтра у меня уже есть наряд, но что-то мне подсказывает, что мой менеджер не будет против изменений, особенно когда я ей покажу вот это, – Диана провела рукой по черному платью, которое я шила специально для

именинной вечеринки мачехи. Помню, из-за обилия кружева и многослойной пышной юбки, Кирилл тогда назвал его “пеньюаром 17 века”.

– У тебя остался эскиз? Просто воображение мне сразу рисует подобные наряды для подтанцовки... Блин, повторюсь еще раз, очень жаль, что ты не хочешь заниматься этим профессионально, тебя бы завалили заказами. В общем, если после окончания универа, ты поймешь, что ошиблась со специальностью, не забудь позвонить мне, – засмеялась она.

– Могу позвонить прямо сейчас, – и видя непонимающий взгляд Дианы, продолжила: – В специальности я пока не разочаровалась, но скажем так, лишние деньги мне не мешают.

– Хорош прикалываться, – заявила она с обидой, – я на секунду даже поверила.

– Я не прикалываюсь, – заверила я ее. – Поссорилась с отцом и он решил преподать мне урок заблокировав все карты. Так что...

– Вау! – Диана кинулась мне на шею и крепко сжала в объятиях. – Это же круто! Я сейчас же позвоню Карине, она мой агент, помнишь я про нее говорила..., – она запнулась на секунду и даже треснула себя по лбу. – Блин, прости! Я понимаю, что тебе нифига не весело, не знаю что на меня нашло...

– Все нормально, – отмахнулась я. – Тем более, твой энтузиазм мне приятен, значит мои платья тебе действительно

нравятся.

– Не то слово, – заверила она, доставая телефон.

– Привет, не отвлекаю? У меня просто супер новости! Помнишь, я говорила тебе про подругу, которая шьёт офисные платья?

Через пару минут она завершила разговор и сообщила:

– Я дам Карине твой номер, обсудите все с ней. Только чур, меня не забывать! А то начнёшь шить для звёзд и скажешь, что я недостаточно крута для тебя!

– Не переживай, для тебя у меня всегда найдётся время! В чем ты, кстати, пойдёшь на «Фабрику»? Там какой дресс-код?

– Дресс-код называется «кто во что горазд», – усмехнулась Диана. – Но разумеется, каждый хочет выделиться. Так что, надевай что-нибудь пооткровеннее и не прогадаешь!

– Это достаточно откровенно? – спросила я, демонстрируя ей платье, которое сшила на прошлых выходных.

Диана, похоже, потеряла дар речи и несколько мгновений стояла с открытым ртом.

– Кажется, я впервые в жизни задумалась о краже. Или даже об убийстве. Так, срочно говори мне, кто в курсе, что я собиралась к тебе в гости? Камер в подъезде у вас вроде нет, но кажется, твоя соседка меня запомнила, смотрела на меня как на путану.

– Может, она узнала в тебе звезду? – предположила я. Хо-

тя, надо признать, неудивительно, что Диана привлекла внимание: ультракороткая юбка, высокие сапоги-чулки и розовый кожаный пиджак производили определенное впечатление.

– Ага, эта бабуля кроме Ротару, вряд ли кого из звезд знает, – засмеялась она. – У нас в подъезде тоже такая есть. Даже боюсь предположить что она обо мне думает... Вот серьезно, если в элитных ЖК есть такие персонажи, представляю что в обычных хрущевках творится, там без их ведома вообще ничего не происходит, тщательно следят кто во сколько домой вернулся, на какой тачке приехал, каких гостей встречал и все такое.

– Точно, – согласилась я с долей рассеянности.

Мы еще немного поболтали, я отдала ей чехол с платьем и несмотря на то, что она довольно настойчиво предлагала мне за него деньги, я решила, что плату буду брать за пошив новых нарядов, а не за прокат своих старых.

Закрыв за подругой дверь, я еще какое-то время обдумывала ее слова о любопытных бабках в подъезде. Интересно, полиция опросила жителей подъезда “проститутушной”? И если да, то когда? После того как я им рассказала про записку? Тогда, получается, прошло уже много времени и вряд ли пенсионеры вспомнили бы Марину. Эдуард Дмитриевич утверждал, что когда он вышел из подъезда, девушки уже не было. Такси он ей не заказывал, а если бы она сама вызвала,

то машина бы в любом случае не успела доехать за эти пару минут. Получается, она или ушла пешком или решилась поймать попутку.

Я попыталась вспомнить расположение домов в том районе. Мне кажется, или в доме через дорогу был какой-то магазин? Может, у них установлена камера? Хотя, наверняка полиция отработала все эти варианты. И что толку, даже если я увижу там камеру? Можно подумать, достаточно вежливо попросить и мне дадут посмотреть запись... если она вообще сохранилась после стольких дней.

Но несмотря на все эти разумные доводы, что делать мне там нечего, меня упорно тянуло к тому дому. Выглянув в окно, я поняла, что уже успело стемнеть, а значит визит лучше перенести на утро.

Глава 41

Утром мне написала Карина и мы почти полдня обсуждали совместное сотрудничество, я отправила ей кучу фотографий своих эскизов и часа полтора фоткала готовые платья, видимо, чтобы продемонстрировать, что Диана не преувеличивала мой талант. В итоге она попросила у меня эскизы нарядов для одной исполнительницы, имя которой мне ни о чем не говорило, и четырех девочек из подтанцовки. Все они, разумеется, должны были быть в одном стиле, но четких указаний мне не дали.

Я настолько увлеклась процессом, что до вечера так и не вспомнила о своих планах съездить к “проститутушной”, поэтому опять отложила визит на завтра. Тем более, я была уверена, что ничего полезного эта поездка не принесет и просто потеряю свое время.

Я уже начала собираться на вечеринку Марата, когда пришло заветное сообщение от Карины, что эскизы одобрены. Она мне скинула мерки и сроки, увидев которые пальцы сами потянулись набрать отказ, наряды требовались уже к следующей пятнице. К счастью, сразу после этого сообщения, пришло другое, в котором она озвучивала сумму, которую я получу и удивленно перечитав сообщение несколько раз, я поспешила написать, что согласна.

Времени на нормальную укладку у меня уже не было, поэтому я просто распустила волосы, надеясь, что платье с полупрозрачным корсетом возьмет все внимание на себя и на волосы мои никто даже не посмотрит.

Алекс появился у меня в начале десятого и с порога заявил:

– Если окажется, что приглашение распространяется только на тебя и подружку женского пола, отправимся домой вместе. Даже не рассчитывай, что я пущу тебя одну. В этом! – он выразительно посмотрел на мой наряд.

– То есть, если я сейчас переоденусь в платье монашки, ты останешься дома?

– Зная тебя, ты и в паранже найдешь приключения на свой зад.

– Точно. Так что во имя безопасности моего зада, будем надеяться, что Скалаев рядом с моим именем указал просто +1, а не “Полина Воронцова + красивая подруга”, хотя надо отдать должное, выглядишь ты сегодня сногсшибательно, – улыбнулась я.

Несмотря на то, что друг надел обычные черные джинсы и белую футболку без единой надписи, выглядел он как будто пришел ко мне прямиком с пляжа. Мне кажется, если бы мне сейчас пришло в голову запустить руки в его шевелюру, я бы

почувствовала запах морской соли и ветра.

– Можно подумать, вчера я выглядел хуже, – нескромно заметил Булавин. – Идем уже. Лично я собираюсь напиться, так что тачку не брал. Ты как, пить собираешься?

Я отрицательно помотала головой. На “Фабрику” я иду не ради праздного любопытства, хотя надо признать, оно конечно, тоже присутствует, а чтобы выяснить хоть что-то о Марате и для этого мне нужно будет ясная голова. К тому же, Урицкий тоже собирался прийти, а значит вполне возможно, что он опять позаботится о том, чтобы в моих напитках отсутствовал алкоголь. Эти мысли тут же притянули воспоминания о том вечере и, конечно, о том, чем он закончился. Почувствовав, что кожа на лице покрывается румянцем, я схватила длинный черный тренчкот и подтолкнула Алекса к выходу. Мысли о предстоящей поездке на лифте заставили мои щеки полыхать еще больше, но объяснять Булавину почему я вдруг решила пройти 17 этажей по лестнице у меня не было никакого желания, поэтому я покорно зашла внутрь и постаралась отвлечься.

– Ты не в курсе, Дарья будет?

Алекс пожал плечами: – По идее, такие вечеринки слегка не ее формат. Но если Марат решит и дальше использовать ее против Алисы, она вполне может прийти.

– Серьезно? Мне кажется, последняя реакция Алисы ее не особо порадовала.

– В том то и дело. Поэтому не удивлюсь, если она начнет играть свою роль с двойным рвением...

– Ты ведь не думаешь, что они..., – друг не дал мне закончить фразу и резко перебил.

– Не думаю. Но это не значит, что мне нравится смотреть на их фальшивый флирт.

Я решила не продолжать эту тему, тем более, что двери лифта открылись и мы отправились к выходу из фойе. Я полезла в сумку за брелком от машины и поэтому Урицкого увидела не сразу, а вот Алекс не скрывая веселья, сказал:

– Готовься! Мне кажется, он сейчас достанет браслет из орхидей, корсаж... или как эта хрень на американских выпускных называется? Может ты еще и лимузин заказал?

Вместо ответа Урицкий, оцупав меня взглядом с головы до ног, попросил:

– Пожалуйста, скажите мне, что под этим плащом есть какая-то одежда.

– О, даже не сомневайся, одежда есть. Но сразу предупреждаю, возможно, окажись она под ним голой, эффекта произвела бы меньше.

– В таком случае ей придется провести весь вечер в плаще, – оскалившись произнес мужчина.

– Спасибо за беспокойство, папочка.

Я сделала попытку обойти Урицкого, но он выставил руку,

преграждая мне путь:

– Помнишь, что я говорил об экологии? Тем более, тебе сейчас нужно экономить, ты цены на бензин видела? – добавил он с усмешкой. – Так что, предлагаю ехать на моей.

Алекс, стоявший у моей машины нетерпеливо прочистил горло и я упрямо направляясь к нему сказала:

– Если ты так беспокоишься о моих финансах, то можешь заплатить мне по тарифу такси.

Булавин распахнул для меня водительскую дверь, а Урицкий в этот момент скользнул на переднее пассажирское. Алекс наигранно воздел глаза к небу, но не стал спорить и сел назад. Включив навигатор, я начала вбивать адрес клуба, но Глеб остановил меня:

– Выезжай на проспект, дальше я подскажу.

Глава 42

Дорога заняла около сорока минут и за это время Глеб успел несколько раз спросить у меня о моих планах. И видимо, мой ответ “разберусь на месте” его не удовлетворил, потому что тему он так и не оставил.

– Ты рассчитываешь найти труп пропавшей девушки в подвале?

– А там есть подвал?

– Не знаю, – натяжно вздохнул Урицкий. – Но что-то мне подсказывает, что если бы был, то ты бы туда обязательно сунулась.

– Диана сказала, что доступ на третий этаж запрещен, – начала я. – Уверена, что если Марат что-то и скрывает, то я найду это там.

– На третьем этаже его спальня, – процедил Урицкий. – И насколько я знаю, существует только один способ туда попасть.

От его голоса, слишком сухого и напряженного, все тело покрылось мурашками. Я вижу как он с силой сжимает свои челюсти и на скулах подрагивают желваки. Да, в черно-белом мирке Глеба Урицкого я вполне способна ради нужной информации прыгнуть в постель к малознакомому парню.

Я бы хотела сказать, что такое недоверие меня не трогает, но это было бы ложью. Каждый раз, когда я думаю, что

у нас с ним есть хоть малейший шанс, он напоминает мне о реальном положении дел. А правда такова: несмотря на все свои сексуальные намеки и даже выраженную ревность, он все еще считает меня охотницей за всеобщим вниманием и, судя по всему, шлюхой. В общем, Глеб в очередной раз дал мне понять, что все что между нами происходит, это исключительно физиология... Большого я, разумеется, не достойна.

Оставшееся время в машине царит напряженная тишина, даже Алекс не предпринимает попыток разрядить обстановку и я испытываю самое настоящее облегчение, когда мы, наконец, подъезжаем к зданию бывшей фабрики. Парковка сплошь утыкана дорогушими тачками и я едва нахожу свободное место для своей “ауди”.

На входе, вместо привычного амбала-вышибалы, нас встретила миловидная девушка в джинсах и кожаной куртке. Мы назвали свои фамилии и она, сверившись со списком на клипборде, пропустила нас внутрь.

Первым приятным сюрпризом становится отсутствие оглушающей музыки; из динамиков доносится громкий, но не бьющий по ушам, рок, кажется, что-то из “Нирвана” и я вижу, как Булавин одобрительно качает головой в такт музыке. Гардеробная, как таковая отсутствует, но слева у входа в стену вбиты разнокалиберные крючки. Парни снимают

свои куртки и Булавин глядя на меня, говорит:

– Ну, подруга, жги!

Я чувствую на себе пристальный взгляд Урицкого, но покорно развязываю пояс тренчкота, стягиваю его с себя и передаю другу. Рот Глеба растягивается в удивленную букву “о” и он беззвучно втягивает воздух. Я же, облизывая пересохшие губы, почему-то мыслями сразу переношусь на трек и на то, что произошло в закрытом боксе. Жаль, что находилась спиной к нему и не видела выражение его лица когда он был во мне. “Господи, только таких мыслей мне сейчас не хватало”.

Звук приближающихся голосов выдернул меня из нахлынувших весьма некстати воспоминаний и в следующее мгновение я уже с улыбкой приветствовала подошедшего к нам Марата. Он был одет все в те же рваные джинсы и серую футболку с красочным единорогом. Он что, в детском отделе одевается? Хотя, даже с его худобой это был бы перебор, скорее всего он просто только что вылез из постели с какой-нибудь красоткой и впопыхах перепутал футболки.

Илону и ее подругу, подошедшую к нам вместе с ними, я решила проигнорировать, тем более что первая сразу повисла на шее у Урицкого и визгливым голосом пропищала как она счастлива его видеть.

– Рад, что ты не струсил, принцесса, – подмигнул мне

Скалаев. Его взгляд абсолютно бесстыдно прошелся по моему наряду, задержавшись дольше, чем нужно на россыпи цветов, украшающих откровенный лиф корсета. – Если что, мое предложение все еще в силе. Дарья уже здесь, так что... пару коктейлей для смелости и “мазератти” ваш.

– Марат, не нарывайся, – Урицкий впился в него суровым взглядом. На шее дергается кадык, а плечи напряглись будто сами собой. О да, “Мистер – пока сам не натрахуюсь вдоволь, не подпущу к ней никого” снова в деле.

Скалаев с любопытством перевел взгляд на Глеба, потом повел носом в его сторону, словно принюхиваясь и с веселой улыбкой заметил:

– У тебя новый парфюм, Урицкий? Знакомый запах... называется “Сексуальное напряжение” если я не ошибаюсь, да? Очень стойкий аромат. – В темных глазах отчетливо видны озорные искры.

Его веселье тут же прервал голос Илоны.

– Полина – младшая сестра Макса Воронцова. Для Глеба она тоже как сестра.

– Остается только порадоваться, что “как”, – весело замечает Скалаев. – Я слышал, что у аромата под названием “Инцест” запах не такой приятный.

В следующее мгновение его взгляд уже переместился на Алекса и потом опять на меня:

– Я смотрю, у нас с тобой разные представления о “кра-

сивых подружках”, – заметил он и прищурившись, серьезно добавил: – Булавин, веди себя хорошо, ок?

Алекс кивнул, словно понял, что в этих словах было какое-то тайное послание. Хотя, может и было, Марат же сам сказал, что Дарья уже здесь, а значит скорее всего его предупреждение касается напрямую нее.

Решив, что мы уже достаточно долго толпимся у входа, я подхватила Булавина под руку и направилась в середину зала. О том, что Урицкий за нами не последовал, а остался в компании Илоны и ее подруги, я старалась не думать.

Осмотревшись, я поняла, что Скалаев не особо парился с оформлением интерьера. И если люди сейчас готовы отвалить огромные деньги за воссоздание стиля “лофт” в своих домах, здесь все было очень даже аутентично. Бетонный пол, металлические балки под высоким потолком и потертые временем стены.

Помещение было огромным, какие-либо перегородки отсутствовали. Вряд ли массивные бетонные колонны можно было назвать таковыми. Но для себя я отметила несколько зон: у левой стены была огромная барная стойка, за которой ловко орудовал бармен, рядом с ней – пространство с диванами и несколькими столами, чуть дальше от нее зона, усыпанная мягкими креслами-мешками и кажется, игровыми приставками. Неужели люди реально приходят сюда тупо поиграть?

В центре зала было свободное пространство, надо полагать, для танцев, и небольшая сцена у стены. В данный момент на возвышении танцевали две полуголые девицы, но понять приглашенные ли они артистки или просто гости, я так и не смогла.

Глава 43

Алекс отправился за напитками, а я осталась стоять посреди зала, осознав, вдруг, что абсолютно никого здесь не знаю. Я видела несколько знакомых лиц из универа, но никого, с кем бы я была знакома лично и могла бы поговорить.

– Ты, наверное, думаешь, что очень особенная, раз получила индивидуальное приглашение от Марата... несмотря на тот факт, что еще не доросла до местных развлечений.

Я обернулась и увидела Алису, выглядела она сногшибательно – изумрудное платье, черные лодочки и судя по прическе, у нее, в отличие от меня хватило времени на укладку. И хоть ее слова были далеки от радушного приветствия, злости ни в голосе, ни во взгляде не было.

– Вообще-то, мы с тобой одного возраста, – напомнила я.

– На этом наше сходство и заканчивается, – грустно улыбнулась она. – Каково это, всегда добиваться своего?

Мои глаза произвольно округлились, когда я поняла, что она задала этот вопрос на полном серьезе.

– Только не говори, что завидуешь тому как я мастерски добилась того, что моя жизнь превратилась в полное дерьмо, – засмеялась я. – Нет, серьезно, я рада, что произвожу впечатление человека, у которого все круто. Годы тренировок, и все такое...

– Тогда поделись секретом этих самых тренировок, – все

тем же пустым голосом попросила она, – потому что как я ни пытаюсь убедить всех и себя в первую очередь в том, что у меня все отлично, какие стены ни возвожу, все рушится как только появляется он. – Алиса не уточнила кого имеет в виду, но я и так поняла, что речь идет о Скалаеве.

– Тогда, может, стоит избегать его появления? Ну или хотя бы самой не появляться там, где точно будет он?

Вряд ли Марат силой затащил ее на “Фабрику”, а значит прийти сюда было ее личным выбором. Так что, мне сложно было проследить логику ее претензий.

– Если бы все было так легко. Поверь мне, я пробовала. – И еще до того как я открыла рот, чтобы спросить ее что конкретно она имеет ввиду, Алиса, не прощаясь, направилась в сторону барной стойки. По дороге она встретила Алекса, но тот лишь смерил ее равнодушным взглядом и не здороваясь, прошел мимо.

– Долго ты собираешься на нее злиться? – поинтересовалась я, принимая стакан с безалкогольным мохито из его рук. Сделав глоток, я едва не задохнулась от вкуса мяты и мыслей о том, с кем этот запах у меня прочно ассоциировался. С подозрением посмотрела на друга, но он излучал саму невинность. Да и откуда ему знать, как пахнет Урицкий... это уже чисто моя паранойя.

– Еще не решил. Но Алиса переступила черту и она это

знает.

Окинув взглядом помещение, я увидела, что Глеб все еще стоял в компании Илоны, правда, сейчас к ним присоединились еще несколько человек, но это абсолютно не мешало Илоне время от времени поглаживать его предплечье.

– Если честно, мне ее немного жалко, – призналась я. – когда ты говорил об их взаимных мучениях, ты сказал что они оба получают от этого удовольствие. Так вот, официально заявляю, что она не выглядит как довольный жизнью человек. А Марату, по-моему, пофигу.

– Тот факт, что он втянул сюда Дарью, говорит о том, что ему далеко не пофигу. Если быть чуточку смелее в своих предположениях, я бы даже сказал, что он запаниковал. Алиса, кажется, пыталась соскочить с этих эмоциональных качелей, ну или просто смирилась что он тащит в постель всех подряд и перестала особо реагировать... И тогда в ход пошла тяжелая артиллерия.

– Ладно, – я махнула рукой, поняв, что вряд ли пойму их отношения, в своих бы разобраться. – Давай веселиться. Ну или хотя бы сделаем вид, что веселимся. Мне нужно усыпить бдительность Урицкого и Скалаева.

– Ты серьезно собираешься устроить обыск в его спальне? – вытращил глаза Алекс. – Я думал, ты это сказала, чтобы Урицкий понервничал.

– Булавин, я сюда притащилась не для того, чтобы по-

смотреть как развлекается “золотая молодежь” нашего города. Вполне возможно, что на третьем этаже есть еще комнаты, кроме спальни. Вряд ли он хранит что-то важное там, куда каждый день тащит новую девушку.

– Не хочу звучать как Урицкий, но что конкретно ты считаешь там найти? Не труп же?

– Очень надеюсь, что нет. Боюсь, мой внутренний детектив не такой матерый, как хочет казаться и я моментально потеряю сознание при виде тела.

– Радует, что ты это осознаешь. Я уже успел подумать, что ты реально возомнила себя кем-то вроде Эркюля Пуаро. Ладно, пойдём усыплять бдительность.

И с этими словами друг потащил меня в сторону одного из столиков, за которым сидели трое парней и две девушки. Они оживленно обсуждали какой-то концерт в Питере, но когда мы подошли, двое из них радостно поприветствовали Булавина и предложили нам присоединиться.

Одного из парней я узнала, это был Родион Краснов, пару лет назад мы встречались с ним на официальном приеме, куда меня притащил отец. Он тоже меня узнал и следующие часа пол мы обсуждали общих знакомых и его бизнес. Поначалу я удивилась, что в свои двадцать три у него уже есть сеть довольно крупных гостиниц, но потом вспомнила, что его отец – известный политик и удивление мигом улетучи-

лось.

Вскоре Юля, одна из девушек за нашим столом, предложила пойти потанцевать и я с радостью последовала за ней.

На какое-то время мне, действительно, удалось отвлечься и забыть о важной миссии. Несколько раз я встречалась взглядом с Урицким, но он предпочитал отсиживаться за одним из столиков в компании своих однокурсников.

Когда заиграла медленная мелодия, Алекс протянул мне руку и мы закружились в довольно неуклюжем, но приятном танце. Я заметила как плечи Булавина резко напряглись под моими руками и проследила за его взглядом. У одной из колонн стояли Марат и Дарья, девушка прижималась спиной к бетонной поверхности, а руки Скалаева были на ее талии. Они довольно мило о чем-то беседовали и надо признать, это выглядело очень естественно. Если они и продолжают “играть” чтобы позлить Алису, у них это очень хорошо получается. Я обвела взглядом зал в поисках той, для кого по идее, предназначалось представление. Она стояла у другой колонны и потухшим взглядом наблюдала за происходящим.

Первым не выдержал Алекс, он скинул мои руки со своих плеч и на мгновение я успела испугаться, что он сейчас подойдет к этой парочке и начнет требовать прекратить этот спектакль, ну или в лучших правилах мелодрам, заключит в объятия Алису, чтобы позлить Скалаева в ответ.

Но Булавин резким шагом направился к барной стойке. Я знала, что в такие моменты к нему лучше не лезть с разговорами, но и оставлять его одного мне не хотелось, поэтому я последовала за ним. Какое-то время мы просто молча сидели и я смотрела на то, как Алекс поглощает один бокал за другим.

Через какое-то время к нам подошел Глеб и со своей фирменной ухмылкой сказал:

– Топишь горе на дне бутылки?

Я раздраженно вздохнула и мы с Алексом одновременно ответили:

– Урицкий, отвали.

Тот только заржал и уже серьезным голосом сказал:

– Если что, представление уже закончилось и Дарья отправилась на второй этаж. – Он выразительно посмотрел на Булавина и на всякий случай добавил: – Одна.

Алексу не надо было повторять дважды и оставив недопитый стакан на барной стойке, он погладил меня по плечу и удалился.

Глава 44

Я осмотрела зал в поисках Скалаева и увидела его недалеко от сцены, он с ядовитой насмешкой что-то говорил Алисе. Ее лицо, и до этого выглядящее не особо счастливым, сейчас перекосило от злости. И меня опять накрыло непонятной волной жалости к ней. Я сама не могла понять откуда взялось это чувство, мы не были подругами и я не знала и половины их “долгой и сложной” истории, но смотреть на ее страдания было неприятно.

От размышлений меня оторвал голос Урицкого, раздавшийся слишком близко со мной. Я вздрогнула, осознав, что он придвинулся почти вплотную ко мне и говорит в самое ухо:

– Если бы я знал, что твоим планом будет просто танцевать и развлекаться, я бы потратил гораздо меньше нервных клеток, Шерлок.

– Эй, я пытаюсь усыпить бдительность Скалаева, – возмутилась я, стараясь не выдать как на меня действует его близость. Несмотря на то, что в помещении было довольно тепло, моя кожа тут же покрылась мурашками, а корсет был в шаге от того чтобы разойтись по швам от того как вздымалась грудь от участившегося дыхания.

– Серьезно? Что-то мне подсказывает, что ему сейчас определенно не до тебя. Хотя надо отдать должное, твое пла-

ть произвело на него неизгладимое впечатление. Признайся, ты купила его в секс-шопе?

– Это хенд-мейд, – сказала я холодно, – так что если ты хотел купить такое же для своей подружки, вас обоих ждет облом.

– Для подружки? – вполне искренне удивился Урицкий. – Это для которой?

– О, так у тебя их несколько? Лично я имела ввиду Илону, но если ты хочешь заказать одинаковые платья для всех своих подруг, то в принципе, можем обсудить условия. Но на скидку по опту можешь не рассчитывать, сразу предупреждаю.

– Мне кажется, или ты ревнуешь? – он смешно сощурил глаза.

– Кажется, Глеб, кажется, – я постаралась скопировать его же выражение лица и, увидев в толпе Диану, не прощаясь направилась к ней.

К тому моменту, когда я ее догнала, она уже стояла в компании Марата. Ничуть не смущаясь тем, что прерывает их разговор с Алисой. Увидев меня, она радостно бросилась мне на шею и рассматривая мой наряд одобрительно кивнула.

– Ты все-таки решилась его надеть! Ну что, она произвела фурор? – спросила Диана у Марата и Алисы.

– Еще какой, – засмеялся Марат. – Мне кажется, Урицкий

до сих пор в себя прийти не может.

– Вот как? – удивилась Диана. – То есть мне не показалось?

Я не успела спросить ее о том что конкретно ей там показалось, потому что Марат, вдруг, хлопнул в ладоши и торжественно произнес:

– Кажется, я знаю как сделать этот вечер еще более незабываемым.

– Да куда уже больше, – я выразительно посмотрела на него, – вы с Дарьей постарались, чтобы этот вечер впечатался в нашу память навечно.

Марат смерил меня холодным взглядом, из которого разом пропала усмешка, как будто я ступила на запретную территорию и произнес:

– Поздравляю, принцесса! Ты выиграла право первого танца.

Диана весело пропела что-то вроде “оу, оу”, а я спросила:

– Боюсь, мое платье мало походит на свадебное, поэтому придется тебе найти другую партнершу.

– Мне? – Марат вытаращил на меня глаза и засмеялся. – Ты что, думаешь, я тебя приглашаю на танец?

– А что, нет? – теперь я чувствовала себя полной дурой.

Первой надо мной сжалилась Диана и пояснила:

– Право первого танца – это одно из правил “Фабрики”. Тот, кто приходит сюда впервые, должен станцевать хотя бы один танец на сцене. И это касается всех девушек, без ис-

ключений.

– Seriously? – Я не могла поверить своим ушам. – И что, это прямо все делают?

– Да, – весело ответила Диана. – Эй, никто не просит тебя танцевать стриптиз. Хочешь, я с тобой поднимусь? Вместе веселее!

Я перевела подозрительный взгляд на Марата:

– И что, из всех присутствующих, я единственная, кто еще не танцевал?

– Потрясающая проникательность, – похвалил меня Марат.

– Как насчет Алисы? – спросила я, вспомнив что Булавин говорил о ее увлечении танцами. Все трое удивленно уставились на меня, а Марат процедил:

– Она здесь не первый раз.

– Но она воспользовалась правилом первого танца? – не сдавалась я.

– Нет, – я удивилась, услышав веселье в голосе Алисы. – Мне не дали такую возможность.

– Вы же только что сказали, что это правило касается всех без исключений, – нахмурившись, напомнила я. – Мне бы не хотелось ущемлять права Алисы. Она здесь не впервые, а значит это по праву ее очередь.

– Принцесса, не нарывайся, – процедил Скалаев.

– О, – теперь настала моя очередь картинно округлять гла-

за, – погоди, ты боишься?

– Что? – Марат опешил от такой наглости с моей стороны. Но кажется, мой план сработал, потому что напустив равнодушия в свой голос, он добавил: – Чего мне бояться?

– Действительно, – я продолжала невинно хлопать ресницами, – чего тебе бояться? Так что, мы уладили этот вопрос? Я уступаю свою очередь Алисе, а сама обязательно разучу подходящие движения к следующему разу? – Ни я, ни Марат, не стали уточнять, что следующий раз у меня в его клубе вряд ли будет. И этот факт меня несколько не печалил.

Алиса растерянно переводила взгляд с меня на Марата, как будто не могла поверить, что мы так спокойно решаем ее судьбу без особого участия с ее стороны. Я боялась смотреть ей в глаза, потому что не была уверена что там увижу: гнев или благодарность. Наконец, мы встретились взглядом и я, впервые за вечер, увидела там озорные искры.

Скалаев в очередной раз одарил меня холодным взглядом, который не сулил мне ничего хорошего. Но уходить не спешил, напротив, придвинулся еще ближе к сцене, на которую с грацией лани взобралась Алиса.

Гости, до этого хаотично разбросанные по залу, начали тоже подтягиваться, будто с появлением на сцене Алисы, там включился огромный магнит. Марат смотрел на них безрадостно и даже с некоей долей раздражения. Что ж, если он

хотел приватный танец, надо было только попросить, уверена, Алиса бы ему не отказала. Теперь поздно пить боржоми, Скалаев.

Я бы могла злорадствовать бесконечно, но Алиса начала двигаться и какие-либо мысли из моей головы улетучились. Да, Булавин определенно не соврал, когда говорил, что танцы это ее стихия. Судя по выражению лиц остальных зрителей, все они сейчас думали о том же, о чем и я: “Скалаев попал”. С трудом оторвав взгляд от сцены, я посмотрела на Марата: этот танец явно был перебором для его нервной системы, мне кажется, он даже не дышал. Остается только удивляться, как это окружающих еще не снесло волной сексуального напряжения.

Сейчас был бы подходящий момент для Урицкого вернуть шутку про парфюм... кстати о подходящих моментах. По-моему, бдительность Скалаева как нельзя лучше усыплена. Думаю, даже если я начну подниматься на третий этаж в сопровождении военного оркестра, это не заставит его отвести взгляда от сцены.

Глава 45

Стараясь двигаться незаметно, я отделилась от толпы и пошла по направлению к лестнице. Железные ступени громыхали под моими ногами, хоть я и старалась наступать на них только носками туфель, но к счастью, музыка заглушала весь шум.

Проходя мимо пролета второго этажа, я услышала весьма характерные звуки, доносящиеся из-за закрытой двери... Что там Диана говорила про этот этаж? Комнаты для гостей? Судя по всему, некоторые гости сейчас активно пользуются гостеприимством хозяина.

Добравшись до конца ступенек, я оказалась в темном коридоре. Освещения здесь не было, но я смогла разглядеть две двери. Решила начать с дальней, дернула за ручку и застыла на пороге огромной спальни. И несмотря на то, что сама же говорила Булавину, что не рассчитываю найти ничего полезного в спальне Марата, я не сразу нашла силы сдвинуться с места и закрыть дверь. Помещение было огромным, одну стену полностью занимали окна от пола до потолка, но не современные панорамные, идущие монолитом, эти были с раскладкой на небольшие черные квадраты из старого дерева. Такое впечатление, что Марат абсолютно ничего не поменял со времен когда фабрика еще работала и здесь, навер-

няка, был какой-то цех. Только благодаря огромным окнам и лунному свету, проникающему сквозь них, я смогла разглядеть интерьер, потому что он был абсолютно черным. Низкая черная кровать с черным же постельным бельем, бетонный потолок и небрежно выкрашенные стены. Но удивляло не это, по обе стороны от кровати стояли четыре огромных горшка с цветами, хотя язык не поворачивался назвать этих зелёных гигантов так, то что росло в них было скорее похоже на деревья или хотя бы кустарники. Создавалось впечатление, что несмотря на огромные размеры помещения, Скалаев боялся, что ему будет недостаточно кислорода.

На секунду я запаниковала услышав шаги за спиной, но почувствовав знакомый запах мяты и кожи, я расслабилась и не оборачиваясь, сказала:

– Впечатляет, да?

– Думаю, на это и был расчет. Как говорится, чем больше девушку впечатлишь, тем шире у нее раздвинутся ноги.

В голосе Урицкого слышался скепсис, но взгляд от огромной кровати он, тем не менее, не оторвал. Я хотела уточнить где учат таким житейским мудростям, но в этот момент с кровати раздался злобный рык и показалась темная голова с острыми ушами. Вспомнив свою теорию о вампиризме Скалаева, я уже приготовилась к нападению оборотня или какого другого магического животного, но запоздало поняла, что это собака. Черная, разумеется. Я облегченно выдохнула и

прошептала:

– Это всего лишь доberman.

– Всего лишь? – зашипел на меня Урицкий и схватив мою руку, медленно оттащил от двери и аккуратно закрыл ее.

– Ну, моей первой мыслью было, что спальню Марата охраняет оборотень или вурдалак. Поэтому да, “всего лишь доberman”.

Глеб посмотрел на меня с сомнением, будто прикидывая, действительно ли у меня такой хреновый юмор или все же пора звать санитаров, но вслух ничего не сказал.

За второй дверью оказалось помещение поменьше, скорее всего здесь раньше был чей-то кабинет. Не удивлюсь, если и массивный деревянный стол остался от прежнего хозяина. Кроме стола из мебели здесь было только кожаное кресло и книжная полка у стены, на которой разнокалиберные книги стояли вперемешку с папками. Я решительно переступила через порог и направилась к столу, в надежде, что ящики не будут закрыты на ключ. Два из них, действительно, легко поддались когда я потянула за ручки, но содержимое меня разочаровало: стопка счетов, платежных документов и длинный провод, судя по всему, от ноутбука. Но самого компьютера не было. А вот нижний ящик был заперт на ключ и пошарив вокруг, я даже провела рукой по внутренней поверхности столешницы, в надежде что Скалаев в детстве смотрел те же детективные сериалы что и я. Но нет, дерево было аб-

солютно гладким, никаких ключей, приклеенных скотчем.

Я направилась к книжной полке, провела рукой по потрепанным корешкам книг – много классики, пару книг по экономике и одна полка полностью заставлена книгами по юриспруденции. Но сейчас меня больше интересовали папки, хоть я и понимала, что Марат должен быть полным идиотом чтобы держать здесь компрометирующую информацию, я решила довести дело до конца. На то, что я обнаружу папку с надписью “откуда у меня появились деньги” я даже не мечтала. К четвертой папке я поняла, что мне придется признать фиаско, если Марат и промышлял работоторговлей или каким-то другим незаконным бизнесом, информацию об этом он тщательно прятал. Удивительно, да?

Под насмешливый взгляд Урицкого, я тяжело вздохнула и поставила папку на место.

– Каков план Б, Шерлок? Привяжем Скалаева к стулу и будем пытаться? Или признаем, что детектив из тебя так себе?

– Я никогда и не говорила, что я хороший детектив. Зачем ты вообще пошел за мной? Чтобы злорадствовать?

– Если честно, я рассчитывал что кто-то попытается войти в кабинет и нам, в лучших традициях шпионских фильмов, придется изображать горячий поцелуй, чтобы сбить их с толку. Что? – он заговорщицки мне подмигнул. – Только не говори, что ты об этом не думала.

– Разумеется, не думала, – соврала я и провела языком по пересохшим губам.

Ухмыляться Глеб не перестал, но за движением моего языка следил довольно жадно. И вдруг, услышав тяжелые шаги со стороны лестницы, воздел глаза к потолку, пробормотал “наконец-то” и с силой притянул меня к себе.

Шок от столкновения с его горячим телом тут же затмило ощущение мятной прохлады на моих губах. Его настойчивый язык проник в рот и все здравые мысли разом улетучились, а в животе вспыхнуло пламя.

– Придурок, – прошептала я, жадно обхватывая его руками.

Сквозь барабанную дробь собственного пульса я услышала тяжелые шаги за дверью, кто-то спешно прошёл мимо, будто бегом и затем звук открывающейся и закрывающейся двери и снова тишина, в которой слабым эхом доносится музыка с первого этажа. И в этой тишине я отчетливо слышу как бьется сердце Урицкого, или даже не столько слышу, сколько ощущаю, потому что его грудь плотно прижата к моей и я всерьез начинаю опасаться за его здоровье. Да и мое собственное сердце трепещет в груди, словно пытающаяся вырваться из клетки птица и я, прилагая огромные усилия воли, отодвигаюсь от Глеба и хриплым голосом произношу:

– В коридоре больше никого нет.

Урицкий посмотрел на меня затуманенным взглядом, как

будто не сразу понял значение моих слов, а потом хриплым тихим голосом прошептал мне в самое ухо:

– Мне кажется, я слышу еще шаги.

И несмотря на то, что мы оба понимаем, что это неправда, я позволяю ему целовать себя глубоко и жадно. В какой-то момент я оказываюсь на столе, хоть и не могу вспомнить когда Глеб успел меня поднять. Его руки ощупывают мою спину, а губы, оторвавшись от моего рта, скользят к выступающей из корсета груди. Затем руки становятся требовательнее, перемещаются к моим ногам, поднимаясь все выше и он не сдерживая себя, начинает глухо постанывать.

Когда он отрывается от меня, продолжая тяжело дышать, создается впечатление, что мне перекрыли доступ к кислороду. Я пытаюсь сделать глубокий вдох, но вместо этого получается только хрип.

– Хочу тебя. Очень. – говорит он, гипнотизируя меня потемневшими от желания глазами. Я хочу пошутить про то, что уже как бы догадалась об этом, но с губ слетает лишь протяжный стон. Кажется, я еще не скоро буду способна на членораздельную речь.

И пока я раздумываю готова ли переступить черту и заняться сексом в чужом кабинете, куда в любой момент может кто-то зайти, Урицкий хватает меня за руку и нетерпеливо тянет в сторону двери.

Глава 46

Снова оказавшись на первом этаже, я на секунду замираю, запоздало понимая какой вид мы производим. Вряд ли для кого-то останется загадкой чем мы только что занимались, тем более, все наверняка, подумают, что мы спускаемся со второго этажа, а не третьего. Я ожидаю, что сейчас в огромном зале повиснет тишина и все уставятся на меня с осуждением, а Урицкому, наоборот, продемонстрируют что-то вроде “большой палец вверх”. Но, видимо, Диана не преувеличила, когда сказала, что всем абсолютно наплевать кто и чем занимается на “фабрике”. Да, несколько человек посмотрели на нас с интересом и тут же вернулись к своим разговорам будто им до нас нет никакого дела.

Я на ходу просканировала зал в поисках Алекса, но ни его, ни Дарьи я не увидела. Впрочем, Марат и Алиса тоже отсутствовали. Чем, интересно, закончился ее танец и чьи торопливые шаги в направлении его спальни мы слышали?

Все надежды на то, что прохладный ночной воздух меня отрезвит, улетучиваются, когда я понимаю, что жар, разливающийся из низа живота по всему телу, не дает мне почувствовать холод даже несмотря на то, что я просто накинула плащ, не потрудившись просунуть руки в рукава.

Урицкий забрал у меня ключи и распахнул пассажирскую

дверь. Я проскользнула внутрь и постаралась отключить сознание, которое начинало приходить в себя и настойчиво шептало: “что ты творишь, что ты творишь?”. Но потом Глеб положил руку на мое колено, проведя теплыми пальцами по голой коже и все мысли, здравые и не очень, улетучились.

Ауди неслась по тихим ночным улицам, наш вояж превратился в гонку от светофора до светофора. Поездку, занявшую у меня 40 минут, Урицкий сократил до 20. Вскоре мы уже тормозили в незнакомом ЖК и я поняла, что он привез нас к себе.

Свою дверь он открыл еще до того как заглох мотор и уже через мгновение я ощутила его ладонь в своей и он помог мне выбраться из машины. Придерживая за талию, он повел меня в сторону подъезда. Я уже мысленно приготовилась к дежавю в лифте, но в последний момент в кабину ворвался молодой мужчина с небольшим чемоданом и запоздало увидев наши лица, смущенно пробормотал “извините” и нажал на кнопку 11 этажа.

В кабине заиграла тихая музыка, а я перевела взгляд на зеркало. Да, представляю какое впечатление мы произвели на этого несчастного соседа. Припухшие губы, в глазах блеск, мой расстегнутый плащ не особо скрывал наряд, а черная рубашка Урицкого наполовину выбилась из брюк и, кажется, потеряла пару пуговиц. Через несколько секунд

лифт звонко дзынькнул и все присутствующие хором вздохнули с облегчением.

Мужчина вышел, а Урицкий, прижав меня к стене, запустил руки под мой плащ и сказал: – Осталось всего 4 этажа, потерпишь?

Я кивнула и запустив руку в его волосы, притянула его к себе ближе, подставив шею для поцелуя. Он успел провести влажную дорожку от моего подбородка до уха, слегка прикусил мочку и легонько шлепнув меня по задку, подтолкнул к выходу.

Захлопнув дверь квартиры за нами, Урицкий сорвал с меня плащ и подхватив на руки, пробормотал:

– Не подумай, что я плохо воспитан, но напитки и закуски я предложу позже. Боюсь, моей выдержки не хватит на то чтобы изображать гостеприимство сейчас.

– Я думаю, ты сможешь оказать гостеприимство другим способом.

– Можешь в этом не сомневаться, – усмехнулся он и потянул за кончик шнуровки корсета.

– Там сбоку молния, умник, – прошипела я.

– Хвала господу, – промычал Урицкий. – Я уже приготовился срезать эту хрень с тебя ножницами.

Я нащупала застежку, но Глеб убрал мои пальцы и сам потянул молнию вниз. Платье упало невесомым облаком к моим ногам и Урицкий с минуту разглядывал мое тело, на

котором из одежды осталась лишь тонкая полоска стрингов.

– У меня от тебя башку сносит, Полли, – хрипло процедил он.

От этих слов кожа густо покрывается мурашками и я дрожащими руками пытаюсь разделаться с оставшимися пуговицами на его рубашке.

Тогда, на треке, все произошло так быстро, что у меня не было времени толком изучить его тело, сейчас же я планировала наверстать упущенное и создать настолько четкую и подробную карту его тела в голове, чтобы когда все это закончится, (а то что наши странные отношения явно долго не протянут, у меня сомнений не было) у меня осталась собственная виртуальная версия Урицкого.

Судя по тому как его взгляд, а затем и руки блуждают по моему телу, Глеб думает о том же. Но надолго его выдержки не хватает и он легонько толкает меня на кровать, накрывая своим телом.

* * *

– Знаешь о чем я сейчас думаю? – спросил он, проводя пальцами по моей голой спине. От его прикосновений позвоночник натянулся струной и я выгнулась дугой.

– Что, опять? – картинно удивилась я. – Дай мне отдышаться.

Гортанный смех Урицкого разливается теплом в груди и он заявляет:

– Я, конечно, не против, но вообще-то я не это имел ввиду. Я думаю сейчас о твоих словах, что ты не изменилась. Мне кажется, это неправда. Из эгоистичной девочки, требующей всеобщего внимания, ты превратилась в восхитительную женщину, Полли.

– Что? – я не могу поверить, что он решил обсудить это именно сейчас.

– Ты изменилась, – повторяет он.

– Я не менялась, Урицкий. Это скорее ты собрал в охапку последние извилины и перестал смотреть на меня сквозь призму ненависти.

Я отстранилась от него, натянув на себя атласную простынь и закрыла лицо руками:

– Я не могу поверить, что мы действительно об этом говорим сейчас. Глеб, то что ты видел во мне только эгоистичную девочку, требующую внимания – это исключительно твои проблемы.

Он закатил глаза: – Я затеял этот разговор не для того чтобы обсуждать прошлое и былые обиды. Наоборот, я предлагаю забыть все, что произошло 4 года назад и двигаться дальше. Желательно вместе. По возможности, прямо в этой постели. Что мне нужно сказать? Что я тебя прощаю? Я тебя прощаю, Полли. Уверен, Макс тоже давно готов все забыть. И самое главное, твоя мама тоже...

Не дав ему закончить фразу, я вскочила с кровати, обмотав простынь вокруг себя. Мысленно считаю до 10, всеми силами пытаюсь сдержать подступающие слезы и тихо произношу:

– Я не хочу говорить об этом сейчас. Я понимаю, что когда-то придется, да. Когда-то тебе придется выслушать меня и осознать, что в этой истории отрицательный персонаж отнюдь не я. Но не сейчас.

Господи, не могу поверить, что он еще и маму сюда приплел... Что он хотел сказать? Что она бы тоже меня простила? Что она бы тоже хотела, чтобы мы обо всем забыли? “Макс тоже готов все забыть”... О да. уверена, узнай брат чем мы сейчас занимались, обиды четырехлетней давности бы отошли на второй план. Хотя по сути, какая разница – этим двоим не привыкать бить друг другу морды.

– А когда? – голос Глеба, пропитанный раздражением, возвращает меня к действительности. – Ты уже не первый раз намекаешь, что четыре года назад мои глаза, уши и все остальные органы чувств меня обманули. Хватит говорить бредовыми загадками! Когда ты поведаешь мне свою версию событий?

– Тогда, когда буду готова, что все это..., – я пространно махнула рукой в сторону кровати, – закончится. Давай отложим этот разговор на тогда, когда нам обоим надоест играть в эту игру и мы будем готовы вернуться к нашим прежним

жизням, хорошо?

К недоумению в глазах Урицкого прибавляется легкая досада, но он кивает и поднимаясь с кровати меняет тему:

– Помнишь, что я тебе говорил об экономии воды? Предлагаю прямо сейчас позаботиться об экологии.

– Боюсь, если мы вдвоем пойдем в душ, то слегка отвлечемся и за это время потратим столько воды, сколько пару африканских деревень не тратят и за год.

– Возможно ты права, но значит такой вот я хреновый экоборец если меня это не смущает.

Он подходит ко мне почти вплотную и жадно впивается взглядом в мое лицо, силясь прочесть мысли, затем притягивает к себе, накрывая мои губы поцелуем. И несмотря на то, что каждая клеточка моего тела восторженно трепещет от движений его языка, меня не покидает мысль, что этот поцелуй чертовски похож на прощание.

– Я не буду закрывать дверь. Так что если передумаешь, не стесняйся, – улыбается он.

– Буду иметь в виду, – я посылаю ему ответную улыбку, но как только он выходит из комнаты, собираю с пола свою одежду и направляюсь к входной двери, радуясь, что мы приехали на моей машине, а значит не нужно ждать такси.

Глава 47

Проворочавшись в кровати несколько часов, мне так и не удалось заснуть, поэтому я решила заняться делами. Надо было купить ткань для будущих нарядов и неплохо бы было хотя бы приступить к работе. Работа... так странно! Я до сих пор не могла до конца поверить, что у меня есть работа и от нее напрямую зависит качество моего существования. Да здравствует взрослая жизнь!

Уже в машине я вспомнила, что хотела пообщаться с жителями дома “проститутушной” и решила начать с этого, а то чего доброго, опять забуду.

Притормозив у нужного подъезда, я разочарованно заметила, что лавочка пуста и ни одной разговорчивой старушки в зоне видимости не наблюдается. Первым порывом было сразу уехать и попробовать в другой раз, но потом я решила все-таки подождать. Минут через пятнадцать к подъезду подошла пожилая женщина и с подозрением оглядела меня. В руках у нее был с виду тяжелый пакет и я, выдав ей лучшую улыбку, предложила помочь. Бабуля попыталась отмахнуться, сказав что живет всего лишь на четвертом этаже, но потом все-таки дала мне пакет, а я порадовалась своему везению, потому что квартира Русеевых тоже находилась на четвертом.

Несмотря на то, что все вокруг высмеивали мое увлечение детективами, именно из них я узнала, что желательно придумать какую-нибудь слезливую историю, чтобы надавить на жалость.

– Вы, случайно, не знаете, в 62 квартире сейчас кто-то живет?

Бабуля неодобрительно щелкнула языком и поинтересовалась:

– А тебе зачем?

– С вами, наверное, разговаривала полиция... по поводу исчезновения девушки.

И еще до того как у меня был шанс затянуть свою слезливую историю, в которой Марине отводилась роль моей пропавшей сестры, бабуля обиженно заявила:

– Не разговаривала. Я только в среду из больницы выпи-салась. Приезжаю, а Алексеевна мне такие новости рассказывает. А я ни сном ни духом. Можно подумать я в другом городе на курорте была, могли бы и проехаться два квартала, я бы им многое рассказала о том кто сюда шастает. Только штаны свои просиживают, работать никто не хочет.

– А когда вы в больницу попали? – Пусть перебивать было и невежливо, но я боялась, что тирада о ее недовольстве полицией может затянуться на пару часов.

– 28 сентября. Я каждую осень ложусь, как положено. Все лето на даче по грядкам ползаю, а осенью мне Анна Ивановна, участковая наша, всегда выписывает направление. Ох,

толку бы было от этой больницы, – вздохнула она, – вены все искромсали мне своими капельницами, а давление на месте, да и сердце уже ни к черту.

– А 25 сентября вы, случайно, не видели ничего подозрительного?

– Видела. Она за углом пряталась!

– Кто прятался? – опешила я.

– Да кто-кто! Девка эта, которая сюда шастала. Обычно выйдет, задом своим так виляет, что чуть с лавки нас не сдувает. А тут выбежала как эта... как ее, которая разъяренная?

– Фурия? – подсказала я.

– Точно! Так вот, выбежала, но не к дороге, где ее машина ждет обычно. Каждый раз разная, между прочим. А он на своей не везет, нет. В квартиру водит, а в машину не пускает, – вздохнула она. И я в очередной раз поразились бабулиной осведомленности. Все-таки, Диана была права, что от таких персонажей ничего не скроешь.

– А тут она за угол шасть, ну я и подумала, что пешком пойдет. Хотя куда ей на ее каблучищах пешком? В таких только так... до машины и обратно. В общем, ушла она вроде, и тут этот вышел... хахаль ее. Этот здоровается обычно, совести ж хватает, прости Господи. А тут выбежал, дверью хлопнул так, что окна во всем подъезде задрожали, в мою сторону не взглянул даже и в машину свою сел. Дорогая она у него, сразу видно. А ездит без водителя. Вот в фильмах всегда, если человек успешный, то его водитель возит. А этот

сам...

– Подождите, – я поняла, что если старушку не направить в нужное русло, она еще часа три будет рассказывать о фильмах, – Вы сказали, что она за углом пряталась.

– Пряталась! Я ж думала, что ушла она, на каблучищах своих. А он как уехал, она обратно вернулась, только к подъезду уже не подходила, у дороги стояла. Потом за ней машина приехала, она в нее села и все. Больше я ее не видела, а если Алексеевна правду говорит, то никто ее после этого больше и не видел! Получается, я последняя. Ох, и куда ж делась она?

– А в какую машину она села? Там была написала фирма такси?

Не знаю насколько долго в архивах хранятся данные о вызовах, но если знать каким именно сервисом она воспользовалась, то можно попытаться.

– Ничего написано не было, – задумчиво ответила старушка. – Только рисунок этот сбоку, маленький такой. Зонт красно-белый. У меня этот рисунок уже поперек горла стоит, внук целыми днями от компьютера не отходит. Сидит в своих наушниках, ничего не слышит. Я один раз посмотрела на экран, так неделю спать не могла, чудища эти потом снились. И этот, видать, еще один игрок. Но хоть на машину заработал, а мой... 20 лет, а ничего в жизни не надо, ни учиться, ни работать... Я в его возрасте уже...

– А что за машина была, не помните?

– Зеленая, – ответила бабуля. – Я в них не разбираюсь. Но не такая дорогая как у хахаля ее, дорогие сразу видно. Хотя, может не следит просто? У того-то всегда блестит, видно что человек заботится.

Следующие несколько минут я тщетно пыталась выяснить у нее хоть какие-то подробности о машине, но бабуля даже не смогла сказать седан это был или хэчбек.

Выходя из подъезда, я все еще не могла поверить своему везению. Это ж надо было наткнуться на такую разговорчивую бабулю. И хоть с описанием машины она не особо помогла, сколько таких зеленых тачек вокруг? Но хотя бы мы теперь знаем, что Эдуард Дмитриевич не солгал, и уехал он без Марины.

И пока я раздумывала позвонить следователю прямо сейчас или подождать до завтра, мне пришло сообщение от Булавина. Открыв текст я не сразу поняла что он мне прислал, но потом вспомнила, что просила его узнать информацию о Елене Еремчук, пропавшей подруги Оксаны.

Судя по сообщению, Лена никуда и не исчезала, училась на заочке в другом университете и работала официанткой в кафе. Я вбила адрес в навигатор и оказалось, что кафе находится буквально в двух кварталах отсюда. Что ж, видимо, сегодня апогей моей детективной карьеры.

Глава 48

Войдя в кафе, я решила осмотреться. Интерьер был довольно скромным – пластиковая мебель красного цвета, оранжевые стены и стойкий запах борща.

Есть здесь мне не хотелось, поэтому я сразу направилась к барной стойке, около которой болтали две официантки. Одна из них мне улыбнулась, протянула меню и предложила занять столик, но судя по бейджику на груди, это была не Лена. Я сказала, что хочу лишь кофе и уселась на высокий стул. Если девушка и разочаровалась, то виду не показала. Вскоре она отошла к другим посетителям, а я принялась разглядывать вторую официантку. Она стояла ко мне боком и бейджа с именем я не могла разглядеть. Но я решила попытать удачу и робко улыбнувшись, спросила:

– Здравствуйте, вы Лена?

Она повернулась ко мне и прочитав имя на ее груди, я поняла, что не ошиблась.

– Мы знакомы? – она старательно рассматривала мое лицо, силясь разгадать где могла меня видеть.

– Ещё нет. Но у меня у вас пару вопросов. Мы можем поговорить? – я с опозданием подумала, что надо было купить у метро корочку следователя, ну или хотя бы журналиста, чтобы было что продемонстрировать ей, но она с любопытством кивнула и я перешла к делу.

– Меня попросила вас найти ваша подруга, Оксана.

– Какая Оксана? – удивилась девушка и тут же спохватилась. – О Боже, Кармышина, что ли?

Я на всякий случай кивнула, запоздало сообразив, что не знаю фамилии той девчонки.

– Так вы типа частный детектив? – вытаращила она глаза и не дожидаясь моего ответа, продолжила: – Вот, Мелкая, даёт. Я, честно, говоря, о ней совсем забыла...

– Ну, она о вас до сих пор помнит и очень переживает. В университете пропала одна девушка и Оксана предположила, что ваше исчезновение может быть связано с этим делом.

– Мое исчезновение? – ее глаза снова округлились. – Хотя, для неё, наверное, это так и выглядело... Мне явно дали понять, чтобы в универе больше не появлялась, так что я забрала документы... и вот, я здесь. – В ее голосе чувствовалась горечь. – Надеюсь, Марат с Алисой счастливы и растят уже как минимум троих детей.

– Марат с Алисой? – теперь уже мои глаза полезли на лоб. – Это они заставили тебя уйти из универа?

– Кто ж ещё? Я посмела влезть в их отношения, и вот итог... Перевестись на бюджет я никуда не смогла, поступила на заочку и вот она, моя жизнь. – Она махнула рукой в сторону унылого интерьера кафе. – Господи, лучше бы я их никогда в жизни не встречала!

– Можно узнать что между вами произошло?

– Да ничего не произошло, хоть мне и очень хотелось, ска-

жу честно, – горько усмехнулась девушка. – Дурой я была! Иди-от-кой, – по слогам произнесла она. Втюрилась в Скалаева как сумасшедшая! Меня всегда тянуло на плохих парней, если честно, а тут прям комбо! Но, конечно, мешала Алиса, вся такая ангелочек при нем, но на деле высокомерная стерва каких свет не видывал. Потом они рассорились и вроде даже расстались, у него типа сложный период в жизни был и ее тонкая душа этого не выдержала. Ну я и подумала, что это мой шанс и залезла к нему в постель! Но ничего не было, – она подняла руки в примирительном жесте, – У нашей однокурсницы был день рождения, отмечали на чьей-то даче. Меня, честно говоря, не особо приглашали, но я сама напросилась. Он тогда перебрал немного, ребята оттащили его в спальню наверху. А у меня ума хватило лечь рядом, ещё и селфи сделать и выложить в инсту, и Алисе отправила фотку тоже... Эй, – увидев мое выражение лица, она поспешила добавить: – В своё оправдание могу сказать, что мне было восемнадцать, я была в стельку пьяна и... наверное, все-таки влюблена в этого придурка.

– Наутро, когда до меня дошло что я натворила, было уже поздно. Я удалила пост, но к тому времени его пол универа успело увидеть, а сколько репостов было... Ну а к концу дня мой аккаунт был удален без возможности восстановления, впрочем, как и все остальные соцсети, даже сим-карту он как-то умудрился заблокировать без возможности восстановления. Скалаев поставил меня перед ультиматумом: или

я сваливаю и никогда больше не появляюсь в его жизни, или мне несдобровать.

– Он вам угрожал?

– Можно и так сказать. Он умеет быть убедительным. И знаете, я ему почему-то поверила. Иногда смотрю на то, во что превратилась моя жизнь и думаю... ну что такого мне мог бы сделать этот мальчишка? А внутри все равно все сжимается и холодеет как вспомню его взгляд... В общем, передайте Оксанке, что я жива-здорова. Я с ней только в соцсетях общалась, не то чтобы близко, она меня даже раздражала иногда, как рыба-прилипала со своими расспросами о столичной жизни, но надо же... помнит до сих пор! А знаете что, дайте ей мой номер, – она быстро записала цифры и протянула мне листочек. – Мне даже интересно какая она сейчас, эта Мелкая. Она без матери росла, отец постоянно на работе, и несмотря на то что я больше со сверстниками тусовалась, она все равно ко мне как к сестре прикипела. Надо же, помнит до сих пор!

На этом мы попрощались и я отправилась домой переваривать полученную информацию. Как-то странно получается, если измены тогда не было, то почему сейчас Марат с Алисой не вместе? Да и по всему выходит, что Марат до сих пор пытается наказать ее за что-то... что весьма странно, учитывая, что “якобы измена” была с его стороны. Что-то мне подсказывает, что эта история лишь верхушка айсберга

и на самом деле между ними произошло что-то еще. Боюсь, правду знают только эти двое... Но в любом случае, к исчезновению Марины Марат вряд ли имеет отношение. По всему выходит, что на “Фабрику” я зря вчера ходила, хотя... если вспомнить чем закончился вечер, то может и не зря. Тело до сих пор приятно ныло и губы невольно расплылись в улыбке. Да, я определенно буду скучать по всему этому, когда оно закончится... Хотя, после моего вчерашнего побега, вполне возможно, что все уже закончилось.

Конечно, я понимала, что нам надо поговорить. Даже психолог говорила, что это неизбежно. Но момент Глеб выбрал самый неподходящий... Ну кто заводит такие разговоры, когда ты лежишь в чем мать родила после страстной ночи?

Представляю как бы я кричала на него выплескивая горькую правду, завернувшись в атласную простынь или как бы обсуждали прошлое принимая совместный душ. “Дорогой, тебе намылить спинку? Кстати, четыре года назад ты все не так понял и даже слушать меня не стал...”

Нет, такие разговоры следует проводить с холодным рассудком и не менее холодным сердцем, а этой ночью, надо признаться, все мои органы и части тела была раскалены добела.

Глава 49

Въезжая на парковку у своего дома, я с облегчением констатировала, что машина Глеба отсутствует, значит он взял такси и приехал за своей тачкой.

Я проверила телефон, но сообщений от него не было. То есть, не увидев мою машину на парковке, он даже не захотел убедиться, что я добралась до дома в целости и сохранности? Хотя... я даже засмеялась вслух, вытаскивая пакеты с тканью с заднего сиденья... мы ведь так и не обменялись номерами! Надо же до чего я докатилась. Урицкий тоже хорош! То есть, вбить в меня свой запах, от которого не помог избавиться даже сорокаминутный душ утром – это легко, а вбить свой номер в память моего телефона – это уже сложно.

Ладно, если я хочу хоть немного поработать сегодня, то мысли об Урицком лучше отложить. Я надела наушники, включила погромче музыку, чтобы заглушить шум от швейной машинки и принялась за работу.

Каждый раз садясь за шитье, я ругаю себя за то, что не делаю этого каждый день. Кому-то для расслабления нужна медитация, кому-то алкоголь, мне же необходимо видеть как скучный кусок ткани превращается во что-то большее.

К вечеру все пять юбок были готовы. С верхом я, конечно, провожусь гораздо дольше, один корсет исполнительни-

цы чего стоит, но у меня целая неделя впереди.

Решив заказать еду, я с ужасом обнаружила, что наличка практически закончилась, а значит завтра после учебы придется заглянуть в ювелирный. Я заранее приготовила браслет от отца с Алиной, который до сих пор лежали в подарочной коробочке со всеми документами. Украшения мне дарили часто, несмотря на то, что я почти всегда ограничивалась только кулоном, доставшимся мне от мамы и кольцом, которое родители купили мне в Париже, а значит с голоду я точно не умру. Тем более, шитье на заказ оказалось на удивление прибыльным делом. Но все же, надо начинать учиться экономить. Брат прав, мне еще за учебу платить. И за квартиру... Надо обязательно узнать сколько все это стоит, чтобы знать к чему готовиться. Я легко готова расстаться со всеми украшениями, но вот прощаться с любимой “ауди” бы не хотелось...

Утром перед парами мы довольно нормально пообщались с Кириллом, хоть и дружественной эту беседу было сложно назвать. Но хотя бы он уже не пытался обвинить меня во всех смертных грехах, и даже поведал, что еще в пятницу отца выпустили под залог. Я ему рассказала о своем разговоре с соседкой и несмотря на то, что он утверждал, что не сомневается в невинности отца, я видела что он вздохнул с облегчением, когда узнал что Марина села в другую машину.

Следующие десять минут до начала пары он возмущался о том, что полиция работает из рук вон плохо и это они должны были опросить всех соседей, даже если те находились не дома.

На большой перемене я раздумывала идти в столовую или нет, есть хотелось, но я знала как вести себя с Урицким. На какой стадии сейчас наши отношения: мы вернулись к ненависти? Мы вместе? Или мы игнорируем друг друга? Самым ужасным в этом было то, что я сама не знала какой вариант я бы хотела выбрать. Пусть, я и не испытывала к нему ненависти как раньше, но объявить себя парой я точно не была готова. Да и какой в этом смысл, если рано или поздно нам придется поговорить о том, что произошло четыре года назад и после этого наши недоотношения в любом случае обречены. Но одновременно с этим я понимала, что просто игнорировать друг друга как раньше нам тоже будет сложно.

Но видимо, судьба, видя мои колебания, решила все за меня.

Сначала в холле меня окрикнул Захаров и я с ужасом поняла, что в пятницу пропустила его семинар.

– Полина, здравствуйте! Как ваши дела?

– Здравствуйте, Евгений Львович.

– Мы не в аудитории, так что можете звать меня просто Евгений, – улыбнулся он. – Вы что-то решили по поводу кон-

тrolleyной? Нашли себе нового партнера?

– Нет, – я попыталась сделать разочарованное лицо. – Как я и думала, многие уже начали свои работы и меняться никто не захотел. Но не переживайте, я сдам все вовремя. Я думаю, мы с Кириллом сможем закончить проект вместе.

– Вот как? – удивился Захаров. – Вы... уладили свои разногласия?

– Можно и так сказать, – я улыбнулась, но поняв как можно истолковать мои слова, поспешила добавить: – Не в том смысле, мы не пара. Но контрольную сможем закончить, не переживайте.

Мужчина, кажется, вздохнул с облегчением и положив руку мне на плечо, улыбнулся:

– Вы всегда производили впечатление умной девушки. Я уверен, в следующий раз вы не ошибетесь в выборе партнера. Для контрольной и для жизни.

И пока я растерянно хлопала ресницами, Захаров убрал руку с моего плеча и попрощался:

– Хорошего дня. Вы знаете где меня найти если возникнут вопросы. Они не обязательно должны быть связаны с контрольной.

– Спасибо, – поблагодарила я и развернувшись, буквально врезалась в Урицкого.

– Какой милый разговор. Захаров тоже подозреваемый, или твой интерес вызван чем-то другим?

– Мой интерес? Урицкий, он мой преподаватель.

– Который жрет тебя глазами и мило поглаживает по плечу? Эх, пятый год здесь и мне ни разу так не везло с преподавателями, никто из них не спешил проявить такую искреннюю заботу под предлогом затащить меня в постель.

– Ты ревнуешь, что ли? – усмехнулась я.

– А мне можно? В нашей игре, как ты выразилась, есть такая опция? Боюсь, ты забыла ознакомить меня с правилами. Если не сложно, вышли мне их на почту, чтобы я больше не стоял в стороне как придурок пока тебя лапают другие мужики решая могу ли я набить им морду или это приведет к удалению с поля.

И не дожидаясь моего ответа, он сверкнув на прощание глазами, скрылся за поворотом.

Отлично! Урицкий, оказывается, разозлился, что я в субботу назвала наши отношения игрой. Хотя, может он обиделся, что вместо того чтобы присоединиться к нему в душе, я свалила в закат...

Ну и пусть обижается, заодно пусть подумает каково мне было смотреть на его обнимашки с Илоной.

О том чтобы идти в кафетерий речи, конечно, не было, поэтому, я направилась в уборную, а оттуда планировала пойти на парковку и осмотреть все зеленые машины. Вчера я погуглила символ зонта, о котором говорила бабуля-сосед-

ка, но выяснилось, что это довольно распространенный опознавательный знак любителей компьютерной игры “Обитель зла”, так что вряд ли это поможет мне или полиции. Но что-то мне не давало покоя. Вчера я целый вечер мысленно возвращалась к этому разговору потому что меня не покидало чувство, что я упускаю какую-то важную деталь.

Выйдя из кабинки я с прискорбием обнаружила, что путь к умывальникам мне преграждают Илона с подругой, той самой, которая словно верный бульдог сопровождала ее на “Фабрике”.

Надежды на то, что это случайность развеялись когда мы встретились с ней взглядом, у меня от него кожа покрылась мурашками, но виду я старалась не подать.

– Искренне надеюсь, что тебя посвятили в первое правило “Фабрики”, – холодно заявила Илона и на всякий случай напомнила: – Все что происходит на фабрике, остается на фабрике. А это значит, что все что там у вас произошло с Глебом, остается там.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, все-таки я не на юр-факе, в отличие от вас, но мне кажется, или вы только что грубо нарушили это самое правило?

Илона посмотрела на меня уничтожающим взглядом, но ответить ей не дал звук открывающейся двери.

В уборную вошла Дарья, если ее и удивила наша компания, то виду она не подала, прошла к зеркалу и достала из

сумки коробочку с румянами и помаду, промокнула немного потекшую тушь. Она что, плакала?

Подруга Илоны одарила ее презрительным взглядом и сказала:

– Если бы у меня хватало денег только на такую дерьмовую косметику, я бы лучше вообще не красилась.

– Точно, – подхватила Илона. – Лучше уже топить за естественную красоту как все фемки, чем пользоваться такой дешевкой.

Меня одолевали глубокие сомнения, что Илона в принципе была знакома с понятием “естественная красота”, если учесть количество филлера в ее губах, наращенные километровые ресницы и микроблейдинг на бровях и я уже готова была высказать свои мысли вслух, когда Дарья парировала передразнивая их голоса:

– Если бы у меня было столько же мозгов как у вас, я бы притворялась немой... Пять лет прошло, а вы так и не придумали ничего умнее, чем сравнивать наши финансовые возможности. Поверьте мне, я в курсе о состоянии счетов ваших родителей и о том какой косметикой вы пользуетесь. Но знаете в чем прикол? Сейчас это не имеет значения! Не знаю как у вас с этим обстоят дела, но моя кожа отлично выглядит и с дешевой косметикой, а к тому времени как мне придется прибегнуть к тяжелой артиллерии, я смогу себе позволить любой дорогой крем. И что характерно, мне для этого

не придется просить денег у папочки или у мужа.

Я не смогла скрыть улыбку, когда Илона с подружкой, цокнув языками в унисон пробормотали что-то о том, что у них разболелась голова от дешевых духов и ретировались из уборной. Bravo! Я хочу быть Дарьей Савельевой когда вырасту.

– Прости, что заставила твоих подруг так быстро исчезнуть, – ядовито произнесла она.

– Прощаю, – усмехнулась я, решив не отвечать на колкость, – особенно если учесть, что эти подружки, похоже, собирались устроить мне “темную” за то что произошло на “фабрике”.

Дарья лишь удивленно приподняла брови, как будто говоря “а что произошло на “фабрике?””. И я вспомнила, что ни ее, ни Алекса в зале не видела, когда мы с Глебом направлялись к выходу. Но вопросов Дарья решила не задавать, а я лишь порадовалась ее тактичности.

– Кстати, – она полезла в свою сумку и вытащила оттуда пакет с моей блузкой, – еще раз спасибо! Ты меня спасла! Я ее постирала, разумеется.

– А вот это зря, – заметила я, принимая пакет из ее рук. – Я бы могла продать ее Булавину и неплохо заработать.

Дарья улыбнулась уголками губ, как будто упоминание Булавина напомнило ей о чем-то приятном.

– Я бы извинилась, но ты не производишь впечатление че-

ловека, нуждающегося в деньгах.

– Это радует, – призналась я. – Не уверена, что смогла бы так мастерски отшить Илону и ей подобных если бы они узнали о моих финансовых проблемах.

– Погоди, ты серьезно, что ли? Ты же сестра Макса Воронцова, что-то случилось с фирмой родителя?

– Нет, с фирмой все нормально. Мои проблемы – это, так сказать, воспитательные меры. Не бери в голову, короче, – я начала мямлить, так до конца и не поняв с чего я вообще решила посвятить Дарью в свои проблемы.

Глава 50

Машины на парковке стояли ровными рядами и я поняла, что надо было уточнить у бабули оттенок зеленого, потому что здесь была изумрудная “киа”, салатовый “ситроен”, темно-зеленая старенькая “тойота” и даже джип цвета хаки. Понятия не имею что я рассчитывала найти, но решила осмотреть каждую. У “тойоты” я присела и обратила внимание на крыло рядом с лючком бензобака. Мне кажется, или цвет немного отличается от кузова? Я провела рукой по небольшому квадрату, но липкости не почувствовала. Впрочем, это ни о чем не говорит, если здесь и была наклейка, то хорошая мойка смыла бы все следы.

Услышав рядом шаги, я резко подскочила, но вздохнула с облегчением когда увидела знакомое лицо. Передо мной стоял Егор, тот самый который донес на меня полиции, но обиды, я разумеется на него не таила. Он всего лишь хотел помочь в поисках своей подруги.

– Ты что здесь делаешь? – опешил он и я поняла, что напугала парня, появившись внезапно из-за машины.

– Ручку выронила и она укатилась, – я махнула куда-то под машину. – Ничего страшного, попрошу запасную.

– Подожди, я сейчас отъеду и можешь забрать свою ручку, – проворчал он, открывая дверь ключом.

– Это твоя машина? – удивилась я и вдруг поняла что меня так беспокоило со вчерашнего дня! “Зонт” был символом игры “Обитель зла”, а у Егора на рабочем столе ноутбука стояла заставка с Милой Йовович из этого фильма. Я еще раз посмотрела на кусочек пластика, отличающийся по цвету от остального кузова.

– У тебя, случайно, не было наклейки здесь, возле лючка бака?

– Что? – он удивился еще больше. – Какая еще наклейка?

– Егор, – я решила прекратить ломать комедию. – Это ты забрал Марину с Высоцкого 25 сентября? Ты знаешь где она? Если она прячется, то скажи ей, пожалуйста, что это зашло слишком далеко. Из-за нее невинный человек может оказаться в тюрьме.

Плечи парня, до этого напряженные, резко опустились и он глубоко выдохнул через нос:

– Можешь сама ей об этом сказать. Меня она не слушает.

Наверняка со стороны я сейчас походила на рыбу, которую выбросило на берег, потому что любая попытка сказать что-то членораздельное превращалась в хаотичное открытие/закрытие рта. То есть, все это время, Марина действительно пряталась чтобы досадить своему любовнику? Я, конечно, не сильна в юриспруденции, но по-моему, за это ей грозит реальный срок... ну или как минимум штраф. Хотя, она всегда может сделать вид, что была не в курсе происхо-

дящего и просто устроила себе “информационный детокс”.

Предложение Егора высказать ей все было весьма заманчивым. Он скорее всего рассчитывает, что я попытаюсь ее мягко уговорить прекратить эту дурацкую игру, но на деле у меня было огромное желание схватить ее за волосы и притащить в отделение полиции.

– Она меня убьет, если узнает, что я тебе рассказал, – прервал мои мысли Егор, о присутствии которого я уже успела забыть.

Разумнее было бы, конечно, прямо сейчас позвонить следователю и пусть сами с ней разбираются, но во мне сейчас боролись два абсолютно противоположных чувства. С одной стороны, мне хотелось, чтобы Марина получила по заслугам за свои действия, с другой – мне было немного жаль девушку. Ну и я бы соврала если бы сказала, что мне не было любопытно узнать из первых уст как же она додумалась до такого “гениального” плана и я прекрасно понимала, что если первой до нее доберется полиция, то, возможно, так никогда и не узнаю правду. С какой стати ей удовлетворять мое любопытство, если мы даже не знакомы? Кстати, с минуты на минуту до Егора тоже дойдет, что до известий о ее исчезновении, я о существовании его подруги даже не догадывалась и он заберет обратно свое предложение.

– Окей, давай я попробую с ней поговорить.

Егор, кажется, вздохнул с облегчением и даже улыбнулся. Представляю как на него давила эта ситуация. Может, он и правда был влюблен в Марину, как сказала ее одноклассница и поэтому не мог ей отказать в помощи, хоть сам и понимал, что она затеяла очень опасную игру?

– Тогда поехали. Я тебя потом обратно привезу, чтобы ты могла забрать свою машину.

Я кивнула и открыла дверь с пассажирской стороны. Уже заноса ногу над порогом, я почувствовала на себе чей-то взгляд и обернулась. На крыльце универа стоял Урицкий и пристально смотрел на меня. И разглядел же меня... рядом с машиной Егора был припаркован огромный кроссовер и вряд ли ему было видно что-то кроме моей макушки. Радар у него на меня, что ли? Пару секунд я боролась с искушением показать ему средний палец, потом все-таки широко улыбнулась и послала воздушный поцелуй, забралась в салон и захлопнула дверь.

Первые пару минут мы ехали молча. Не знаю как Егор, а я мысленно представляла предстоящий разговор с Мариной. С чего лучше начать? С того, что я рада что она жива или с того, что она эгоистичная дура? Как она, вообще, могла додуматься до такого плана?

– Подожди, – сказала я вроде негромко, а Егор вздрогнул, будто его напугал мой голос. Он, похоже, тоже готовил-

ся к предстоящему разговору и возможно даже забыл о моем присутствии в своем авто. – А шейный платок с кровью? Это ведь она его подкинула, да?

Егор натяжно кивнул и я продолжила:

– Из-за этого у нее могут быть проблемы. Тут она уже не сошлется на то, что ничего не знала о происходящем.

Парень пожал плечами и я поняла, что он не в курсе моего мысленного монолога.

– Я просто не могу понять на что она рассчитывала? Ладно, изначально она хотела, чтобы любовник испугался и позвал ее обратно, желательно еще и пристроил на хорошую должность в своей фирме. Но потом? Допустим ее месть удалась и он в тюрьме, а что потом? Она собиралась всю жизнь скрываться?

– Да, я ей тоже говорил, что план дурацкий, – признался Егор.

– Это еще мягко сказано. И ты был готов терпеливо ждать пока она закончит свою игру?

Мне казалось, что если я еще хоть минуту продолжу искать какую-то логику в действиях Марины, то мой мозг взорвется. Мысли назойливым роем кружили вокруг меня и мне казалось, что среди них есть только одна, очень нужная, но я не могла выловить ее в таком потоке. Логика. Мне не хватает логики или я упускаю что-то важное.

– Подожди! – вдруг осенило меня. – А твой поход в полицию? Это тоже было частью плана?

– Да, – ответил Егор не сводя глаз с дороги. Я почему-то обратила внимание на его руки, парень настолько сильно сжимал руль, что у него побелели костяшки. Его что, так раздражают мои вопросы?

– Но как она могла знать, что у меня есть запись?

Несколько мгновений парень молчал и я уже подумала, что он мне так и не ответит, а затем он с раздражением, или даже отчаянием в голосе спросил:

– Ну зачем? Зачем тебе надо было в это лезть? Ты ведь ее даже не знала!

И одновременно с осознанием того, какой идиоткой я была, я почувствовала боль у левого виска и потеряла сознание.

Глава 51

Первое, что я почувствовала – это ужасная головная боль. Причем, болел затылок, а не левая часть, несмотря на то, что я отчетливо помнила, что удар пришелся именно туда. А еще было очень сухо во рту, настолько, что я даже не могла пошевелить языком, казалось, что он распух до огромных размеров. Через мгновение я поняла, что с языком у меня все в порядке, а тесно во рту из-за кляпа. Господи, пусть это будет какая-нибудь чистая тряпка! Желательно еще и предварительно проглаженная на максимальной мощности утюга! Пожалуйста!

Прислушавшись к ощущениям в теле, я поняла, что сижу на стуле и судя по саднящей боли на предплечьях, привязана к нему веревкой.

– Очнулась? – поинтересовался Егор с долей раздражения. – Кто бы знал, что ты такая нежная. Я не так сильно тебя ударил, чтобы больше часа в отключке быть.

Надеюсь, парень не рассчитывает на извинения с моей стороны? Думаю, даже если бы у меня во рту не было кляпа, он бы их не дождался.

Я открыла глаза и огляделась: темная комната без окон, под ногами земляной пол, под низким потолком тусклая желтая лампочка на проводе. Вдоль одной из стен стояли пу-

стые стеллажи, на полу несколько ящичков. Этот придурок притащил меня в какой-то погреб.

Я перевела взгляд на довольно крутую лестницу... каковы шансы, что он меня сюда бережно спустил на руках, а не столкнул как мешок с картошкой? Хотя, в таком случае я бы вряд ли отделалась головной болью, боюсь я бы переломала еще пару конечностей как минимум.

– Я не убийца, – довольно спокойным голосом заявил Егор. – Марину я не убивал. И тебя убивать я не собираюсь.

И хоть я понимала, что у меня нет оснований ему верить, паника, окутавшая меня липким туманом, начала потихоньку отступать. Я даже попыталась трезво мыслить. Зачем-то же он меня привязал? Значит, еще не все потеряно. Если бы он хотел избавиться от ненужного свидетеля, он бы меня в этом самом погребе и прикопал, благо земляной пол позволял. А я еще жива, значит у меня есть шанс.

Несмотря на эти позитивные мысли, сердце продолжало биться в бешеном ритме, будто ему было наплевать на мои логичные доводы.

Он сделал пару шагов назад, в сторону лестницы, и я уже успела испугаться, что он сейчас уйдет и оставит меня здесь одну. Но он лишь присел на нижнюю ступеньку и обхватил голову руками, будто это его по ней огрели, а не меня.

– Меня всегда смешили откровения злодеев в фильме, когда они признавались герою во всех своих злодеяниях, а по-

том их же слова были использованы против них. Но нет, это не тот случай. Во-первых, я знаю, что у тебя уже не будет возможности использовать что-либо против меня, во-вторых, я тебе это рассказываю не для того чтобы похвастаться или покаяться, я тебе это рассказываю, чтобы ты поняла, что кроме себя тебе винить некого. Ты сама виновата, что влезла в это. Так что даже не смей злиться на меня! Злись на себя! Я хочу чтобы все эти дни, что ты будешь здесь находиться, ты думала о том, что твои собственные действия привели тебя сюда.

“Все эти дни”? То есть, он реально не собирается меня убивать, как и обещал? Что он задумал? Продержать меня здесь пару дней, чтобы я согласилась на все его условия? Я не дура, я могу и сейчас согласиться, лишь бы выйти поскорее из этого подвала. Конечно, сразу после этого я побегу в полицию, но перед этим могу пообещать ему все что угодно. Да и он не дурак, так что наверняка это понимает. Тогда что? Пытается выиграть время, чтобы свалить из страны?

Видимо, Егор предчувствовал, что его речь вызовет у меня кучу вопросов и именно поэтому заткнул рот кляпом. Не имея возможность задать ни один из них, я лишь дико вращала глазами, слушая его. И с каждым его словом начавшая было отступать паника, возвращалась с удвоенной силой. Она неслась по венам, наполняла сердце и растекалась обратно по всему телу. Мне кажется, она даже пропитала

МОИ ВОЛОСЫ И НОГТИ.

Он продолжал говорить, раскачиваясь на ступеньках и от этого мне почему-то становилось еще страшнее. Сейчас он мало походил на обычного, хоть и немного нервного парня, к которому я села в машину. Он выглядел как самый натуральный псих.

– Я не соврал, когда сказал, что не убивал Марину. Она... она сама виновата. Боже, я даже рад, что у меня есть возможность хоть кому-то это все рассказать. Уверен, ты меня поймешь! Хотя... ты хоть знаешь что это такое – хотеть чего-то и не иметь возможности это получить? Сомневаюсь! А вот я хотел Марину. Давно. И безответно, насколько ты могла догадаться. Но я ждал. Во всех, мать их, фильмах героиня к концу открывает свои тупые глаза и видит, наконец, мужчину своей мечты в простом парне по-соседству! И я ждал, как debil. Делал за нее домашку, писал курсовые и работал гребаным личным водителем. И самый прикол знаешь в чем? Она знала! Она прекрасно знала, что я чувствовал. Но я, видишь ли, недостаточно хорош, у меня нет многомиллионных счетов или крутой фирмы. И это притом, что я не бомж какой-то, нет...

Егор выругался и несколько раз ударил кулаком по каменной стене.

– Все вы, бабы, такие. С детства мечтаете о прекрасном принце, меркантильные твари!! Я ее не убивал, ясно? – повторил он в который раз, хотя признаюсь, у меня уже нача-

ли закрадываться сомнения по поводу его слов. Парень явно был не в себе, не удивлюсь, если у него имеется парочка психических расстройств в придачу к вспышкам агрессии. Егор сделал несколько глубоких вдохов и выдохов и более спокойным тоном, будто читая доклад на семинаре, продолжил свое повествование. У меня же от его слов все холодело внутри.

– Обычно она просила меня подвезти ее со стажировки, не хотела толкаться в метро в час пик, а я и был рад оказаться полезным, наивно думал, что она оценит. Но в тот раз она попросила забрать ее с Высоцкого, несмотря на рабочий день. И я понял, что именно там она встречалась с любовником. Первым порывом было ее послать, всему есть пределы, в конце концов! Но она сказала, что с ним покончено. Рассказала, что была с ним только ради перспективной работы и про свою идиотскую попытку шантажа тоже рассказала. Она боялась, что он сделает ответный ход, подошлет какого-то амбала из своей охраны и боялась ехать домой. Ну я и привез ее сюда. Это дача, – пояснил он, вовремя сообразив, что я понятия не имею где мы находимся. – Осталась от деда, а родителям она нафиг не нужна. Подумал, как дурак, что вот он, мой шанс! Она, наконец, поняла, что от богатых папиков ни хрена не получит и, наконец, посмотрит в мою сторону. Заехал в супермаркет, накупил кучу продуктов и вина, конечно. Мы собирались праздновать ее свободу.

Егор опять замолчал, а я почему-то подумала, что у этой

истории вряд ли будет хэппи энд... а значит и у моей тоже. Несмотря на его заверения, что убивать он меня не собирается, что-то мне подсказывало, что из этого подвала я уже не выйду. И ведь он был прав, я сама виновата, что влезла в это...

Глава 52

– В общем, мы подняли несколько тостов за ее свободу. Она клятвенно пообещала, что больше не будет связываться с богатыми мудаками и ей нужен хороший простой парень, который будет заботиться о ней... И я, наконец, набравшись смелости, сказал что вот он я, твой хороший парень. Люби меня... дрянь!

– Как ты, наверное, догадалась, желаемого эффекта я не достиг. Вместо того, чтобы броситься ко мне на шею, она начала смеяться! – в словах и взгляде Егора чувствовалась боль, но если он рассчитывал на какое-то сочувствие с моей стороны, то парень явно бредил. – Она, мать ее, начала смеяться! И, наверное, это и стало последней каплей. Я смотрел на нее и вдруг понял каким болваном был все эти годы! На что я, вообще, надеялся? Что она, вдруг, отрастит себе мозги? И я просто молча встал из-за стола и решил уйти. Но видимо, даже ее куриных мозгов хватило, чтобы понять, что если я уйду, то прятаться от своего любовничка ей будет негде. Поэтому Марина вскочила и попробовала меня остановить, схватила за руку, попыталась перевести все в шутку... Даже попыталась обнять! Я ее не убивал! Я просто хотел уйти. Оказаться подальше от нее. Я хотел, чтобы она отпустила мою руку и дала мне уйти... Я даже не толкал ее особо, просто отпихнул в сторону как назойливую муху, а

она... она была пьянее чем я думал, не удержалась на ногах и ударилась головой о батарею. Несчастный случай. Я же говорил, моей вины в этом нет.

Он опять замолк, и я с ужасом поняла, что это не просто пауза. Егор закончил свой рассказ.

На какое-то время в жутком подвале повисла звенящая тишина. Мне казалось, что я даже дышать перестала, настолько меня сковал ужас. А потом он снова заговорил, заставив меня вздрогнуть всем телом.

– Я был уверен, что никто не свяжет ее смерть со мной. В конце концов, она не особо афишировала нашу дружбу... Даже тело вывез в лес за сто с лишним километров!! Но потом появилась ты...

На мгновение мы встретились взглядами и я увидела там не просто злость, а скорее ненависть. Господи, он ведь действительно не считал себя виновным в смерти девушки... ни капли.

– Не поверишь, сначала я даже обрадовался! Когда увидел тот скриншот на своем ноуте, я думал, что тебя мне послала сама судьба! Я, конечно, намекнул ментам, кто был ее любовником, но прямых доказательств у меня не было. Но ты решила на этом не останавливаться, нет... Тогда я подбросил платок в машину Русеева, но тебе и этого было мало. Ментам хватило, а тебе нет... Ты хоть сама понимаешь,

что решив поиграть в детектива, ты подписала себе смертный приговор?

Паника вновь взяла меня в свои тиски, а внутренний голос издевательски твердил “ты что, реально поверила, что он тебя не убьет”?

Из глубин легких начал подниматься полный ужаса и отчаяния крик, но из-за кляпа из моего рта вырвались только глухие хрипы.

– Я могу вытащить тряпку, – сухо заявил Егор, – если обещаешь, что не будешь орать. Сразу скажу, здесь тебя никто не услышит, но я терпеть не могу бабские крики. Голова и так раскалывается, поэтому, пожалуйста, воздержись.

Я кивнула и он вытащил кляп, мельком взглянув на который я чуть повторно не потеряла сознание. Судя по всему, к этой тряпке не то что утюг не приближался, она и воды-то чистой никогда в жизни не видела. Но даже это сейчас отошло на второй план, как ни крути, а перед лицом смерти приоритеты немного смещаются.

– Ты... ты же обещал, – напомнила я ему дрожащим голосом.

– Обещал тебя не убивать? Я не соврал. Но и отпустить я тебя не могу. Я не собираюсь в тюрьму из-за этой меркантильной дряни. Ты останешься здесь. Я понимаю, что гуманнее было бы покончить с этим прямо сейчас, но я не убийца,

Полина. Я сейчас уйду, а ты останешься здесь. Вернусь через неделю. Мне, действительно, очень жаль.

Егор развернулся, начал подниматься по ступенькам и я, захлебываясь отчаянием закричала ему вслед:

– Подожди! Должен быть и другой выход. Я никому не расскажу. Я могу помочь тебе уехать из страны. – Теперь слова вылетают из меня одно за другим, походя при этом на ультразвук. Но Егор, разумеется, мне не верит и качая головой, продолжает подниматься. Крышка люка опустилась с глухим ударом и я в панике замерла, ожидая, что сейчас погаснет одинокая лампочка под низким потолком. Прошло несколько минут, но лампочка не погасла и почему-то это показалось мне хорошим знаком, символом того, что у меня есть шанс выбраться.

Я дала себе пять минут на слезы и истерику и хотя на деле это заняло гораздо больше времени, мыслить мне стало легче. Каковы шансы, что Алекс запаникует, когда обнаружит меня в кафетерии? Я не сомневалась, что он заметил мое отсутствие, но начать переживать причин у него нет. Да, скорее всего он попытается мне позвонить, но вряд ли победит в полицию, когда не дождетя ответа...

Где-то в глубине души теплилась надежда, что Урицкий видел в какую машину я садилась. Егора он точно не мог заметить, на момент когда Глеб вышел на крыльцо, тот уже сидел на водительском месте, но есть шанс, что кроме моего

воздушного поцелуя, он заметил и авто. Хотя... рядом стоял тот громадный кроссовер и вполне возможно, что Урицкий предположил, что я залезла в свою собственную тачку. А значит, на героическое спасение рассчитывать не придется. Что ж, спасение утопающих, дело рук самих утопающих...

Глава 53

Лестница выглядела довольно хлипкой, вполне возможно, что люк держится на каком-то ржавом засове и мне удастся его выбить. Но для этого, разумеется, сначала надо избавиться от веревки. В фильмах герои проделывали это лихо разбив стул о стену или пол. Но на деле, я даже не смогла с первого раза встать на ноги, упав вместо этого коленями на пол. От долгого сидения в одной позе они затекли, да и десятисантиметровые шпильки явно не добавляли грациозности моим движениям. Минут пять я только добиралась до ближайшей стены, но когда, наконец, попыталась ударить стул о стену, поняла, что я скорее сломаю позвоночник, чем его. Удар дикой болью прошелся по пояснице и ногам, веревка полоснула по рукам еще сильнее, но стул остался в том же состоянии.

С минуту я пыталась прислушаться к собственным ощущениям, выдержит мое тело вторую попытку или нет? А еще мне показалось, что веревка чуточку подскочила вверх. Я подергала плечами, насколько смогла, поерзала на стуле и веревка сдвинулась еще на пару миллиметров. Следующие пятнадцать минут я усиленно танцевала ламбаду сидя, раздувала и сдувала грудную клетку и в итоге была вознаграждена тем, что веревка, наконец, оказалась в районе шее. Онемевшими руками я стянула ее с себя и отбросила в сторо-

ну. Егор, видимо, не особо парился насчет того проведу ли я последующие дни сидя или расхаживая по подвалу, иначе затанул бы веревку туже и для подстраховки связал бы мне ноги и запястья. Но опять-таки, если мне и удастся отсюда выбраться, на благодарность он может не рассчитывать.

Первым делом я, разумеется, поднялась по лестнице и попыталась подергать люк, сначала руками, потом надавила на него многострадальной спиной. Но крышка даже не пошевелилась под давлением. Не удивлюсь, если он для пущей уверенности придвинул на него какой-нибудь шкаф.

Несмотря на предупреждение Егора, что меня здесь никто не услышит, я все равно начала кричать. Эффекта, разумеется, никакого не добились, но мне стало чуточку легче.

Не в моих правилах сдаваться раньше времени, но даже мой природный оптимизм не выдержал натиска суровой реальности и сдулся с противным свистом, словно воздушный шарик, из которого выпустили воздух.

По идее, у меня перед глазами сейчас должны мелькать лучшие моменты моей жизни, улыбки близких и все то, что делало меня счастливой. На деле же, сознание предательски подсовывало мне моменты из будущего, которые теперь уже вряд ли сбудутся. У меня не будет возможности наладить отношения с братом. И отцу я не докажу, что смогу обойтись

без его денег. И на старости лет мы с Булавиным не попадем в один дом престарелых, где я буду круглосуточно ворчать на него за то что не дает проходу молоденьким медсестричкам.

И, конечно, у нас с Урицким не будет ни единого шанса... Хотя, возможно, моя ранняя кончина тут вовсе не причем... Господи, какая, к черту, разница что произошло четыре года назад? Глеб сказал, что готов все забыть, так почему я так держусь за эти воспоминания? Неужели мне так важно доказать ему, что я была жертвой, а не злодеем? Именно сейчас, находясь в роли самой настоящей жертвы, запертая в сыром подвале, я поняла, что прошлое не так важно, важно настоящее... И несмотря на все мои установки, глупо было отрицать, что в настоящем мне с Глебом довольно хорошо...

Воздев припухшие от слез глаза к потолку, я клятвенно пообещала больше никогда не возвращаться к событиям четырехлетней давности и попытаться слепить отношения с Глебом из того, что есть сейчас. При условии, что он этого захочет, конечно... Ну и что еще важнее, при условии, что я выберусь отсюда живой.

Часы, которые я так и не удосужилась продать на “авито”, показывали, что с момента ухода Егора прошло чуть больше часа. Тогда я и услышала глухие шаги сверху. Я взбежала вверх по лестнице и приложила ухо к лючку. Так и есть, мне не послышалось – Егор вернулся назад! Хотя, может он и не уезжал никуда! Передумал или вспомнил, что упустил

какую-то важную деталь в своем увлекательном повествовании о том, как он НЕ убивал Марину?

Впрочем, мне наплевать что там им движет, главное, что я собираюсь использовать этот шанс. Спустившись вниз, я подхватила один из пустых ящиков и поднялась обратно по ступенькам. Шаги наверху стихли, послышался глухой удар, как будто упало что-то тяжелое и через несколько секунд я отчетливо услышала скрежет металла прямо надо головой, и появившаяся полоска света подтвердила, что он открыл замок. Не теряя ни минуты, я занесла ящик над головой и как только люк погреба открылся, со всей силы нанесла удар по своему похитителю. Раздался глухой стон, а потом голос Урицкого произнес:

– Полли, у тебя определенно странный способ благодарить меня за спасение. В прошлый раз ты мне чуть ногу не сломала, сейчас едва башку не снесла этим ящиком... Давай сразу договоримся, что впредь ты будешь избегать опасности, потому что очередной благодарности за спасение, я просто могу не пережить.

И несмотря на усмешку в голосе, в глазах не было ни капли юмора. Он помог мне выбраться из подвала и не торопясь отпустить меня из своих рук, поинтересовался:

– Ты как?

Мне очень хотелось вести себя как героини крутых бое-

виков, отряхнуть пыль с одежды и гордо подняв голову отправиться на следующее боевое задание, но я была обычной девушкой, которая только что пережила жуткий кошмар, поэтому я громко и с завыванием разрыдалась на груди у своего спасителя.

Глеб гладил мои волосы, крепко прижимал к себе и уверенным голосом нашептывал в ухо, что все уже позади и мне больше ничего не угрожает.

С каждым вдохом легкие все больше наполнялись его запахом, который действовал на меня будто сильнейшее успокоительное. Сейчас в нашей близости не было ни малейшей сексуальной подоплеки, но тем не менее, я чувствовала нашу связь даже сильнее, чем когда мы занимались сексом. Само его присутствие меня успокаивало.

Он не спешил меня расспрашивать, хотя уверена, у него было миллион вопросов. Не стал ругать меня за то, что я ввязалась во все это, несмотря на то, что я вполне заслуживала всевозможных упреков.

Он просто был рядом. Потому что знал, что мне это нужно. А может, потому что это было нужно ему тоже. Его голос звучал уверенно, но я чувствовала как подрагивали его руки на моей спине, слышала как быстро бьется его сердце... Несмотря на привычный хладнокровный фасад, внутри Глебы был в ужасе – он до чертиков боялся не успеть и потерять меня...

Глава 54

Через несколько минут приехала полиция и к моей великой радости, вместе с ними в дом зашел и Булавин. Глеб нехотя выпустил меня из рук, хотя уверена, если бы не необходимость разговора со стражами порядка, Алексу бы пришлось вырывать меня из его объятий. Теперь друг крепко прижал меня к себе и кажется, отпускать не планировал.

Глеб, тем временем, сказал стражам порядка, что Егор лежит в соседней комнате. От этих слов моя кожа покрылась мурашками и паника, только недавно выпустившая меня из своих тисков, снова вернулась. Вместе с ней пришло и недоумение.

Он что, здесь? Раскаялся и сам позвонил в полицию? И теперь спокойно сидит в соседней комнате и ждет, когда закон восторжествует? Но Урицкий тогда как здесь оказался?

– Живой хоть? – равнодушно поинтересовался один из полицейских и я с удивлением узнала в нем следователя, который меня допрашивал.

– Без сознания, – кивнул Урицкий и исчез в другой комнате вместе с полицией.

Я, наконец, огляделась и поняла, что мы находимся в кухне, перевела взгляд на стол с двумя табуретками, чугунный

радиатор у окна и вспомнив рассказ Егора, потянула Алекса к выходу. Булавин хоть и посмотрел на меня непонимающе, но покорно пошёл следом.

Только оказавшись на улице, я смогла нормально дышать и немного заикаясь, прошептала:

– Он ее на этой кухне... Боже, Алекс, он реально больной! Он и меня хотел...

Я опять сбилась на рыдания и начала дрожать. Даже трястись. Булавин скинул с себя куртку, накинул мне на плечи, но тело продолжало содрогаться неконтролируемыми волнами.

Через какое-то время на крыльце показался Урицкий и следом за ним из дома вышел Егор в сопровождении двух полицейских. Его руки были в наручниках и на лице красовался огромный кровоподтек, нижняя губа тоже была разбита и из неё тоненькой струйкой сочилась кровь.

Он с неприязнью посмотрел на меня, но ничего не сказал. Я проводила взглядом их процессию и только когда за ним закрылась дверь полицейской машины, вздохнула с облегчением.

Один из мужчин подошёл к нам и сказал, что нам следует поехать с ними в отделение.

– Полине нужен врач, – возразил Урицкий.

Следователь придиричиво осмотрел меня и предложил вызвать «скорую», но я отказалась.

Глеб с Алексом пытались настоять, но я была тверда. Все чего мне хотелось, это поскорее оказаться дома, и если я понимала, что разговора с полицией мне точно не избежать, то решила не тратить время хотя бы на больницу.

Выйдя за ворота участка, я запоздало сообразила, что здесь только одна полицейская машина и в ней уже сидит Егор, от одной мысли, что нам придётся ехать вместе, у меня все сжалось внутри и к горлу подступила тошнота.

Урицкий, словно прочитав мои мысли, сообщил:

– Моя тачка на въезде в кооператив, я не знал точный номер участка, Скалаев только описал забор и ворота.

– Скалаев? – Я только сейчас поняла, что не имею понятия как они узнали где я нахожусь. – Как вы меня, вообще, нашли?

– Ох, это долгая история, Шерлок.

Я уже подумала, что это так и останется тайной, но вскоре мы добрались до «Мерседеса» Глеба и забравшись внутрь, Булавин, наконец, поведал историю моих поисков, и я с удивлением поняла, что за спасение должна благодарить в первую очередь Кирилла.

Не увидев меня на двух последних парах, Русеев подошёл к Алексу и поинтересовался позвонила ли я уже следователю насчет новой зацепки.

Булавин, которому я ещё не успела рассказать о своём разговоре с соседкой, отправился на мои поиски, к которым вскоре подключились и Глеб с Максимом. Урицкий, выслушав историю про зеленую тачку с наклейкой сообразил с кем я уехала, так как Егор был его одноклассником и его машину он знал. Когда Алекс дошел до этого момента, я посмотрела на Глеба, который, казалось все свое внимание уделяет дороге, но руль сжимал до побелевших костяшек. Всем своим видом он источал напряжение. Вполне возможно, что он до сих пор не отошел от встречи с Егором...

На секунду мы с ним встретились взглядом в зеркале заднего вида, но я тут же отвела глаза и сделала вид, что внимательно слушаю друга, стараясь не показать как меня задевает его поведение.

Его молчание – жестокая насмешка судьбы над моим опрометчивым обещанием забыть былые обиды и попробовать начать все с нуля. Почему он молчит? Злится? Неужели опять думает, что во всем этом виновата я? Нет, я конечно, понимаю, что поступила очень глупо сев в машину к Егору, но даже для Глеба было бы слишком заключить, что руководило мной желание быть в центре внимания, как всегда. Хотя... с него станется. В очередной раз пожалев, что не в состоянии прочесть его мысли, я сосредоточила внимание на друге.

Из рассказа Булавина следовало, что они поставили на уши весь университет.

Раздобыв домашний адрес в деканате, Максим поехал к Егору домой, Русеев отправился к месту его работы, Егор подрабатывал помощником юриста в небольшой фирме. Кто-то вспомнил про дачу, так как пару лет назад там отмечали день рождения той самой Марины Селивановой и хоть точного адреса никто не помнил, общими усилиями вспомнили название дачного кооператива и кое-какие приметы забора и калитки. Урицкий на удачу поехал искать нужный дом, а Булавин отправился в полицию.

Я поняла, что сейчас по идее, моя очередь рассказать свою версию событий, но не нашла в себе силы, зная что вскоре мне предстоит это делать в отделении. Ни Алекс, ни Глеб, к счастью, не настаивали.

Но когда мы добрались до следователя, оба отказались покинуть кабинет и оставить меня одну, поэтому так или иначе услышали мою историю.

Следователь, которому я еще утром сообщила о своем разговоре с соседкой, сейчас по большей части молчал, не перебивая мой рассказ вопросами. Несколько раз он покачал головой и закатил глаза, как будто не мог поверить в мою тупость. Я, конечно, не рассчитывала, что получу благодарность за то что помогла им в раскрытии преступления, но

хоть какое-то сочувствие мог бы и проявить.

Булавин в какой-то момент схватил мою руку и на протяжении всего рассказа крепко сжимал ее, а вот Глеб сидел как истукан и, кажется, даже ни разу не пошевелился.

Примерно через час нас отпустили домой, предварительно предупредив, что с нами еще свяжутся. Следователь сказал, что в данный момент на даче работает оперативная бригада и, наверняка, у них еще появятся вопросы когда они обследуют дом. А еще я очень рассчитывала, что Егор не успел избавиться от моей сумки и эта самая бригада найдет ее, потому что сейчас у меня даже не было ключей от квартиры и пришлось брать запасные у Алекса.

Машина Булавина стояла перед отделением и по инерции направилась к ней, но Урицкий сказал, что отвезет меня сам и если учесть, что это были его первые слова за последние пару часов, то я не решилась возражать. По большому счету, мне было наплевать каким именно образом я доберусь до дома, главное побыстрее оказаться в горячей ванне и постараться забыть об этом дне, как о страшном сне.

Глава 55

Подъехав к моему дому, Урицкий все так же молча вышел из машины, открыл дверь с моей стороны и последовал за мной, когда я направилась к подъезду. Решив, что он хочет меня проводить, я не стала спорить, даже совместная поездка в лифте меня не пугала, а вот его молчание начинало немного напрягать. Если ему так не хочется со мной разговаривать, какого лешего он потащился за мной?

Я открыла дверь и приготовилась к напряженно-молчаливому прощанию, но Глеб вошел за мной в квартиру и снимая куртку, заявил:

– Я останусь. Ненадолго.

– Зачем? Я сейчас не лучший собеседник, – устало возразила я глядя на его излишне сосредоточенное лицо. – Я просто хочу принять ванну и забыть об этом кошмаре.

Я не забыла свои размышления в том подвале, я действительно, готова была отпустить прошлое, но его молчаливое напряжение сбивало меня с толку... Я просто не знала как себя вести. Сообщить ему с порога, что готова его простить? Так он как бы и не особо нуждается в моем прощении, потому что уверен, что четыре года назад поступил правильно. Кинуться ему на шею и благодарить за спасение? Ну

вроде поблагодарила уже, оставив при этом на его футболке мокрое пятно размером с Африку.

– Хорошо, – согласился он, но с места не сдвинулся.

Я лишь махнула рукой и направилась в ванную, намереваясь пролежать там как минимум час, в надежде что ему надоест меня дожидаться и он уйдет. Но на самом деле, оказавшись наедине с собой, я поняла, что присутствие Урицкого в квартире меня успокаивает. В этом, конечно, не было ничего удивительного, учитывая что мне пришлось сегодня пережить, но я искренне надеялась, что такое состояние продлится недолго. Не хватало еще чтобы у меня развилась паранойя и боязнь находиться одной. Впору нанимать телохранителя, правда, сперва надо на него заработать...

Выходя из ванной, в которой я, действительно, находилась довольно долго, почувствовала запах еды с кухни. Живот радостным урчанием напомнил мне, что за сегодня в нем побывал только кофе и зерновой батончик. И пока я пыталась сообразить как Урицкий умудрился приготовить что-то съедобное из содержимого моего холодильника: соевого соуса и двух яиц, увидела несколько пакетов сервиса доставки и поняла, что он не ограничился одним лишь ужином, а заказал еды как для роты солдат. Он что, здесь жить собрался? Сама я столько не съем и за пару недель, не говоря уже о том, что срок годности закончится раньше.

– Ты чем, вообще, питаешься? – Строго спросил он.

– Примерно тем же самым, – я махнула рукой в сторону пакета с известным логотипом, – правда в гораздо меньшем количестве.

– Я заварил чай. Знаю, что ты любишь кофе, но ты, наверное, захочешь поспать после всего это, а значит кофе не самый лучший вариант.

Откуда он, интересно, знает, что я люблю кофе? Следил за тем, что я пила в универе? Хотя, вполне возможно, что такой вывод он сделал просто увидев навороченную кофемашину на столешнице.

Я с благодарностью кивнула и принялась за еду. Глеб придвинул к себе вторую тарелку, но в отличие от меня, к содержимому особо не притронулся. Так мы и сидели в молчании, прям как супружеская пара после сорока лет брака.

Удостоверившись, что моя тарелка пуста, он разлил чай по чашкам и огорошил меня:

– Расскажи мне что произошло четыре года назад. Твою версию событий.

– Что? – опешила я. – Сейчас?

– Да, сейчас.

Я хотела было сказать, что устала и не готова сейчас к долгим разговором, но решила сказать правду:

– Это неважно. Я... когда сидела в этом подвале и не знала выберусь ли оттуда, я решила, что прошлое не должно быть

важнее настоящего. Ты говорил, что готов все забыть. Теперь я тоже. Я тоже готова все забыть.

– Я ошибался, – тихо заявил он и видя мое замешательство, продолжил: – Я думал, что это неважно, но сегодняшние события показали, что я тебе не доверяю. Я видел, как ты садилась в машину к убийце, Полли!! Я видел это, но подумал, что это твои очередные выкрутасы. Потому что... сначала Захаров, потом это...

Ты хоть представляешь что бы было, если бы Русеев не подошел к твоему Булавину? Или если бы подошел, но они не встретили меня? Никто бы так и не узнал, что ты уехала с Егором... может через пару дней полиция бы и докопалась, но что бы случилось с тобой за эти пару дней?? Это все, о чем я думаю последние несколько часов! Я думал, что готов забыть о прошлом, но факт в тот, что... я тебе не доверяю, Полли. И мое недоверие едва не стоило тебе жизни.

– Жизни мне едва не стоила моя собственная глупость. Но по сути, если кто-то во всей этой ситуации и виноват, то это Егор.

– Полли, – он произносит мое имя очень мягко, но в то же время в его голосе слышится стальная решимость, – рассказывай.

– Окей, – вздохнула я, понимая, что своим рассказом подпишу приговор нашим “возможным/потенциальным” отношениям. Судьба странная штука... стоило мне впервые за эти отпустить прошлое, как оно тут же постучалось обратно.

* * *

Фух, вот мы и добрались до разговора! Я знаю, многие из вас этого ждали очень давно!! Завтра будет ооочень большая глава и до конца книги главы будут выходить каждый день, вечером в 18.00 по мск как обычно.

Несмотря на то, что мне тяжело расставаться с этими героями, пора уже их отпустить в счастливое плавание и... встретить новых)) Но не спешим расслабляться, им еще есть над чем поработать.

Глава 56

– Я..., – Представляя себе этот разговор в прошлом, я всегда думала, что буду со злостью выкрикивать правду в лицо брату и Глебу, что буду наслаждаться их шоком и, наконец, спустя столько лет одержу победу. Сейчас же я с трудом могла подобрать слова и после паузы, предложила: – Мне будет легче, если я буду рассказывать не о себе, а о другой девочке. Можно?

Урицкий кивнул и я, сделав большой глоток чая, начала: – Жила-была девочка. Она была очень счастливой, у нее была отличная семья и друзья. Но однажды ее мама заболела и врачи, к сожалению, ничем не могли помочь, сказали только, что ей остались считанные месяцы. Конечно, вся семья старалась окружить маму заботой и любовью в ее последние дни. И несмотря на то, что внешне все старались изображать счастье и спокойствие дабы не волновать друг друга еще больше, внутренне они злились и страдали, но старались справиться со своей болью, каждый по-своему.

Я буквально кожей чувствую на себе взгляд Глеба, он сверлит меня, ловит каждое мое слово, но я уверена, что рискни я вдруг посмотреть ему в глаза, он бы тут же отвел свой взгляд. Поэтому, глядя на одинокую чайнку в чашке, я продолжаю:

– Возьмем, к примеру, брата этой девочки. Он был зол! Зол на судьбу за то что забирала у него маму, зол на врачей за то что не могли помочь... он был зол на весь мир. И неизвестно к чему бы привело сдерживание эмоций в себе, но однажды он довольно серьезно подрался с другими парнями в школе. Трое на одного, если не ошибаюсь, огреб он тогда знатно. Но ему понравилось. Он заметил, что физическая боль хоть ненадолго, но притупляет боль душевную. Но так как ввязываться в драки каждый день было не с руки, он нашел поддержку в лице своего лучшего друга.

На этом моменте я выразительно посмотрела на Глеба, но его лицо не выражало никаких эмоций – непроницаемая стена. Действительно, в этой части истории для него не было ничего нового.

– Они вдохновились чертовым “бойцовским клубом”, колотили друг друга, помогая справиться с эмоциями. Потом к ним присоединилось еще несколько товарищей и в итоге половина старшеклассников увлеклась этим занятным развлечением устроив что-то типа подпольных боев на заброшенной стройке в двух кварталах от школы. Некоторые просто приходили посмотреть, видимо, все остальные развлечения богатым папенькиным сынкам наскучили, другие увидели в этом шанс выместить былые обиды, ведь на бой можно было вызвать кого угодно... Они даже название придумали этому

дурацкому развлечению “Вызов”.

Краем глаза я вижу как Урицкий морщится от моих слов, будто, наконец, понимает, какими идиотами они с друзьями тогда были. Что ж, радуется, что хоть сейчас до него дошло. Лучше поздно, чем никогда, как говорится.

Совсем дураками они не были, поэтому на лицах синяков не было, но девочка, конечно, была в курсе их развлечений. И она понимала насколько это опасно, но рассказать родителям у нее не хватало смелости. И поэтому к переживаниям за маму у нее добавились переживания за брата и за друга своего брата. Но она стойко продолжала делать вид, что все хорошо.

В школе ее успеваемость предсказуемо снизилась и учителя сразу забили тревогу, поэтому девочке пришлось с удвоенным рвением взяться за учебу, но так она хотела все свободные вечера проводить с мамой, то учиться приходилось ночью. Она никому не рассказывала о головных болях, о проблемах с аппетитом и о том как сильно она переживает за маму. Зачем? Все и так переживали.

Первый обморок случился в душе, но девочка обрадовалась, что никто этого не видел, пришла в себя, поднялась, замазала синяк на скуле от встречи с кафелем и с улыбкой от-

правилась в школу. Со следующей потерей сознания ей уже не так повезло и рядом оказался ее лучший друг, но она взяла с него обещание никому ничего не говорить и заверила его, что впредь будет лучше следить за своим здоровьем. Купила все известные витамины в аптеке и начала впихивать в себя через силу еду. Но это не особо помогало, если честно...

И через несколько дней она потеряла сознание в школе, медсестра забила тревогу, а особо умные одноклассники распустили слух, что девочка беременна. Родителей вызвали в школу, направили на анализы, но когда результаты показали, что в принципе, все показатели в норме, семейный врач порекомендовал обратиться к психологу. Девочка же больше переживала не за свое здоровье, а за реакцию родителей: мама сильно волновалась, отец же злился, что дочь создает дополнительные проблемы в и без того сложный период.

И вот когда гениальный психолог, доктор науки и просто светило в области медицины догадался, что причиной обмороков был стресс... Удивительно, да? Он посоветовал родителям девочки отправить ее на недельку на море, так как разумеется, девочка по его мнению была не очень умной и была просто обязана забыть о болезни матери, очутившись в другой стране.

– Отец сразу схватился за идею сослать меня и мои про-

блемы подальше, – я запоздала заметила, что перешла на рассказ от первого лица, но исправляться уже не стала. – Благо бабушка уже больше десяти лет жила в Испании. Уехала туда после смерти мужа, оставив семейную компанию сыну. По дороге от психолога отец уже бронировал билеты, даже не обсудив этот вопрос с мамой. Я умоляла подождать, хотя бы пока в лечении будет хоть какой-то прогресс, хотя мы оба понимали, что прогресса у мамы уже никакого не будет... Приехав домой, я наплевала на его приказ идти собирать чемодан и последовала за ним в кабинет. Там он в очередной раз попытался убедить меня, что действует исключительно в моих интересах. Даже приплел свадьбу двоюродной сестры, о которой я в свете событий благополучно забыла. Она тоже жила в Малаге и хоть мы и редко виделись с Вики, она нас всех приглашала на торжество. И мы даже собирались ехать, но в тот момент все это казалось таким далеким, будто из другой жизни. Я, кажется, даже впервые в жизни позволила себе повисить голос на отца. Понимала, что так я тем более от него ничего не добьюсь, но психика уже просто не выдерживала...

Крик, разумеется, на отца никак не подействовал. И тогда я ухватилась за последний шанс. Глупый, необдуманый, отчаянный... но в тот момент я была уверена, что мне уже нечего терять. Тогда я еще не знала, что скоро потеряю не только маму, но и вас с Максом. Но тогда мне казалось, что вот оно, худшее что со мной может случиться – меня отпра-

вят на неделю в Испанию...

И я предприняла последнюю отчаянную попытку избежать этого. Я сказала отцу, что все эти обмороки – это лишь игра. Он и раньше часто упрекал меня в излишней эмоциональности и эксцентричности, так что был шанс, что он поверит. Я на одном дыхании протараторила как я всего лишь хотела привлечь его внимание, как мне не хватало его из-за вечной занятости на работе, как все в последнее время были заняты чем-то своим и никому не было дела до меня... Я врала, да. Но тогда я надеялась, что отец разозлится и в наказание оставит меня дома. Я готова была к любой расплате: домашнему аресту, лишению карманных денег... что угодно, только бы он дал мне шанс провести последние дни с мамой.

Он разозлился, да. Честно говоря, я до сих пор не знаю поверил ли он мне. Но решение свое не изменил. И я полетела в Малагу.

Спустя неделю я с прискорбием узнала, что обратного билета у меня нет и отец возложил на бабушку важную миссию решить когда же ребенок будет готов к возвращению на родину.

Я сделала несколько глотков остывшего чая, потому что понимала, что мне нужна небольшая передышка. Попытка рассказывать эти события про другую девочку, а не про себя, оказалась провальной. Я все равно начала скатываться в прошлое и в то ощущение бессилия, когда что бы я ни делала, результат был один...

– Сначала я пыталась поговорить с бабушкой начистоту и объяснить свои чувства, что да, несмотря на все переживания, я все равно хотела вернуться домой. Но бабуля никогда не отличалась легким характером, даже отец за глаза называл ее “гитлером в юбке”, поэтому мои слезы на нее никакого эффекта не возымели. Когда это не помогло, я придумала другую тактику – пыталась старательно изображать, что жительный морской воздух помог и я, полная сил и энергии, готова вернуться на родину. Даже сходила на девичник Вики, потому что бабушка настояла. Фото с девичника, кстати, которые она добавила в свой инстаграм, стали еще одной причиной ненависти вас с Максом, так как были прямым доказательством, что я забила на проблемы семьи и всю развлеклась на курорте.

Бабка была непреклонной. Не знаю в чем была причина... то ли ее изначальная нелюбовь к маме, хотя не то чтобы она к сыну питала особо теплые чувства или вообще к кому-нибудь, по большому счету. Вполне возможно, что она, как и отец, считала что действует мне на благо...

Когда я поняла, что бабушка отпускать меня не намерена, я попыталась достучаться до семьи, но отец был вечно занят, маме к тому моменту стало еще хуже и она уже практически не вставала с постели, а Максим... я не знаю откуда он узнал о моем разговоре с отцом, но он точно поверил в версию про

то что обмороки были ненастоящими и просто вычеркнул меня из своей жизни. Он даже на звонки мои не отвечал.

Глеб, при этих слегка дергается и я впервые с начала моего монолога встречаюсь с ним глазами. В его взгляде целая буря эмоций: вина, боль, страдание...

Я задаю ему немой вопрос, который мучал меня все эти годы: “Это ты рассказал ему?”

Я помню как встретила Глеба в коридоре когда в слезах выбегала из кабинета отца, но тогда я и подумать не могла, что он подслушивал наш разговор.

Глеб кивает и одними губами произносит: “да”.

– Алекс был единственным кто мне верил и передавал хоть какие-то новости из дома. кивнув сама себе продолжаю – Только от него я узнала, что врачи давали маме последние пару дней... Я на коленях упрашивала бабушку отпустить меня, но она отказала сославшись на заботу о моем здоровье, мол мои расшатанные нервы могут не выдержать такого напряжения... И да, я знаю, что мои дальнейшие действия сложно назвать разумным поступком, но я была в отчаянии! Мне было пятнадцать, я была в чужой стране и я не знала что делать! Тогда я пригрозила бабке, что сделаю что-нибудь с собой если она не купит мне билет домой. Блеф чистой воды, да... и я и бабка это понимали, но она, прикрывая это, разумеется, лучшими побуждениями, доложила все отцу и опре-

делила меня в реабилитационный центр. На десять дней я оказалась взаперти среди малолетних наркоманов и алкоголиков, а именно они были основными клиентами клиники...

А когда я вышла... мамы уже не было в живых. Отец дал зелёный свет моему возвращению на родину, чудом вспомнив, что у него есть дочь.

Выходя из самолета я пребывала в уверенности, что худшее уже позади, наивно думая, что хуже быть уже попросту не может.

Отец все так же пропадал на работе, брат продолжал меня игнорировать, а когда я попыталась рассказать правду, ни ты, ни он не захотели меня выслушать.

В школе мое отсутствие связали с бредовыми слухами о моей беременности и решили что я пропала на месяц потому что делала аборт, потом кто-то, – на этом месте я сделала многозначительную паузу, – подлил масла в огонь и пустил слух о моей попытке суицида и все, конечно, решили что это меня совесть замучила из-за того что избавилась от ребёнка.

В общем, в прежнее русло жизнь не желала возвращаться, у меня было впечатление что из Испании я приехала не вся, как будто где-то по дороге я потеряла важную часть своей личности и теперь наблюдала за всем происходящим со стороны.

Даже нападки одноклассниц меня не особо волновали. Я

знаю, что Аня Котова всегда неровно дышала к Максусу, поэтому прознав что мы с ним в ссоре, она, видимо, решила заработать очки в его глазах и развернула целую кампанию “доведем Полину”. Сначала они подбросили мне в парту лезвие. Я даже не сразу придала этому значение, подумала, что кто-то забыл его в столе... ну мало ли, кто-то карандаш хотела заточить старым верным способом. На следующий день у меня в столе лежал моток веревки и мыло. Тогда я, наконец, догадалась, что они пытаются угадать подробности моего попадания в лечебницу. Дети очень жестокие, да... Но к счастью, к тому моменту у меня было настолько сильное эмоциональное выгорание, что сил хоть на какую-либо реакцию у меня не оставалось. Каждый день я выгребала из парты что-то новое и демонстративно несла это в урну у доски.

Но однажды они все-таки добились своего. Я уже была сломана, а Аня и ее свита добились меня окончательно. В тот день они подбросили мне баночку со снотворным. Точно такое же прописали маме в ее последние дни и я помню как каждый день сама давала ей таблетки... Это стало последней каплей. На глазах одноклассников у меня случился очередной нервный срыв и отец, который и до этого устал выслушивать жалобы учителей о моей невнимательности и отстраненности на уроках и резко снизившейся успеваемости, принял решение оставить меня дома до конца года. Перспектива задержаться в школе на второй год пугала, но в душе я радовалась передышке в несколько месяцев.

Я практически не выходила из дома, с каждым днём все больше уходила в себя и неизвестно чем бы все это закончилось если бы не Алекс. Каждый день после школы он приходил ко мне и всеми силами пытался напомнить мне какой была наша жизнь ДО. Сначала ему это не особо удавалось, но он не сдавался, он единственный верил в меня и я до сих пор не знаю как, но ему удалось вытащить меня из затяжной депрессии.

На следующий год в школе меня уже так откровенно не травили, но моя социальная жизнь так и осталась в прошлом. А потом в моей жизни появился Кирилл... Как выяснилось, для того чтобы покорить мое сердце много не надо было, достаточно было быть кем-то со стороны, тем кто был не в курсе всех слухов. Так что в какой-то степени, в моих отношениях с Русеевым, есть ваша с Максом заслуга, – я попыталась пошутить, но судя по выражению лица Урицкого, шутку он не оценил.

Его лицо вообще не выражало никаких эмоций, он снова закрылся от меня, нет и следа от той бури эмоций, что я видела там несколько минут назад. Чистый лист. И я почему-то подумала, что сейчас он наденет привычную маску презрения, скользнет по мне своим холодным взглядом и равнодушно заявит, что моя история ничего не меняет, что я сама виновата во всей этой ситуации и он ожидал от моего

рассказа чего-то другого. И я бы очень хотела соврать самой себе, что мне все равно, но это было не так... И та злость, которой мне не хватало в начале рассказа, наконец, пришла.

– Доволен? – ядовито поинтересовалась я. – Теперь я, наконец, могу остаться одна и попытаться забыть об этом кошмарном дне? – “и о тебе”, мысленно добавила я.

А потом наши взгляды встретились и я снова увидела весь спектр эмоций – вину, отчаяние, безысходность... но уже через мгновение он отвел взгляд и тихо сказал:

– Да, конечно. Я..., – он замолчал на полуслове, будто ему больно продолжать или потому что не может подобрать нужные слова.

А потом произошло то, чего я боялась с самого начала, Глеб закрылся в себе. Я буквально почувствовала этот момент, его обреченность, когда он решил, что что бы он ни сказал, ситуацию это не изменит.

– Тебе надо отдохнуть, Полли. Можешь не провожать, я знаю где выход.

И с этими словами он, действительно, направился к двери. Через несколько секунд я услышала щелчок замка, но продолжала стоять на месте еще какое-то время, пытаюсь разобраться в своих чувствах. О том, чтобы попытаться понять чувства Глеба и речи не было. Не то чтобы я ждала, что он станет молить меня о прощении... но такая реакция меня сильно коробила. И что дальше? Мы опять враги? Просто

чужие люди? Никто?

Глава 57

Глеб

– Какими же крестинами мы были. Мы ее сломали, Макс.

Друг, который не проронил ни слова, пока я пересказывал ему слова Полины, закрыл глаза, сильно надавив пальцами на веки, потом открыл их, шумно вздохнул и достав сигарету из пачки, закурил. Он как будто специально избегал моего взгляда, а когда все-таки посмотрел мне в глаза, меня будто током пробило:

– Ты знал! Ты знал, что произошло на самом деле! – Я сам не заметил, как мои руки сжались в кулаки. Я что, серьезно собираюсь сейчас врезать лучшему другу?

– Успокойся, – сказал Макс, выпустив струю густого дыма. – Не знал, но догадывался. И уж разумеется не с самого начала. Я заподозрил, что мы с тобой налажали со спешным выводами, когда бабка после смерти оставила почти все деньги Полине. Она бортанула отца, ну и меня, получается. Отец рвал и метал, не мог понять в чем причина. Попытался выпытать у Полины, но она ему тогда сказала что ей от старой гримзы ничего не надо и пусть она своё бабло с собой в могилу тащит. Повезло, что нотариус сказал, что даже для того чтобы отказаться от наследства, она все равно должна дожидаться своего двадцать первого дня рождения.

Полька же с ней так ни разу и не виделась после смерти матери. Наотрез отказывалась возвращаться в Испанию, а когда бабка сюда приезжала пару раз, всегда у своего Булавина пряталась и дома не показывалась пока та не свалит обратно. Тогда я думал, что это ее очередные закидоны...

Нотариус ей еще передал письмо от бабки. Полина его открыла, взглянула лишь на секунду и сразу выбросила в ведро. Я потом его вытащил и там было всего лишь многоречивое “Прости меня, Полина”.

Я пытался поговорить с ней сразу после этого, но она захлопнула дверь перед моим носом и сказала, что теперь уже поздно, и надо было четыре года разговаривать. На это не возразить было нечего. Надо было, действительно, раньше... Но мы все испортили. И мои извинения уже нафиг не нужны были. Я не знал... не знал, что ее в школе так донимали. Я тогда домой только ночевать приходил, когда спросил отца почему Полина в школу не ходит, он сказал, что она стала забивать на учебу. Я видел, что она постоянно грустная, но решил что это из-за матери.

А потом появился Русеев... и она выглядела счастливой эти годы. Кирилл мне никогда не нравился, но рядом с ним она изменилась, начала, наконец, улыбаться и я когда до меня, наконец, дошло как мы облажались... я подумал, что будет лучше, если мы оставим ее в покое.

Макс замолчал и мы какое-то время сидели в тишине, он

закурил вторую сигарету и еле слышно произнес слова, которые у меня у самого вертелись на языке:

– Она нас никогда не простит. Никогда.

– А мы заслуживаем прощения, Макс? – Угрюмо интересуюсь и понимаю, что руки все еще сжаты в кулаки. Ну и кого я бить собрался? Мы оба виноваты, так что вполне можно врезать самому себе, но боюсь, тогда Чак Паланик точно засудит нас за плагиат.

Четыре года назад я с таким воодушевлением ухватился за возможность ее ненавидеть, как будто от этого зависела моя жизнь. Идеальная младшая сестренка моего лучшего друга, наконец, показала свое истинное лицо... а я лишь обрадовался, что не успел усложнить наши отношения до этого, иначе бы точно потерял их обоих. Я бы мог еще долго сокрушаться о том как сильно налажал четыре года назад, но внутренний голос заботливо напомнил, что лажать я не перестал и сейчас – воплощал в жизнь свои откровенные подростковые фантазии, продолжая ни во что не ставить Поли... Неудивительно, что она меня послала, когда я великодушно решил “забыть прошлое”. Как она, вообще, могла смотреть на меня после всего этого? И этот месяц... что это было с ее стороны? Неужели у нее остались хоть какие-то чувства ко мне после того что мы с Максом учинили четыре года назад? Что это было? Трек, лифт, “фабрика”... Просто игра? Она хотела подпустить меня поближе, чтобы потом

ударить посильнее своей правдой?

Черт побери! Я опять я ее демонизирую, ищу злой умысел, хотя прекрасно понимаю, что это была не игра. Скорее всего она, как и я, не особо задумывалась о том к чему это может привести, а просто терялась в моменте, так сказать...

Макса, судя по всему, терзали те же мысли. Он затушил сигарету и со всей дури двинул кулаком по столу, а потом резко встал, отбросив свой стул в сторону. Он злился. Очень. В памяти сразу начали всплывать фрагменты прошлого, как он злился на диагноз матери, на врачей, на весь мир, на отца... а потом и на сестру. Мы оба злились тогда, хоть Инна Витальевна и не была мне родной, всегда относилась ко мне как к сыну, особенно если учесть сколько времени я проводил в их доме из-за частых командировок отца. И драки реально помогали. Никогда не думал, что буду так радоваться боли... но Полина была права, боль физическая очень хорошо заглушала моральную. Правда, ненадолго. Вот и сейчас я с силой пнул отброшенный другом стул и выругался.

– Полегчало? – поинтересовался Макс.

– Пока нет, – ответил я и криво усмехнулся. – Но есть идея.

Макс с удивлением смотрел как я снимаю пиджак и расстегиваю верхние пуговицы рубашки:

– Я, конечно, понимаю, что с Полиной тебе теперь ничего не светит, но если ты считаешь, что я, как ее брат и твой

лучший друг, предложу тебе искать утешения в моих объятиях, ты ошибаешься, – говорит он и ржет, хотя прекрасно понял что я имел в виду, потому что сам уже тоже закатывает рукава и двигает стол в сторону, чтобы освободить место.

– И да, мы уже не сопливые школьники, – чеканю я, – так что правила изменились, теперь оно одно: никаких, нахрен, правил.

И первым ударом я сбиваю кривую ухмылку с его лица.

– Отлично, – говорит Макс, сплевывая кровь. – Всегда мечтал подпортить твою смазливую физиономию.

Я злюсь! Злюсь на Макса, злюсь за ублюдка Егора, даже на Полину. Не за то что произошло четыре года назад, конечно, а за то что подвергла себя опасности сегодня. Но больше всего я злюсь на себя.

Поэтому когда я вижу кулак Макса, понимаю, что у меня есть доли секунды, чтобы увернуться, но стою не двигаясь, приветствуя боль. Как же я, мать вашу, по этому скучал!

Никогда не понимал тех, кто держит эмоции в себе. Это ж, нахрен, разрушительно. Злости надо давать выход, иначе она заживо сожрет тебя изнутри. Каждый справляется с проблемами по-разному: кто-то пьет, кто-то трахается, а кто-то бьет морду лучшему другу...

Понятия не имею сколько времени прошло, но стало легче. Мы были глупыми пацанами, когда придумали эту игру, но что тогда, что сейчас, она отлично помогала справиться

с внутренней болью.

Макс пошел в ванную за аптечкой, а я окинул комнату взглядом, представляя реакцию клининга на капли крови на ковре и мебели. У стула отсутствует ножка, Макс, видимо, насмотревшись голливудских боевиков, приложил им мне по спине, которая, кстати, нехило теперь болела, хотя пока дрались, меня это лишь насмешило.

Я прошел к холодильнику и достал несколько пакетов льда, приложив сразу же один к своей физиономии. Костяшки на руках были разбиты в хлам, но они меня волновали мало. А вот пугать окружающих разбитым лицом не очень хотелось, хотя об этом надо было думать раньше.

В универе на следующий день, люди и правда, поглядывали косо. Особенно, когда заметили, что рожи разбиты у нас обоих, но мы лишь отшучивались, что пришлось отбиваться от толпы гопников в темной подворотне.

Но больше всего я ждал реакции Полины... подойдет или не подойдет? Утром в холле я ее не видел, хотя до последнего торчал там в надежде встретить ее, правда, так и не придумав что ей скажу. Но она так и не появилась, что в принципе, неудивительно, после вчерашних событий. Да и вряд ли она хотела в очередной раз оказаться в центре внимания, а после того как мы вчера переполошили весь универ, пытаюсь найти Егора, все только об этом и говорили.

Макс курил на улице, а я то и дело бросал взгляды на парковку и на знакомую ауди, которая стояла там со вчерашнего дня. Умом я понимал, что не заслужил, чтобы она даже просто посмотрела в мою сторону, но все же сердце предательски дрогнуло, когда Полли, в сопровождении верного рыцаря Булавина, появилась на горизонте.

Увидев меня, она хотела было развернуться в другую сторону, но разглядев мою физиономию, замерла на месте. Макс, стоявший к ней спиной, прочитал напряжение на моем лице и тоже повернулся к ней. Полли, заметив состояние его рожи, сразу сложила два и два, раздраженно закатила глаза как будто мы были нашкодившими котами, и поспешила во-свосяси.

Глава 58

Я решила, что никто меня не осудит если после вчерашних событий я решу прогулять учёбу, тем более, что без телефона я даже будильник не могу завести. Кроме парочки наручных часов в моей квартире время было только на духовке и несмотря на то что я могла, в принципе, использовать таймер на ней вместо будильника, я решила дать себе возможность поспать.

К сожалению, Булавина я об этом не предупредила и поэтому проснулась от противной трели дверного звонка.

– Как вообще люди раньше без телефонов жили? – с порога поинтересовался он. – Я всю ночь себе места не находил потому что не мог тебе позвонить или написать. Порывался даже приехать, но не хотел портить вам с Урицким веселье. Где он, кстати? Я думал он теперь тебя на шаг от себя не отпустит. Ты бы видела его вчера...

– Я ему рассказала. Мою версию событий. Так что веселья не было, мог бы и приехать.

Алекс выругался и заключил меня в объятия.

– Ты как?

– Не знаю, – я потерла виски, пытаюсь отогнать головную боль. – Честно говоря, мне кажется, что запасы моей нервной системы слегка истощились за последние пару дней и мне просто не хватает ресурсов для обработки всех эмоций. На-

до срочно записаться к психологу, судя по предыдущему сеансу, она в моих чувствах разбирается гораздо лучше меня.

– Следующий сеанс в четверг, но если хочешь, можем попробовать перенести на пораньше, – заявил Булавин с серьезным видом и увидев мое удивленное лицо, продолжил: – Что? Я записал тебя сразу на месяц. Хотя... пожалуй, надо бы проапгрейдить на пожизненный абонемент. Видит бог, она еще диссертацию напишет по твоему случаю или назовет твоим именем какой-нибудь синдром.

– Не уверена, что могу позволить себе это сейчас. Вполне возможно, что ей придется повременить с диссертацией до моего дня рождения, а пока придется тебе выслушивать мое нытье.

– Ничего не имею против выслушивания нытья, но вообще-то я уже оплатил пять сеансов.

– Что? Надеюсь, они вернут тебе деньги, потому что мне реально нужно начать экономить.

– Так экономь, я-то тут причем?

– Что значит причем? Ты же не думаешь, что отныне вместо папочки за меня будешь платить ты? Я верну тебе деньги за первый сеанс и если они не сделают возврат, то и за остальные тоже. Сколько ты заплатил?

– Воронцова, ты в своем уме? Мы не первый раз платим друг за друга, и раньше мы никогда не считали кто кому сколько должен. Если бы отец не заблокировал твои карты, тебе бы и в голову не пришло возвращать мне деньги.

– Это было раньше, пока мы с тобой были в равных положениях.

– И что, мне теперь выбросить свои карты и пойти маляром на завод если захочу купить тебе стакан кофе?

– Не сравнивай стакан кофе и психолога. Я знаю эту клинику и могу представить сколько там стоит сеанс.

– Еще неделю назад ты бы сама не заметила разницу между этими суммами, так почему я должен? Ты никогда не возражала когда я оплачивал счет в ресторане, например. Это воспринималось как хорошее воспитание. В моей жизни ничего не поменялось. Я знаю, что просто наличку ты не возьмешь, так что даже пробовать не буду, но свое отношение я менять не собираюсь. Если тебя это так коробит, то можешь обсудить это с психологом в четверг. На этом предлагаю закрыть тему.

В этом был весь Алекс, иногда с ним было абсолютно невозможно спорить, поэтому я только махнула рукой и направляясь к кофемашине заявила:

– Вообще-то, я намереваюсь с чистой совестью прогулять универ. Так что, могу сварить тебе кофе и с добрым напутствием отправить грызть гранит науки за нас двоих.

– Я как бы тоже туда не собираюсь. Адвокат звонил, следователь просил передать, что они нашли твою сумку на даче Нечаева и ты можешь ее забрать в отделении.

Нечаева? Я не сразу поняла, что речь идет о Егоре. Надо же, парень рассказал мне как убил Марину, собирался убить меня... а фамилию я его узнала только сейчас.

– Так что, в силу того, что твоя тачка все еще на университетской парковке, мне придется тоже прогулять и поработать твоим водителем. Думаю, наши чуткие преподаватели поймут в какой безвыходной ситуации я оказался и войдут в положение.

– Конечно. Ведь наши чуткие преподаватели никогда не слышали о такси. Или об общественном транспорте.

– Я уже вижу тебя в троллейбусе, да, – усмехнулся Булавин. – Собирайся давай, мне надо хотя бы к третьей паре успеть.

Кофе мы все-таки выпили, я даже смогла накормить друга завтраком, благо стараниями Урицкого холодильник был битком набит.

Следователь встретил нас уставшей улыбкой и еще раз на прощание повторил, чтобы я завязывала с детективными сериалами. Мог бы не напрягаться, я и сама понимала, что этого расследования мне хватит на всю оставшуюся жизнь, пусть полиция впредь сама своей работой занимается.

Из отделения мы сразу отправились в универ, я – чтобы забрать машину с парковки, Алекс же все-таки собирал-

ся пойти на пары. Попрощавшись с Булавиным, я надеялась незаметно добраться до своей ауди, но судя по количеству студентов на крыльце и вокруг универа я поняла, что мы попали как раз на большую перемену. За углом, в местной “курилке” стояли несколько парней и почувствовав на себе обжигающий взгляд, я встретилась глазами с Урицким. Увидев его лицо я сбилась с шага и остановилась посреди дороги: верхняя губа была разбита и на скуле красовался внушительных размеров синяк.

Когда он уже успел? Если бы это были следы драки с Егором, то я бы заметила еще накануне. Я, конечно, вчера была не в лучшем состоянии, но такое бы точно не пропустила.

В этот момент один из парней, стоящих спиной, повернулся и я узнала своего брата. На его переносице красовался пластырь, а под левым глазом был огромный фингал и я сразу поняла откуда у них увечья. Эти двое решили тряхнуть стариной. Я с раздражением закатила глаза, пробормотала “придурки” и продолжила свой путь к машине. В этот момент меня окликнул брат и, несмотря на то, что я решила не останавливаться, слышала что он пошел за мной.

– Эй, подожди, – сказал он поравнявшись со мной. – Ты имеешь полное право со мной не разговаривать, я знаю. Я просто хотел сказать, что знаю о треке.

На секунду я опять сбилась с шага. Урицкий что, ему рассказал о том что между нами произошло? Вот так просто

“кстати, прикинь, я поймел твою сестру прямо у твоего байка”... хотя, это вполне объясняет наличие синяков у них.

– Можешь больше не прятаться, приходи когда хочешь. Я давно хотел тебе сказать, что не возражаю.

– Что? – я запоздало поняла, что он говорит вовсе не о том, что произошло внутри бокса. – И давно ты знаешь?

– С самого начала, – усмехнулся брат. – Ты всерьез думала, что я не замечу как меняется пробег?

– Но... почему ты ничего ни разу не сказал? За все два года?

Макс только пожал плечами:

– Не хотел портить тебе веселье. Ты бы продолжала кататься, если бы знала, что я в курсе?

– Вряд ли..., – честно призналась я.

– Вот и я так подумал, – подмигнул брат и тут же поморщился от того как натянулась кожа под глазом.

Я не знала что еще сказать и поэтому просто кивнула и села в машину.

Идея поехать на трек была очень заманчивой, но к счастью, у меня есть еще один способ релаксации, который, в отличие от байка, может принести хоть какой-то доход и поэтому вернувшись домой я села за швейную машинку. У меня оставалось всего несколько дней чтобы закончить заказ, а значит следовало поторопиться.

Знаю, что многие не могут понять как звук швейной машинки может успокаивать, но меня ритмичный бег иглы меня всегда завораживал. Вот и сейчас, увлекшись работой, я поняла что головная боль, мучившая меня с утра, начала отступать.

К вечеру я закончила с базой, но впереди еще была долгая работа по вышивке камнями и стразами, поэтому я всерьез начала подумывать, чтобы прогулять занятия и на следующий день. Обычно я никогда не тороплюсь с шитьем, пытаюсь насладиться каждым моментом и на дольше растянуть удовольствие, но в этот раз у меня были обязательства перед заказчиком и даже дедлайн. Я чувствовала особую ответственность, может потому что боялась, что как только отложу нитку с иглой, мысли, отступившие с началом работы, снова вихрем влетят в мою голову... В итоге я просидела за вышивкой до пяти утра, лишь изредка отвлекаясь на кофе.

Проснувшись ближе к обеду, я поняла, что моя ночная рубашка полностью промокла, а головная боль вновь вернулась. Контрастный душ мне так и не помог прийти в себя, а кофе, который обладал магической способностью всегда возвращать меня к жизни, в этот раз даже не полез в горло.

Такое впечатление, что организм вчера на последнем ресурсе завершил работу над платьями и сейчас с чистой совестью сообщал мне, что всё... мы с ним больше не можем притворяться, что все нормально, что похищение и угроза

смерти на меня никак не повлияли, что конец наших, толком не успевших начаться, отношений с Урицким не задел мои чувства и что я просто могу продолжать жить как раньше.

Я вернулась в постель и до вечера провалялась на грани между сном и явью. Мне кажется, я слышала как кто-то звонил в дверь, но не могла найти в себе силы встать с кровати. Я предполагала, что это был Булавин и втайне порадовалась, что не успела вернуть ему его комплект ключей, потому что видеть мне сейчас никого не хотелось.

Я раскрыла все окна, но мне все еще было жарко, и я запоздало поняла, что скорее всего у меня поднялась температура. Сомневаюсь, что умудрилась где-то подхватить вирус, скорее всего просто организм исчерпал свой последний ресурс и сейчас отчаянно пытался дать мне понять, что нужно отдохнуть. Поняв, что задыхаюсь в четырех стенах, я начала одеваться.

К счастью, мне хватило ума не садиться за руль и поэтому я вызвала такси. Водитель, хоть и посмотрел на меня с удивлением, когда я попросила опустить все стекла, но ничего не сказал, – вот они, преимущества такси бизнес класса. Все полчаса дороги я смотрела на то, как на город опускается темнота и везде зажигаются огни.

Глава 59

Глеб

Просидев у ее дома больше двух часов, я так и не решился зайти. Что я ей скажу? Что мне жаль? Думаю, мои слова, какими бы искренними они ни были, ей не нужны, а на действия я пока не был способен. Что такого я могу сделать, чтобы загладить свою вину? Притащиться с букетом роз? Спеть под окном? Макс сказал, что ей просто нужно время и несмотря на то, что я понимал, что он прав, я все равно как придурок приперся к ее дому и уже второй час смотрел как ветер раздувает шторы на ее распахнутых настезь окнах.

В какой-то момент я увидел машину Булавина и его самого, но он вышел из подъезда довольно быстро, из чего я сделал вывод, что если даже с ним она не захотела нормально поговорить, то мне там делать точно нечего.

Через какое-то время к дому подъехало такси и я с удивлением увидел, как из подъезда вышла Полина и забралась в машину. Меня она не заметила и сам не знаю почему, я решил отправиться за ней.

Вскоре я понял, что она направляется к отцу. Интересно... Решила высказать наболевшее? Может, разговор со

мною прорвал плотину чувств и она решила и с ним поговорить начистоту, ведь он тоже виноват в произошедшем. Еще пару дней назад я бы предположил, что у нее закончились деньги и она решила принять его условия, но теперь, когда больше нет необходимости подозревать ее самом худшем, я понимаю, что она бы на это не пошла.

Вскоре я понял, что ошибался, потому что такси проехало родительский коттедж и направились дальше. Мое недоумение только усилилось когда через пару минут машина остановилась у детской площадки и Полли пошатываясь вышла из машины. Она что, пьяная? И приперлась сюда посреди ночи? Я понял, что все внутри меня начинает закипать и мое обещание больше никогда на нее не злиться летит в тартарары.

Немного заплетающейся походкой она доходит до качели и буквально падает на деревянное сиденье, кладет голову на железный каркас и отталкиваясь ногами, раскачивается.

Какое-то время я тупо стою на тротуаре силясь найти объяснение происходящему. Может, у нее здесь свидание? Какого хрена было переться в другую часть города, чтобы покачаться на качелях? Время идет, а на площадке так никто и не появляется, так что идея со свиданием отпадает сама собой. Меня она тоже не замечает, хотя ей достаточно посмотреть налево и Полли меня увидит. Но она, ритмично раскачиваясь ногами, смотрит перед собой, либо же вообще закрыла

глаза, в темноте сложно разглядеть.

Через какое-то время я не выдерживаю и подхожу ближе. Она открывает глаза и удивленно смотрит на меня, потом едва заметно улыбается и тихо говорит:

– Привет.

Я здороваюсь в ответ и замечаю, что ее глаза блестят в темноте, а на щеках румянец. Нет, я злюсь на нее не за алкоголь, видит Бог, после всего что она пережила, ей надо расслабиться, но все внутри начинает закипать от одной мысли, что у нее хватило ума приехать сюда одной. Мало ей того придурка в клубе? Хочет нарваться на очередные приключения?

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю пытаюсь придать голосу спокойствия.

– Качаюсь, – она пожимает плечами и грустно улыбается. – Мы часто приходили сюда с мамой. Папа не хотел устанавливать качели в саду, они бы портили общий вид, так что мы приходили сюда. Она сидела здесь, – Полли кивает на соседнее сиденье. – И мы всегда смеялись представляя реакцию отца, если он увидит ее на детской качели. Я... я иногда приезжаю сюда подумать, просто побыть... Особенно когда мне ее не хватает. Логичнее было бы возвращаться в их дом, но... там уже ничего от нее не осталось.

Она опять грустно улыбается, а у меня от этой улыбки все

сжимается внутри. Они, действительно, были очень близки и если у меня так болело от смерти Инны Витальевны, могу только представить что чувствовала Полина.

Какое-то время мы молчим, потом она встает и почти падает, но я успеваю ее подхватить. Чувствую как от нее исходит жар и запоздало осознаю, что она не пьяна, у нее высокая температура и она, возможно, даже бредит. Это как раз объясняет, почему она нормально со мной разговаривала вместо того, чтобы послать подальше.

Под слабые протесты я подхватываю ее на руки и несую к машине, аккуратно кладу на заднее сиденье и какое-то время, как киношный маньяк, глажу ее длинные волосы. Одергиваю себя и сажусь за руль. Надо бы заехать в аптеку, но оставлять ее одну в машине не решаюсь. Будем надеяться, что в ее квартире имеется хоть что-то из лекарств.

Она никак не реагирует когда я глушу мотор у ее дома и я опять подхватываю ее на руки, предварительно отыскав ключи от квартиры. Все это время окна были распахнуты настежь и сейчас здесь по-настоящему холодно. Положив ее на кровать, я методично закрываю все створки и отправляюсь на поиски лекарств.

В ванной, на полке среди армии тюбиков и баночек с косметикой, нахожу два одиноких пакетика с жаропонижающим

порошком. Пойдет.

Ставлю чайник и слышу настойчивую трель дверного звонка. Не хочу чтобы противная мелодия ее разбудила, поэтому нехотя плетусь в прихожую, пытаюсь понять кто мог припереться в такое время.

На пороге стоит Булавин, чего он опять пришел? Только ж уехал пару часов назад...

Если он и удивлен моим присутствием, то виду не подает:
– Я, конечно, рад вашему счастливому воссоединению, но Полина все равно огребет за то что трубку не брала весь вечер и дверь не открывала. И только не говори, что так были увлечены, что не слышали звонков.

– Она плохо себя чувствует, у нее жар, – беззлобно поясняю я. Долгие годы я считал Булавина ее бесхребетным другом, застрявшем в пожизненной френдзоне. Как иначе объяснить, что он всегда был на ее стороне и последние четыре года волком смотрел на нас с Максом? Теперь-то я понимаю, что он был ее единственным настоящим другом, который верил в нее несмотря ни на что. И блин, как бы ванильно это ни звучало, но я реально благодарен ему за то что был с ней все эти годы.

Булавин молча разувается и по-хозяйски идет к ней в спальню, садится на кровать и прикладывает руку ко лбу. Я вижу как он смотрит на нее, как его лицо напрягается от вол-

нения и... черт побери, я не ревную, но завидую, что ли... тому что между ними есть, доверию, дружбе и да... отсутствию недопонимания. Готов поспорить, ему не приходится каждый раз подбирать слова для разговора с ней, им легко доверять и верить друг другу, нам же предстоит всему этому учиться заново. И то, это при условии, что Полли этого захочет.

Иду на кухню и заливаю порошок горячей водой. Через минуту здесь же появляется Алекс, спрашивает меня давно ли Полина в таком состоянии и интересуется как я попал в квартиру. Я рассказываю ему о ее поездке на детскую площадку и по отсутствию удивления на его лице, делаю вывод, что он знал о ее традиции приезжать туда. Возможно, они даже сидели там вместе, вспоминали Инну Витальевну, просто молчали...

Я отдаю ему чашку с лекарством и направляюсь к выходу. Сейчас я явно здесь лишний.

Глава 60

Открыв глаза утром, первым делом я увидела спящего в кресле Булавина. Значит, вчерашняя встреча с Урицким мне привиделась? Ну конечно привиделась, откуда ему было взяться на той площадке? Ох, плохи мои дела если в бреду мне является Глеб в образе рыцаря в сияющих доспехах и на руках несет меня к машине. Но как ни силилась, я так и не смогла вспомнить как умудрилась попасть домой. Хотя, судя по храпящему в моей спальне Алексу, можно сделать вывод, что рыцарем вчера поработал он.

Стараясь не разбудить друга, я отправилась в душ и даже предприняла героическую попытку постоять под холодной водой, но в последний момент сжалилась над собой и подкрутила воду погорячее. Организм трусливо подсказывал, что если я, действительно, болею, то ледяной душ может только усугубить ситуацию. Но прислушавшись к этому самому организму получше, я поняла, что чувствую себя вполне прилично. Голова прошла, жара тоже нет... Как я и предполагала, скорее всего вчерашнее состояние было вызвано не простудой, а нервной перегрузкой.

В любом случае, универ я все так же собиралась прогулять. А вот Алекса придется растолкать, хватит уже пропускать занятия из-за меня.

Впрочем, будить верного друга мне не пришлось, к тому моменту когда я вышла из ванной, он уже истязал мою кофемашину и опустошал холодильник.

– Ты как? – наверное, в сотый раз за последние дни поинтересовался он.

Я понятия не имела как ответить на этот вопрос, поэтому молча пожала плечами и взяла чашку из его рук.

– Чувствую себя как после хорошей вечеринки... понятия не имею как оказалась дома вчера. Как ты узнал где меня искать?

– Я? – вытаращился на меня Булавин. – Я тебя нашел в твоей спальне, а вот как ты туда попала, можешь спросить у Урицкого.

– О Боже, – простонала я. – Значит это был не горячечный бред? Я честно мало что помню из событий вчерашнего вечера.

Убедившись, что чувствую я себя гораздо лучше, Булавин отправился домой чтобы переодеться и успеть на занятия, предварительно пересказав мне что ему поведал Урицкий. Я же опять глубоко задумалась, пытаюсь найти объяснение действиям Глеба. Сначала он выслушивает мою версию событий четырехлетней давности и не произнося ни слова уходит в закат, потом он торчит под моими окнами и даже сле-

дует за такси, в которое я села, тащит мое бессознательное тело домой, а потом опять уходит в закат... Хотя что ему еще надо было сделать? Выгнать Булавина? Занять диван в гостиной? Угрюмо провести всю ночь в машине у подъезда? Бред собачий. Но из окна я на всякий случай выглянула и не увидев знакомый “мерседес”, вздохнула с облегчением.

Мне определенно нужна консультация с психологом, потому что я понятия не имела чего хочу от Урицкого. Да, в идеале я бы хотела чтобы он упал на колени, посыпал голову пеплом и признал, что четыре года назад повел себя как полный мудака. Он ведь даже не извинился. Вообще ничего не сказал. Ни-че-го!

Но дальше что? Мы становимся закадычными друзьями и вплетаем друг другу одуванчики в косы? Мы все так же, время от времени занимается спонтанным сексом? Мы начинаем официально встречаться? Мы просто расходимся в разные стороны, поняв что кроме общего прошлого нас ничего не связывает?

Я понимала, что пока сама не разберусь со всеми этими вопросами и не пойму какого именно финала я хочу, Урицкого мне лучше не видеть. Не хватало еще, чтобы он увидев мои влюбленные глаза, признался мне в любви из чувства вины.

Закончив финальные штрихи в платьях, я написала Кари-

не, что заказ готов, попутно заметив кучу непрочитанных сообщений и пропущенных звонков. Большинство из них датиrowались понедельником, когда все усиленно меня искали. Увидев несколько незнакомых номеров, я вдруг подумала, что среди них вполне могут быть телефоны брата и, возможно, даже Глеба.

Поняв, что мысли опять могут завести меня не в то русло, я вытащила из шкафа экип и отправилась на трек. Правда, по дороге пришлось заехать в ювелирный ломбард и сдать браслет, который я так ни разу не надела. Учитывая его изначальную стоимость, я рассчитывала на большую сумму, но согласилась и на то что предложил оценщик. На первое время мне этого точно хватит, тем более что Карина пообещала перевести оплату за заказ в ближайшее время. Мне кажется, пока я своими глазами не увижу эти деньги, я так и не поверю в то, что заработала их сама.

В этот раз я не стала испытывать байк на прочность, а дала себе расслабиться на безопасной скорости, плавно нарезая круги по треку. Но к сожалению, громкий рев мотора не смог заглушить мои хаотичные мысли.

Пару дней назад я чуть не умерла, а думаю сейчас не об этом, а о Глебе. Я поняла, что даже сеанс с психологом жду не для того чтобы рассказать ей о похищении и проработать возможную травму, а для того чтобы она мне сказала что

делать с личной жизнью. И да, я прекрасно понимаю, что она не даст мне четких указаний или хотя бы простого совета, но, возможно, поможет разобраться в собственных чувствах. Потому что самой мне в них ни за что не разобраться.

Загнав байк обратно в бокс, я решила, что мне просто нужно время и дала себе обещание не думать об Урицком и всем, что с ним связано. В моей жизни и без этого сейчас достаточно проблем. Будут ли у меня стабильные заказы? Когда надо вносить арендную плату за квартиру и насколько облачна это сумма? Вполне возможно, что в ближайшее время мне придется искать новое жилье и решать кучу других проблем. А еще надо платить за учебу. И бензин дорожает каждый день. Я уже молчу о том сколько стоят расходники на мою тачку... искренне надеюсь, что в ближайшие полгода ей не потребуются никакой ремонт.

С этими мыслями я добралась домой и увидев сообщение от Карины о том, что скоро приедет курьер за платьями, принялась искать для них чехлы и готовить к отправке. Ох, надеюсь, что нигде не нашла с размерами и все останутся довольны моей работой.

Закрыв за курьером дверь, я отправилась переодеваться, но едва успела снять с себя кашемировый свитер, в дверь опять позвонили. Решив, что это вернулся курьер, я открыла дверь не удосужившись посмотреть в “глазок” и теперь удив-

ленно смотрела на стоящего на пороге Глеба.

Глава 61

– Привет, – улыбнулся Глеб вполне искренне. – Вижу, что чувствуешь ты себя гораздо лучше. Что ж... это слегка портит мои планы, но думаю, мы что-нибудь придумаем.

Осторожно подвинув меня, он вошел в квартиру и закрыв за собой дверь, потряс книгой у меня перед глазами. Выйдя из ступора, я прочитала название и с недоумением посмотрела на Глеба. Он пришел ко мне с томом сочинений Достоевского? И своим бодрым и здоровым видом я испортила ему планы?

– Я долго думал с чего начать... как нам преодолеть эту пропасть в четыре года, – сказал он как ни в чем не бывало, как будто его совсем не удивляет что я так не произнесла ни слова. – Поэтому я решил, что нужно начать с самого начала. Вообще-то, – он укоризненно посмотрел на меня, – по моей задумке ты должна была лежать в постели с температурой и я бы читал тебе Достоевского. Не знаю как для тебя, но для меня это было началом.

В голове крутились сотни вопросов, но я так и не смогла открыть рот, чтобы задать ни один из них. Может, вчерашняя горячка была заразной и теперь передалась Урицкому?

– Для меня ты всегда была младшей сестрой Макса и какое-то время я даже относился к тебе как к сестре тоже... Впервые я понял, что чувствую к тебе что-то большее именно тогда, – он снова потряс передо мной томиком Достоевского и до меня, наконец, дошло о чем он говорит и почему надеялся, что я не успела выздороветь и нахожусь в постели. Ветрянка. Идиот. Оргия. – Ты тогда днями напролет читала мне, а я лежал и надеялся, что у меня разовьются какие-то осложнения и болезнь затянется... потому что мне нравилось твое присутствие, нравился твой голос, нравилось смотреть на тебя, нравилось, что мне не надо было делить твое внимание ни с Максом, ни с Алексом.

Смысл его слов до меня доходит словно сквозь туман. Он что... я что, ему нравилась тогда? Сколько мне было лет? Тринадцать или четырнадцать? О боже, я что, нравилась ему до того как он нравился мне? Но он никогда... он никогда ничего не говорил, даже не намекал о своих чувствах. Я понимаю, что четырнадцатилетняя я сейчас бы пищала от восторга, если бы знала, что парень, по которому она тайно вздыхает, оказывается, тоже испытывает к ней симпатию. А вот двадцатилетняя я недоумевала и злилась почему он тогда ничего не сказал...

– Я понятия не имел что это было... Но я знал, что ты относилась ко мне как к брату. Ты сама неоднократно повторяла, что у тебя “два старших занудных брата”, – напомнил

он. – И я понимал, что своими ненужными чувствами могу все испортить. И решил запихнуть свои чувства подальше.

Макс первым заметил, что ты стала чаще приходить на наши тренировки в моем саду, первым заметил как ты смотришь на меня, но сразу срубил на корню мою эйфорию, предупредив меня чтобы я не вздумал ничего предпринимать. Он сказал, что если я сделаю тебе больно, то он меня никогда не простит и я... в пятнадцать лет редко думаешь о любви на всю жизнь, поэтому даже если я не планировал делать тебе больно, слова Макса меня отрезвили. Что будет если мы с тобой попробуем и у нас не получится? Я потеряю тебя. Макс тоже выберет тебя, ты его сестра... а я останусь один. Я потеряю вас обоих. У меня ведь кроме вас никого не было. Абсолютно. Вы были моей семьей.

На протяжении нескольких месяцев я только об этом и думал. Иногда засыпал с решимостью на следующее утро с тобой поговорить, а утром опять трусливо уговаривал себя не спешить и списывал свое увлечение на подростковые гормоны.

А потом вашей маме поставили диагноз. И я понимал, что сейчас точно не время для романтических признаний. А дальше... а дальше я с такой силой вцепился в твою ложь, как будто от этого зависела моя жизнь. Ты не представляешь как я злился на тебя когда ты уехала в Испанию и мы увидели фотки с какой-то вечеринки. Но внутренне я радовался,

я радовался, что ты оказалась не той идеальной картинкой, которую я успел нарисовать в своей голове. А еще я радовался, что не успел сказать тебе о своих чувствах... Я думаю, именно поэтому я так схватился за повод тебя ненавидеть. Ведь если верить всей душой в то, что ты эгоистичная избалованная девочка, то любовь пройдет, ведь так?

Глеб делает паузу, как будто, действительно ждет от меня ответа. Но я продолжаю молчать, не в силах выдать из себя ни слова. Что ж... в понедельник я сплошным монологом рассказывала свою историю, теперь его очередь.

– И на какое-то время это реально помогло. К тому моменту, когда ты вернулась из Испании, я уже не думал о тебе так, как раньше. Все чувства, которые меня переполняли до этого, полностью растворились в ненависти. В какой-то степени я умудрился обвинить тебя и в своих эмоциях, как будто ты специально заставила меня себя полюбить, чтобы потом сделать больно...

Через несколько месяцев я закончил школу и вздохнул с облегчением, осознавая, что нам больше не придется видеться, а значит и думать я о тебе перестану.

И какое-то время это работало, честно. А потом Макс мимоходом упомянул, что ты переехала от отца и я сам того не замечая, время от времени оказывался на парковке у твоего дома. Как будто мне было необходимо смотреть на то как ты

идешь домой с Русеевым для того чтобы на корню убивать пытающиеся возродиться из пепла чувства. А потом случился трек... – на этом моменте он усмехнулся, как будто до сих пор не может поверить в то, что там произошло. Видимо, не только у меня с этим проблемы. – И весь этот месяц меня бросало из жара в холод, твой брат бы с умным видом назвал это “эмоциональными качелями”, кстати. Ты в курсе, что он увлекся психологией и постоянно цитирует заумные книжки?

Я отрицательно покачала головой, а Урицкий продолжил: – Каждый раз, когда у меня начинала зарождаться надежда, что еще не все потеряно, случалась какая-то хрень, которая отбрасывала меня в прошлое на четыре года назад. Ты просто не представляешь как я злился, когда узнал, что это ты распространила фото своего бывшего. Я, разумеется, опять не был в курсе всей правды о давлении со стороны отца и сделал свои собственные выводы, и так с каждой мелочью... каждый раз я по привычке во всем обвинял тебя! Сама знаешь чем это все чуть не закончилось в подвале Нечева.

Когда ты мне рассказала всю правду, когда я проанализировал все твои “плохие” поступки без призмы ненависти с моей стороны, я понял, каким кретином был все это время. Понял, что попросту не достоин тебя, Полли.

На секунду мое сердце сжалось, испугавшись, что он сейчас уйдет. Как истинный джентльмен, он извинился и в очередной раз пойдет начинать новую жизнь без меня в ней...

– Но знаешь что я еще понял? Я не просто кретин. Я эгоистичный кретин! Уверен, для тебя это не новость. Поэтому несмотря на то, что я тебя не достоин, сейчас я все-таки сделаю то, на что мне не хватило смелости пять лет назад.

Он расплылся в лучезарной улыбке и подмигнув мне, спросил:

– Не хочешь сходить на свидание?

Вытерев рукавом неизвестно откуда взявшиеся слезы, я попыталась улыбнуться и прошептала: – Хочу.

Глава 62

– Что, прямо сейчас? – засмеялась я, понимая, что Глеб действительно ждет, что я пойду собираться.

– Если ты не против, – он пожал плечами и я вдруг осознала, что он смущается. Глеб Урицкий, самый самоуверенный нахал на свете сейчас смущается и ждет моего ответа.

Да уж, нас обоих впереди ждет еще много открытий друг о друге. Но самое главное, что мы впервые за прошлые годы находились в одной точке, наконец-то в одной плоскости.

Последние три недели мы были словно параллельные прямые в тетради нерадивого двоечника. Вроде как по всем правилам не должны пересекаться, но тем не менее притяжение было слишком сильным.

Сейчас же я впервые чувствовала какую-то уверенность и надежду. Еще несколько часов назад я сокрушалась, что сама не знала чего хочу. Но на самом деле я боялась признаться даже самой себе, что хочу его, Глеба. После всего, что между нами было... после тонны недопонимания, ненависти, взаимных обвинений, у меня все еще остались к нему чувства. И сейчас, услышав от него, что он тоже хочет попробовать дать нам шанс, я наконец, могла снять толстую броню и признаться, что хочу того же.

На сборы у меня ушло минут десять от силы. Я реши-

ла не томить Глеба часовым ожиданием, хоть и хотелось отдать дань себе, четырнадцатилетней, и нарядиться настоящей красоткой на наше первое свидание. Но если учесть, что за последние три недели он успел повидать меня в слезах, в бреду, абсолютно голую... не стоит сильно сокрушаться по этому поводу. Да и судя по тому как он на меня смотрел, его все более чем устраивало и дополнительный слой косметики вряд ли бы что-то изменил.

По дороге в ресторан Глеб взял меня за руку и не выпускал ее даже когда официантка принесла нам меню.

А потом мы разговаривали.

И на этот раз это был не монолог одного из нас, а самый настоящий живой диалог. Хотя признаюсь, когда Глеб попросил меня рассказать больше о шитье и создании новых дизайнов, я боялась, что опять скачусь в повествование от одного лица. Но на удивление, он задавал интересные вопросы, переспрашивал непонятные термины и в целом выглядел так, будто мое увлечение его действительно интересует.

А еще я поняла, что совсем не чувствую неловкости. Изначально я думала, что мне понадобится много времени, чтобы я перестала бояться, что внезапно проснусь и теплая улыбка напротив сменится кривой усмешкой. Но вся эта обстановка... мы, вместе в ресторане, держащиеся за руки, ведущие неспешный разговор... все это казалось таким естественным и натуральным.

И да, я бы соврала, если бы сказала, что мне совсем не было горько о потерянном времени, что я не думала о том, что все это могло случиться раньше и мы могли бы избежать этих четырех лет ненависти. Да, могло. Да, могли. Но не случилось и не избежали. И тем не менее, мы вместе, здесь и сейчас. И не это ли самое главное?

Из ресторана мы вышли только тогда, когда официанты начали не только смотреть на нас с укором, но и покашливать, намекая что вывеску “мы работаем до последнего клиента” не стоит воспринимать слишком буквально.

Всю дорогу в машине Глеб держал мою руку в лучших традициях ванильных фильмов и от этого мне внутри было так тепло и комфортно, что в какой-то момент я просто закрыла глаза и решила отдаться моменту. Это не первая наша совместная поездка в машине, но именно она кажется мне особенной... и к сожалению, слишком короткой.

Казалось, вот только что Глеб стоял на моем пороге с томом сочинений Достоевского, а теперь мы стоим в дверях вдвоем. Вот только на этот раз он, судя по всему, заходить не планировал.

– Думаю, после первого свидания напрашиваться в гости не комильфо, тем более спешить нам некуда, у нас вся жизнь впереди, – с нежностью сказал он, глядя мне прямо в глаза.

– Точно, по правилам этикета я смогу тебя пригласить зайти только после третьего свидания, верно?

– Ты действительно думаешь, что меня волнует этикет, Полли?

– Вряд ли, – губы сами по себе расплылись в улыбке. – Но мне определенно нравится часть про “вся жизнь впереди”.

– Мне тоже, – он довольно улыбнулся и поцеловал меня висок: – Ты просто потрясающая. – Его губы легонько коснулись моего носа: – Необыкновенная. И я люблю тебя, – он выдохнул в мой рот, накрыв мои губы своими. – Очень.

От этих слов у меня в животе все кувырком, хоть он уже и говорил, что влюбился в меня еще шесть лет назад. Но мне, наверное, понадобится какое-то время чтобы свыкнуться с этой мыслью... Друг моего брата, моя первая любовь, моя единственная любовь, отвечает мне взаимностью и хочет быть вместе!

– И я тебя люблю, Урицкий, – под шумный вдох, я обвила его шею руками и настойчиво толкнула внутрь квартиры. Этикет, конечно, хорошо, но какой в нем смысл, если у нас вся жизнь впереди?

Эпилог

Два месяца спустя

– Пожалуйста, скажи мне, что это последняя коробка! – взмолился Глеб, появившись в сотый раз за сегодняшнее утро на пороге моей квартиры. Хотя, уже с завтрашнего дня своей я ее называть не смогу.

Несмотря на то, что Карина довольно стабильно обеспечивает меня заказами, я решила переехать в квартиру попроще, тем более, что все равно большую часть времени ночью у Урицкого. Он, конечно, как истинный джентльмен предложил мне переехать сразу к нему, но я решила повременить с этим и арендовала однокомнатную квартиру в районе попроще. Хотя, подозреваю, что она станет чем-то вроде рабочего цеха для меня, а большую часть времени я все равно буду проводить с Глебом.

Сначала я даже переживала, что он может обидеться на отказ, но... мы поговорили и расставили все точки над и. Боже, как же это, оказывается, приятно, когда можно просто поговорить друг с другом, на оставив себе шанса на “додумывания и предположения”. И я очень горжусь нами за то, что мы с ним к этому пришли!

Я объяснила ему, что хочу снять отдельную квартиру не

потому что не уверена в наших отношениях, тут, наоборот, никаких сомнений у меня не было, а потому что мне тяжело дался уход из зависимости от отца. Я хотела доказать самой себе, что смогу добиться чего-то без финансовой помощи со стороны. Мне, которая, всю жизнь тратила исключительно папочкины деньги, это было очень важно.

И Урицкий мало того, что не возражал, но и поддержал меня. Особенно когда понял, что на нашем совместном времяпровождении это никак не отразится.

С отцом за это время я так ни разу и не виделась. Один раз он звонил чтобы пригласить на семейный ужин, видимо, считал, что его “урок” я усвоила и приготовил мне очередного жениха, но я сослалась на плотный график работы. Он подумал, что я шучу, а я не стала его разубеждать.

Но потом Максим сказал, что отец выпытывал у него все мою работу и рвал и метал, когда понял, что “возвращаться в семью” я не собираюсь. Даже боюсь представить его реакцию, когда он узнает, что сын тоже получил должность в юридической компании и на место в его фирме не претендует. Вообще-то, у меня не было никакого желания лезть в их дела, но я слышала как Макс с Глебом обсуждали, что отцу пришлось продать часть активов компании, чтобы выкарабкаться из долгов. Покупателем, кстати, стал тот самый Вадим Юрьевич. Интересно, он на сделку приволок моему родителю безвкусный букет или отцу повезло?

С братом мы активно работаем над восстановлением отношений. Я бы хотела сказать, что этот процесс проходит так же легко, как с Глебом, но видимо, нам с Максимом нужно чуть больше времени. Я-то его давно простила, но он, судя по всему считает, что этого совсем не заслуживает и продолжает всячески стараться искупить свою вину. Обычно меня это раздражает, но сегодня его чувство вины явно играет мне на руку, потому что прямо сейчас они с Алексом заняты сборкой шкафа в моей новой квартире.

Когда я только нашла ее, имела неосторожность пожаловаться, что имеющийся там шкаф слишком мал и мне придется хранить половину своих вещей в коробках.

На следующий день мне позвонил курьер и спросил когда будет удобно принять доставку мебели...

Никто из парней так и не признался чьих это рук дело. Остается только порадоваться, что не получилось как с адвокатами в прошлый раз... понятия не имею что бы я делала если бы каждый из них заказал мне по новому шкафу.

Алина мне ни разу даже не позвонила, но несколько недель назад мы столкнулись в торговом центре и на следующий день курьер доставил мне пару банок шампуня и бальзама, которыми мы с ней обычно пользовались. Видимо, ей стало стыдно за состояние моих волос после уходовых средств из масс маркета. Сперва такой ее “жест доброты” вы-

звал у меня лишь раздражение, но в душе я понимала, что это ее такой своеобразный способ проявить заботу. Тем более что несмотря на более менее стабильный заработок, тратить на шампунь сумму месячной аренды квартиры у меня бы не поднялась рука.

– Что, уже устал? Даже не знала, что поездки на лифте вверх-вниз могут быть так утомительны для молодого мужского организма, – усмехнулась я.

– О, ты даже представить себе не можешь насколько поездки в этом лифте БЕЗ ТЕБЯ утомительны. Возможно, если бы ты составила мне компанию...

– То мы бы никогда не закончили с переездом, я уже не говорю о том, что соседи бы явно были не в восторге от перспективы воспользоваться лестницей.

– Я же эгоистичный кретин, ты что забыла? Так что неудобство твоих соседей меня волнует в последнюю очередь. А вот с этим лифтом у меня, кажется, незакрытый гештальт.

И с этими словами Урицкий подхватил последнюю коробку и, действительно, потянул меня в сторону лифта.

– Каковы шансы, что в этой коробке лежит то самое красное платье? – поинтересовался он.

– Там, кажется, мотоэкип.

– Мм... пойдет, – мечтательно улыбнулся Урицкий. – Я, как выяснилось, большой фанат ремейков.

Он поставил коробку на пол кабины и многообещающе улыбнувшись мне, нажал на кнопку СТОП.

Конец